

**ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

**Северо-Кавказский
регион**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
2019**

3

Редакционная коллегия:

В.С. Золотарёв – председатель редколлегии, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
И.М. Узнародов – заместитель председателя, доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Х. Акаев – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, Россия
О.А. Алимуратов – доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, Россия
А.У. Альбеков – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Ю. Апрыщенко – доктор исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
С.Н. Астапов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.Д. Бакулов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.М. Белоусов – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
М.А. Боровская – доктор экономических наук, профессор, Министерство науки и высшего образования РФ, Россия
Б.Б. Булатов – доктор исторических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, Россия
Ю.Г. Волков – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.В. Драч – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Н.Н. Евченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
А.Г. Иванов – доктор исторических наук, Кубанский государственный университет, Россия
Н.В. Изотова – доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.Ф. Карпова – доктор педагогических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Ю.С. Колесников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
С.И. Лукьяшко – доктор исторических наук, профессор, Южный научный центр РАН, Россия
А.А. Магомедов – доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия
А.В. Матецкая – доктор философских наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
Н.А. Мининков – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.М. Ниворожкин – доктор экономических наук, PhD (доктор экономики), UCL School of Slavonic and East European Studies, Лондон, Англия
Л.И. Ниворожкина – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Н. Овчинников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.А. Паламарчук – доктор исторических наук, профессор, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Россия
И.А. Полякова – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.И. Пржиленский – доктор философских наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Куцафина, Россия
М.Д. Розин – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Д.В. Сень – доктор исторических наук, Южный федеральный университет, Россия
Р.Д. Хунагов – доктор социологических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
И.К. Шевченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Э.А. Шеуджен – доктор исторических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
Е.А. Шинкаренко – ответственный секретарь, Россия
О.М. Штомпель – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия

Учредители:

Дагестанский государственный технический университет,
Дагестанский государственный университет,
Донской государственный технический университет,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Кубанский государственный технологический университет,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова,
Южный федеральный университет

Над номером работали: В.В. Дашевская, Т.М. Климчук, В.И. Литвиненко, М.С. Шипитко.

Подписано в печать 04.10.2019. Выход в свет 10.10.2019.

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Шрифт Times.

Усл. печ. л. 14,41. Уч.-изд. л. 13,54. Тираж 250 экз. Заказ № 7265

Адрес редакции и издателя (для переписки):

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, Южный федеральный университет.

E-mail: izvestiya@sfnu.ru. Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfnu.ru

Адрес редколлегии: 344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 2, к. 110,
тел.: (863) 218-40-00 доб. 11-093; доб. 11-094

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ,
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 1, к. 104, тел. (863) 247-80-51

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3

*Регистрационный номер 011018
Комитета Российской Федерации по печати
Научно-образовательный и прикладной журнал
Издается с 1973 г.
Периодичность серии 4 номера в год
№ 3 (203) 2019 г.*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Антипенко Л.Г. Нравственное измерение исторического времени в свете естественно-научного принципа Ле Шателье – Брауна	2
Клименко Л.В., Посухова О.Ю., Будаев П.Е. Социетальное измерение правовой культуры жителей Юга России (по материалам эмпирических исследований).....	8
Кумпилов Т.М. Современные подходы к исследованию социальных медиа	13
Парунова Ю.Д. Правовая аргументация: логико-лингвистический аспект	17
Ходикова Н.А. Логика и критическое мышление: история и современность	22
Шишкин А.Е. Аннигиляция патриархата как механизм насаждения женской генерации	26

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гусейнов М.Ш., Идрисов М.М. Гигант северокавказской индустрии – завод «Двигательстрой» на Каспии (1932–1940 годы)	34
Ибрагимов А.М. Хозяйственная деятельность жителей Дербентского владения в XV – XVII веках	39
Курбанов А.Д., Каяев М.И. Административная должность даруга в Средневековом Дагестане	44
Лысыков А.А. «Он знал, что большевики злы на него...»: новые документы о судьбе православного духовенства Ростова-на-Дону в 1918 году	54
Макаренко М.Ю. Начало развития демографического перехода на Северном Кавказе	59
Паламарчук Е.А. Роль пропаганды в становлении и укреплении нацистского режима	63
Шадрина А.В. Локализация старообрядческого населения Земли донских казаков в 60-х годах XVIII века	70
Эмирханов И.А. Трансформация социальной роли и социального статуса женщины во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов (на материалах Дагестанской Автономной Республики)...	75

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кислая И.А. Моделирование учетно-управленческой системы для целей коммерческого менеджмента в кредитной деятельности	80
Койка К.А. Сущность, формы и виды консолидации банковского капитала в России	86
Шейна Е.Г., Астанакулов О.Т. Совершенствование трансфертного ценообразования с целью минимизации налоговых и финансовых рисков предприятий.....	93

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Ищенко А.С. «Герой на все времена». Рецензия на книгу: Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А. Александр Невский. Исследования и исследователи. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. 368 с.	99
Contents.....	102

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 115

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-2-7

НРАВСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В СВЕТЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОГО ПРИНЦИПА ЛЕ ШАТЕЛЬЕ – БРАУНА

© 2019 г. Л.Г. Антипенко ^а^а Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия

Антипенко Леонид Григорьевич –
кандидат философских наук,
старший научный сотрудник,
Институт философии
Российской академии наук,
ул. Гончарная, 12, стр. 1, г. Москва, 109240, Россия

Рассматриваются вопросы, может ли человек устанавливать общение с временной стихией и можно ли оценивать такое общение с нравственной точки зрения. Основанием для положительных ответов служит естественно-научный принцип Ле Шателье – Брауна. Он, вместе с законами квантовой физики, позволяет обосновать фактор двойственной структуры времени, наличие в нём двух противоположных компонент – прямого и обратного течения. Компоненты эти существуют при том условии, что одна из них несёт на себе функцию разрушения, другая – созидания. В сфере социальной деятельности людей человеку даётся возможность свободы выбора: согласовывать свои действия с созидательной или разрушительной компонентой. Мера реализации такой возможности выражается термином «нравственное измерение времени».

Ключевые слова: структура времени, временной дуализм, созидание и разрушение, нравственная оценка.

Две научно-философских установки привели автора данной статьи к тому выводу, что историческое время, в котором проживает человек, имеет нравственное измерение. Обе они тождественны в том отношении, что с позиции как одной установки, так и другой время предстаёт в двойном облике, т.е. как единство двух противоположностей. И эти противоположности представляются в виде прямого и обратного течения времени. Хотя в обычном сознании существует видимость единого однонаправленного временного потока, но это ложная видимость и объясняется она тем, что противоположности входят в него с разными значениями вероятности [1]. Как это конкретно выглядит, будет показано далее. А для начала стоит отметить, что при всей важности научного открытия двойственной структуры времени ещё важнее открытие двух разных функций у противоположных сторон времени – функции разрушительной (говорят: бог Хронос пожирает своих детей) и функции созидательной. В физике их обозначают терминами *энтропийная* и *экстропийная* (или *негэнтропийная*). Вот наличие этих атрибутов у

временной стихии и даёт возможность, при определённых условиях, подходить к оценке противоположных компонент времени с позиции нравственного измерения.

К *первой установке* здесь относится то представление о факторе времени, которое содержится в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера, имеющей дело с двумя инстанциями человеческого и природного бытия – с сущим (Seiende) и с *Бытием* (Sein или, позже у Хайдеггера, Seyn). Нас самих Хайдеггер обозначает термином Dasein, что обычно переводят на русский язык как *вот-бытие*, хотя уместнее было бы здесь использовать слово *даждь-бытие* (в смысле наше бытие). Принцип, который в фундаментальной онтологии полагается в основу определения *вот-бытия*, Хайдеггер называет *заботой*. Забота есть, если угодно, априорное начало *вот-бытия*, которое обуславливает все его моменты, изучаемые психологией (воля, влечение, мышление), гносеологией (познание, понимание), этикой (совесть, нравственная ответственность и пр.). Но главное, что представляет для нас наибольший интерес, состоит в

том, что в заботе укоренена, по Хайдеггеру, временность, историческое время.

Забота означает самопроектирование вот-бытия, его направленность на будущее. У меня действительное первоначальное время, пишет Хайдеггер, обнаруживает себя из будущего, вульгарное же понимание времени зиждится на основании настоящего. При таком подходе видят основной феномен времени в *теперь*, а «именно, в урезанном относительно своей полной структуры, чистом теперь, называемом “современностью”» [2, S. 427]. Это есть видение в рамках неподлинного модуса вот-бытия с его механически-нивелированным временем. Тут требуется пояснить, что хотя сущность вот-бытия состоит в его существовании (Existenz), появляется оно не в тех или иных качествах (Sosein) как бытие вещное, а в свойственных ему модусах. Таких модусов два: один подлинный, другой неподлинный. Подлинный модус выводит нас на историческое время. Неподлинный модус вот-бытия – на механически-нивелированное время. Хайдеггер отмечает, однако, что неподлинный модус не является исторической случайностью, и разъясняет, как и почему он возникает. А с точки зрения подлинного модуса вот-бытия понимание временности соотносится с горизонтом, который маячит перед человеком в будущем в виде конца его жизни. В таком случае встаёт вопрос о том, есть ли смысл рассуждать о том, что находится за горизонтом? Найти, по Хайдеггеру, ответ на этот вопрос на уровне сущего невозможно. В поисках ответа надо подняться на уровень Бытия и в просвете Бытия посмотреть на судьбу человека.

Есть конец человека во времени. И есть предельная точка в самом времени, выделяемая на уровне Бытия. Но эта предельная точка обозначает не конец времени, а предельный переход от течения времени в одном направлении к течению в противоположном направлении. На этом предельном переходе мы сталкиваемся с *Ничто*, которое свидетельствует о том, что трансформация времени происходит мгновенно, лишена временной длительности. Ничто – показатель пульсации Бытия. С другой стороны, Ничто позволяет нам в рамках фундаментальной онтологии определиться с нашим бытием, с Dasein. «Ничто, – пишет Хайдеггер, – это не ничтожная пустота, которая ничему не даёт наличествовать, а непрестанно отталкивающая сила, которая только и вталкивает в бытие и даёт нам возможность владеть вот-бытием» [3].

Так выглядит, по Хайдеггеру, время с точки зрения его фундаментальной онтологии.

Обратимся теперь к рассмотрению *второй научно-философской установки*. Чтобы понять её сущность, сошлёмся на один эпизод, описанный В. Гейзенбергом. Имеется в виду разговор трёх физиков: Г.- П. Дюрра, К. Ф. фон Вайцеккера и самого Гейзенберга. Вайцеккер, вступая в дискуссию, высказал следующие суждения. Наша мысль, отмечал он, устроена так, что всегда приходится развёртывать её, начиная с самого простого, с альтернативы «да» и «нет». До тех пор, пока эта альтернатива осмысливается на уровне повседневной жизни, она остаётся бесплодной. Но как только она попадает в курс квантовой физики, положение резко меняется. Помимо ответов «да» и «нет» существуют ещё и другие ответы, находящиеся к данной альтернативе в отношении дополнительности. А именно устанавливается вероятность одного и другого ответа и, кроме того, фиксируется область интерференции между «да» и «нет», сама по себе обладающая определённой информационной ценностью [4, с. 353].

Квантово-физический подход к изучению времени раскрывает и в его структуре наличие компонент, соответствующих «да» и «нет» с их суперпозицией и вероятностями, приписываемыми каждой компоненте. Компонентами являются две фазы времени – положительная и отрицательная, длительность которых оценивается планковским элементом времени $t_p \approx 5,39 \cdot 10^{-44}$. Так устанавливается квантовый характер времени, от которого прочерчивается путь к его нравственному измерению. Направление этого пути задаётся и задаётся принципом Ле Шателье – Брауна.

Впервые данный принцип был сформулирован по отношению к термодинамическим системам, затем был экстраполирован на ряд других систем, начиная с механических. Открыл его французский физикохимик А. Ле Шателье в 1884 г., термодинамическое обоснование представил немецкий физик К. Браун. Принцип утверждает, что внешнее воздействие, выводящее систему из состояния термодинамического равновесия, вызывает в ней процессы, стремящиеся ослабить эффект воздействия. Так, при нагревании равновесной системы в ней происходят изменения (например, химические реакции), идущие с поглощением теплоты, а при охлаждении – с выделением теплоты. Другой пример: если газ, заключённый в баллоне, начи-

нать сжимать, то он станет нагреваться, что приведёт его к расширению, а процесс расширения вызывает в свою очередь охлаждение. При нагревании системы, состоящей из льда и воды, таяние льда обеспечивает постоянство температуры. В соляном растворе при повышении температуры количество растворенной соли увеличивается. Сюда же относятся и такие механические эффекты, как действие сил инерции.

Все такого рода системы и эффекты отличаются тем, что в них есть внутренняя и внешняя сторона. Для *локальных* систем внешней стороной выступает внешняя среда. А если брать явления глобальных масштабов, то наиболее интересной в контексте нашего исследования является описываемая в рамках релятивистской квантовой физики система, представленная в виде компаунда *пространство-время + физический вакуум*. Первая часть компаунда – внешняя сторона данной системы, вторая часть – внутренняя. Когда во внешней части открыли тенденцию к тепловой смерти вселенной, выражаемую термодинамической стрелой времени, возникла необходимость понять, как на это реагирует физический вакуум. Оказалось, что его реакция на энтропийную стрелу времени предстаёт в виде встречного, антиэнтропийного потока времени. Наличие этого феномена доказано экспериментально. В квантовой физике он в частности подтверждается наблюдением лэмбовского сдвига в одной из спектральных линий атома водорода. Механизм его реализации заключается в непрерывных квантовых флуктуациях физического вакуума, которые вносят в пространственно-временной универсум не хаос, а порядок.

П. А. Флоренский выразил двуначалие времени в терминах Хаоса и Логоса. Это нашло отражение в следующем содержании его кредо: основным законом мира Флоренский считает «...второй принцип термодинамики – закон энтропии, взятый расширительно, как Закон Хаоса во всех областях мироздания. Миру противостоит Логос – начало эктропии. Культура есть сознательная борьба с мировым уравниванием: культура состоит в изоляции, как задержке уравнивающего процесса вселенной, и в повышении разности потенциалов во всех областях, как условия жизни, в противоположность равенству – смерти» [5, с. 39]. Под разностью потенциалов Флоренский имеет в виду все известные энергетические потенциалы. К настоящему дню известны следующие: химическое сред-

ство, электромагнитный и гравитационный потенциалы, потенциалы слабого и сильного взаимодействия. Их интегральная совокупность и предстаёт в виде обратного течения времени, соотносимого с прямым течением (в данном случае сказанное относится к среднему, или усреднённому, времени, рассчитываемому квантово-вероятностным способом).

Среди наших отечественных мыслителей наиболее близко к концепции нравственного измерения времени подошёл В. Н. Муравьёв (1885–1932). Нравственное измерение времени он соотнёс с процессом овладения временем, или, лучше будет сказать, с процессом освоения времени. Муравьёв вплотную подошёл к квантовому представлению временной стихии, хотя в те дни, когда он писал свою книгу «Овладение временем», он не мог быть знаком с законами квантовой механики. Тем важнее понять и оценить в контексте данного исследования те открытия, к которым пришёл автор данной книги.

Итак, многие исследователи, и в частности последователи Далькроза [6], писал он, обратили внимание на значение ритма для восприятия времени. Однако из этого не сделали практических выводов и «здесь получается такая же остановка, как у представителей теорий организации труда, когда они говорят о времени исключительно в смысле уплотнения его, т.е. о заполнении работой данного, уже готового времени» [7, с. 269]. Так вот ритмисты видят возможность ритмического восприятия времени и регулирования в нём движений, но на самом деле «ритмическая работа может не только использовать готовое данное время, но может *творить новое*, согласно своему собственному заданию» [7, с. 270]. «В самом деле, – разъясняет Муравьёв, – повторение какого-нибудь действия во времени есть не что иное, если отвлечься от окружающего, как воскрешение этого действия, система воскресительных актов, превращающих слепое и неразумное время, навязываемое нам всеобщим течением природной эволюции, в новое, разумное время, творимое нами согласно идеалу нашего ума» [7, с. 270].

Как видно, Муравьёв предвосхищает существование квантовых скачков времени при смене его течения на обратное. Поток внешнего, объективного, принудительного времени, говорит он, даётся мне восприятием движения стрелки на циферблате часов. Эти условные движения обозначают движение Земли вокруг

Солнца и суточное его движение, процессы, протекающие объективно, вне моей власти. «Такой характер этих процессов, вечное, как мне кажется, движение в одну сторону, выражается в необходимости календарных сроков и связанных с ними часов каждого дня. Календарь и часы служат поэтому символами определённой последовательности событий, мне неподвластных» [7, с. 154]. Понятно, что было бы невозможно изменить ход этих событий, обращать их вспять, если бы направление отмечаемого по часам календарного времени не представляло собой время усреднённое (см. выше). Поэтому, согласно Муравьёву, надо видеть возможность построения (в ограниченной сфере) такого календаря и таких часов, движение которых было бы не просто поступательным, но заключало бы в себе отходы назад, повторения, возобновления движений. «Другими словами, они показывали бы случаи обращения и возобновления времени» [7, с. 154–155].

Процессы обращения и возобновления времени имеют под собой объективные основания и проявляются не только в человеческой деятельности. Ими обусловлены наблюдаемые результаты эволюции живой природы по ступеням развития от низшего к высшему. Но в социальной деятельности людей человеку дана возможность не только фиксировать процессы обращения времени, но и управлять ими, учитывать их продуктивность. В одной из глав муравьёвской книги, озаглавленной «Культура как овладение временем», говорится, что культура есть результат созидания времени в том смысле, что каждый акт, меняющий мир, есть такое созидание. Это можно понять, если принять во внимание, что образование времени совершается посредством утверждения длительности каких-либо ценностей, сопротивляющихся в этом акте разъедающей силе времени. «Эти ценности и составляют ценности культуры. Их жизнь есть всегда победа над всеуносящей рекой Гераклита, и хотя и они, в конце концов, уносятся ею, но каждая из них, до момента своего уничтожения, оказывала ей некоторое сопротивление, была в этом потоке как бы твёрдым осадком. Такая способность одолевать время, хотя бы в малом масштабе, очевидно, есть показатель потенциальной способности в гораздо большем калибре создавать свою собственную длительность» [7, с. 108].

В письме Л. Д. Троцкому, отосланному 6 февраля 1920 г., процитированная здесь мысль

Муравьёва была подана в развёрнутом виде, в форме проекта нового подхода к организации экономической деятельности в условиях советской власти [7, с. 83–89]. Неизвестно, был ли автору письма словесный ответ Троцкого, но негативные последствия письма известны, и они трагичны.

Когда говорят о недостатке времени в каких-то делах, то неявно ссылаются на эффективную или неэффективную затрату временного ресурса, так что нравственное измерение представляется в оценке его расхода, расходования. Время может быть затрачено субъектом на созидательный труд (физический и психический), а может быть пушено на труд расточительный. Критерий различия одного и другого вида трудовой деятельности был введён выдающимся отечественным мыслителем, основоположником социалистической политэкономии С. А. Подолинским (1850–1891). Имеются в виду его статьи «Социализм и единство сил природы» и «Труд человека и его отношение к распределению энергии» [8]. Созидательный труд, по Подолинскому, отличается от расточительного тем, что он ведёт к накоплению превратимой энергии. Понятие превратимой, или свободной (в терминах термодинамики), энергии означает вид энергии, которая способна превращаться в работу. «Труд (созидательный. – Л.А.), – писал Подолинский, – есть понятие вполне положительное, заключающееся всегда в потреблении механической или психической работы, имеющей неизменным результатом увеличение превратимой энергии или сохранение от рассеяния такой энергии, которая при своём потреблении будет иметь последствием увеличение запаса энергии» [8, с. 37]. Кладёзь превратимой энергии, по Подолинскому, в работе зелёных растений, которые усваивают энергию солнечного излучения.

Подолинский высоко оценивает примечания Н. Г. Чернышевского к политической экономии Милля, в которых Чернышевский обращает внимание на особый род расхищения энергии, выражающийся в производстве предметов роскоши и в непроизводительном потреблении. Признаком последнего, отмечает Подолинский, служит потребление, сопровождающееся только рассеянием энергии, а не её накоплением. «Нам кажется... что мы правы, относя производство предметов роскоши и непроизводительное потребление к области расхищения энергии. Нам не представило бы затруднения привести ещё

много других примеров этого расхищения...» [8, с. 80]. Ближайший пример, добавим от себя, это производство военного оружия, средств истребления людей.

Теперь можно уточнить понятие нравственного измерения времени. Время раскрывает возможности навстречу процессам и созидательным, и разрушительным. В зависимости от того, как эти процессы реализуются, функция времени оценивается по-разному: в одном случае она оказывается на стороне жизненного добра, в другом – на стороне зла.

В квантовой физике различают два вида взаимодействия, или взаимосвязи, систем и процессов. Одни называются силовыми, другие – не-силовыми (В. А. Фок). Не-силовые связи суть, в точном смысле, связи квантово-информационные (коррелятивные). Человек в своей деятельности не может воздействовать на время непосредственно силовыми факторами. Но для него открыта возможность использовать в этом плане квантово-информационную связь и реагировать соответствующим образом на получаемую от временной стихии информацию. «Реагировать соответствующим образом» значит воздействовать на тот или иной процесс, протекающий во времени, либо силовым, либо информационным способом.

К числу людей, обладающих такими способностями, принадлежал И. В. Сталин. В 1952 г. была опубликована его книга «Экономические проблемы социализма в СССР» [9]. Издана она была по случаю подготовки учебника политэкономии. В ней содержится критика ряда скороспелых экономистов, предложивших своё видение основных положений учебника. Но главное – сталинский подход к определению временного ресурса в научно-производственной деятельности.

Сталин коротко анализирует основные категории и принципы марксистской политэкономии (товарное производство, стоимость и прибавочная стоимость, производительные силы и производственные отношения (базис и надстройка) и т.п.) и приходит к выводу, что при социалистическом производстве наверняка изменится оценка количества труда, затраченного на производство продуктов. Он пишет, что стоимость, как и закон стоимости, есть категория историческая, связанная с существованием товарного производства. С его исчезновением исчезнет и стоимость с её формами, как и закон стоимости. «На второй фазе коммунистического

общества, – указывает он, – количество труда, затраченного на производство продуктов, будет измеряться не окольным путём, не через посредство стоимости и её форм, как это бывает при товарном производстве, а прямо и непосредственно – количеством времени, количеством часов, израсходованным на производство продуктов» [9, с. 21].

Отсюда становится понятно, почему при социалистическом производстве отпадает или радикально изменяется понятие стоимости. Фактор времени нельзя продать по стоимости. Умение подключаться к созидательному ресурсу времени можно лишь поделить с другими работниками. Фактор времени меняет взаимоотношение между производительными силами и производственными отношениями. (Следует напомнить, что производственные отношения принято называть экономическим базисом, над которым надстраивается социальная надстройка – совокупность политических, правовых, религиозных и других отношений с их соответствующими институтами). Сталин и подчёркивает, что «...общественное производство состоит из двух сторон, которые при всём том, что они неразрывно связаны друг с другом, отражают всё же два ряда различных отношений: отношения людей к природе (производительные силы) и отношения людей друг к другу в процессе производства (производственные отношения)» [9, с. 58]. Только наличие обеих сторон производства, добавляет он, «даёт нам общественное производство, всё равно, идёт ли речь о социалистическом строе или о других общественных формациях» [9, с. 58].

Обе стороны производства, отмеченные Сталиным, могут быть подключены к использованию временного ресурса. На уровне отношений людей друг к другу он реализуется посредством кооперации их трудовых усилий (как в песне о рабочей артели: эх, дубинушка, ухнем, эх, зелёная сама пойдёт...). На уровне отношений к природе реализация временного ресурса сводится к процессу отбора созидательных элементов времени из общей суперпозиции созидательных и разрушительных элементов, наблюдаемой в виде усреднённого времени.

Отправным началом для сделанных здесь нами выводов о нравственном измерении времени, о значении временного ресурса в производственной деятельности людей, etc. послужил принцип Ле Шателье – Брауна. Он независимо от других обстоятельств приводит к от-

крытию двуединой природы времени, что на философском языке выражается как (диалектическое) единство двух противоположностей. В нём мы находим ключ к другим фундаментальным научным открытиям, и, в частности, к созданию альтернативной (не ортодоксальной) космологии.

Литература и примечания

1. Антипенко Л.Г. К вопросу о двуспиной интерпретации решения квантово-релятивистского уравнения Дирака, описывающего свободное движение электрона // Трибуна УФН. URL: <https://ufn.ru/tribune/tribbr.pdf> (дата обращения: 13.03.2019).
2. Heidegger M. Sein und Zeit. 1. Tübingen, 1927.

3. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики / пер. с нем. В.В. Бибихина, А.В. Ахутина, А.П. Шурбелёва. СПб. : Владимир Даль, 2013. 592 с.

4. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М. : Наука, 1990. 400 с.

5. Флоренский П.А. Автореферат // Энциклопедический словарь Гранат. Т. 44. М., 1927.

6. Далькроз Жак Эмиль (1865–1951) – швейцарский композитор и педагог, разработавший систему музыкально-ритмического воспитания. Институты и школы по методу Далькроза были распространены во многих странах.

7. Муравьёв В.Н. Овладение временем. М. : Российская политическая энциклопедия, 1998. 320 с.

8. Мыслители Отечества: Подолинский Сергей Андреевич. М. : Ноосфера, 1991. 90 с.

9. Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. Л. : Наука, 1997. 90 с.

Поступила в редакцию

13 сентября 2019 г.

УДК 316.34

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-8-12

СОЦИЕТАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЖИТЕЛЕЙ ЮГА РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)*

© 2019 г. Л.В. Клименко ^а, О.Ю. Посухова ^а, П.Е. Будаев ^а
^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

*Клименко Людмила Владиславовна –
доктор социологических наук, профессор,
Высшая школа бизнеса,
Южный федеральный университет,
ул. 23-я линия, 43, г. Ростов-на-Дону,
344019, Россия.
E-mail: lucl@yandex.ru*

*Посухова Оксана Юрьевна –
кандидат социологических наук, доцент,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет,
ул. Пушкинская, 160, г. Ростов-на-Дону,
344006, Россия.
E-mail: belloks@yandex.ru*

*Будаев Павел Евгеньевич –
кандидат социологических наук, доцент,
Высшая школа бизнеса,
Южный федеральный университет,
ул. 23-я линия, 43, г. Ростов-на-Дону,
344019, Россия.
E-mail: pavelbudaev@list.ru*

Анализируется динамика правовой культуры населения полиэтничных территорий Юга России в контексте обеспечения социетальной целостности многосоставных регионов. На материалах повторно-сравнительных социологических исследований 2001–2019 гг. в Ростовской области, Адыгее и Кабардино-Балкарии показано, что интегрирующие правовые ценности и установки гражданско-активистского типа не являются доминирующими для жителей южнороссийского региона. Для основной части населения Юга России ограничение прав человека может быть оправдано в самых различных целях. Среди источников социально-правового поведения конкурирующими являются законы страны и собственные представления респондентов. От первого этапа к последнему фиксируется запаздывающая динамика правовых ценностей гражданско-активистского типа в Адыгее и Ростовской области и ускоряющаяся – в Кабардино-Балкарии. Фиксирующаяся неоднородность правокультурных ценностей и установок населения выступает фактором, затрудняющим формирование социетальной целостности поликультурного Юга России.

Ключевые слова: *правовая культура, социетальная целостность, полиэтничный регион, Юг России, правовые ценности, знания и поведенческие установки, республики Северного Кавказа, этнокультурная специфика.*

В социально-гуманитарном знании для анализа оснований интеграции и устойчивости общественных отношений широко используется концепт социетальности, который в научный оборот был введен Т. Парсонсом [1]. Социетальные структуры и процессы формируют интегрированность и устойчивость общества на макроуровне. Важнейшую роль в поддержании социетальной целостности общества играют

нормативно-регулирующие и социализирующие функции базовых институтов – семьи, права, образования, религии, экономики.

В гетерогенных многосоставных регионах проблемы социальной целостности и устойчивости общественного развития являются наиболее актуальными. Исследователи подчеркивают, что в условиях неравенства социально-экономического и социокультурного развития

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00270.

территорий баланс в обществе осуществляется через совокупность социетальных процессов [2]. В нашей стране особым разнообразием этнокультурного состава населения отличается Юг России, на территории которого расположены Южный и Северо-Кавказский федеральные округа (включающие 13 субъектов Российской Федерации, 8 из которых обладают статусом республики).

Одна из особенностей Юга России – сложное переплетение двух соционормативных систем – этнокультурной традиции и права, претендующих на доминирующую роль в организации жизни социума. Народы Северного Кавказа, несмотря на модернизационные процессы, во многом сохранили свои традиционные институты как важный фактор социального воспроизводства. В то же время соответствие правовых ценностей и установок различных групп населения поликультурных регионов является важнейшим залогом солидарного взаимодействия как основания и характерного содержания социетального (макроуровневого) единства общества [3].

Постановка проблемы определила направленность социологического исследования этнокультурной специфики правовой культуры населения Юга России в контексте социетальной динамики макрорегиона. С этой целью была реализована серия повторно-сравнительных социологических исследований в нескольких административно-территориальных образованиях Юга России. В Республике Адыгея в 2001 г. опрошено 188 чел., в 2011 г. – 210, в 2019 г. – 328. В Кабардино-Балкарской республике в 2001 г. опрошено 208 чел., в 2019 г. – 347. В Ростовской области в 2010 г. опрошено 374 чел., в 2019 г. – 396. Метод опроса – стандартизированное интервью. Отбор респондентов по половозрастным и территориальным квотам происходил по месту проживания (столицы республик и административные центры областей).

Наиболее распространенным подходом к анализу правовой культуры населения является изучение составляющих её структурных элементов – правовых ценностей, знаний и моделей поведения [4]. В модернизированном обществе должна доминировать правовая культура гражданско-активистского типа, когда население понимает и признает приоритет прав и свобод человека, правовую ответственность, проявляет уважение к действующим законам [5–7].

Базовым компонентом правовой культуры является ценностное восприятие населением самого феномена права. Гражданско-активистский тип правосознания характеризуется признанием правовой системы в качестве основания гражданского общества и правового государства. Результаты проведенных опросов показывают, что в настоящее время для представителей северокавказских республик в большей степени актуальна охранительная функция права как гаранта справедливости и защиты от произвола (равенство, справедливость, защита). Тогда как жители Ростовской области чаще делают акцент на гражданских свободах и ответственности. Причем выраженность подобных ценностных установок нарастает от первого этапа исследования к последнему, а в территориальном разрезе убывает от ростовского сегмента к кабардино-балкарскому и далее – к адыгейскому. Вместе с тем более половины жителей Юга России демонстрируют также этатистские ориентации (право как веления власти, государственные институты), которые, наоборот, более выражены среди населения ростовского региона и реже встречаются в республиканском сегменте (табл. 1).

Результаты опросов показывают, что правоуважение как ценностная максима не является безусловным приоритетом для жителей Юга России ни в начале 2000-х гг., ни два десятилетия спустя. Для основного большинства опрошенных ограничение прав человека допустимо, как правило, в целях обеспечения социально-политической безопасности и устойчивости. В частности, на современном этапе не больше трети опрошенных жителей Юга России признают абсолютную значимость гражданских прав, т.е. считают, что права человека нельзя ограничивать ни при каких условиях (в 2019 г. 20,5 % – в Ростовской области, 19,8 % – в Адыгее и 34,9 % – в Кабардино-Балкарии).

От первого к последнему этапам опроса распространённость этой ценностно-нормативной установки сокращается в ростовском и адыгейском сегментах. А на первое место по числу ответов выходит позиция, согласно которой права человека допустимо ограничивать «если это нужно для поддержания порядка и стабильности» (35,9 % – в РО, 20,4 % – в РА, 25,9 % – в КБР). Однако в северокавказских республиках за рассматриваемый период количество респондентов, разделяющих эту ориентацию, уменьшается.

Таблица 1

**Какие ассоциации у Вас вызывает понятие «право»?
(несколько вариантов ответов на вопрос, %)**

Вариант ответа	Ростовская область		Адыгея			Кабардино-Балкария	
	2010	2019	2001	2011	2019	2001	2019
1. Справедливость	31,6	36,6	39,1	42,3	56,7	55,6	45,6
2. Равенство	17,1	22,7	21,7	19,2	33,5	20,8	34,8
3. Защита от произвола	17,6	25,3	34,8	28,8	15,9	19,4	20,8
4. Правда	17,1	12,4	17,4	15,4	10,4	26,4	20,2
<i>Всего по подгруппе</i>	<i>83,4</i>	<i>97,0</i>	<i>113</i>	<i>105,7</i>	<i>116,5</i>	<i>122,2</i>	<i>121,4</i>
5. Свобода	28,3	16,5	26,1	18,3	30,5	25,0	36,0
6. Права	24,6	39,2	0,0	21,2	20,7	0,0	34,5
7. Ответственность	23,0	45,9	43,5	26,0	20,1	29,2	22,5
<i>Всего по подгруппе</i>	<i>75,9</i>	<i>101,6</i>	<i>69,6</i>	<i>65,5</i>	<i>71,3</i>	<i>54,2</i>	<i>93</i>
8. Закон	34,8	47,4	0,0	37,5	29,9	0,0	30,7
9. Веления власти	18,2	7,2	30,4	9,6	4,9	8,3	8,8
10. Государство	22,5	35,1	30,4	18,3	22,6	20,8	23,1
<i>Всего по подгруппе</i>	<i>75,5</i>	<i>89,7</i>	<i>60,8</i>	<i>65,4</i>	<i>57,4</i>	<i>29,1</i>	<i>62,6</i>
11. Сила	12,8	17,0	8,7	16,3	11,0	13,9	13,7
12. Наказание	16,6	9,8	4,4	5,8	4,9	11,1	4,4
13. Запрет	7,0	8,8	4,4	1,0	2,4	5,6	1,5
<i>Всего по подгруппе</i>	<i>36,4</i>	<i>35,6</i>	<i>17,5</i>	<i>23,1</i>	<i>18,3</i>	<i>30,6</i>	<i>19,6</i>
14. Добро	8,0	7,2	4,4	6,7	6,1	8,3	13,5
15. Авторитет	4,8	5,7	8,7	8,7	6,1	1,4	5,6
16. Деньги	9,6	2,1	0,0	5,8	9,1	0,0	4,4
Всего	293,6	338,7	273,9	280,9	284,8	245,8	319,9

Анализ когнитивных представлений населения касательно приоритетности полномочий различных субъектов политико-правовых отношений в России показывает, что на современном этапе только половина жителей Ростовской области и Кабардино-Балкарии и вдвое меньше населения Адыгеи разделяют гражданско-правовые представления о доминировании права личности в обществе. Этатистские установки демонстрируют по 28 % респондентов из ростовского и кабардино-балкарского сегментов и уже 46,9 % – из адыгейского. В Адыгее также самый высокий процент указаний на приоритет прав этноса (17,3 %). Десятилетием раньше в Ростовской области соотношение ответов респондентов было схожим. В Адыгее представленность гражданского типа правовых установок значительно снизилась с 2001 по 2019 г. Здесь выросли подданнические правовые ориентации. В Кабардино-Балкарии фиксируется повышающаяся динамика гражданско-правового типа

установок и уменьшающаяся – этатистских и этноцентрических представлений (рис. 1).

Поведенческий компонент правовой культуры проявляется в установках касательно мотивации исполнения законодательных норм. Больше всего респондентов, которые ориентируются на правовую норму как легитимный для них регулятор поведения, – в Ростовской области (около половины опрошенных на современном этапе и девять лет назад). В Адыгее для третьей доли опрошенных актуальны этнически маркированные правовые нормы и данный показатель в современный период возрос. Но также треть адыгейцев указывают, что закон нарушать нельзя ни при каких обстоятельствах, однако данный показатель с 2011 г. значительно уменьшился. В Кабардино-Балкарии за последние два десятилетия заметно сократились ориентации на этнические регуляторы и возросли гражданско-активистские. Однако в северокавказских республиках наблюдается снижение восприятия правовых норм как наказания и системы санкций (табл. 2).

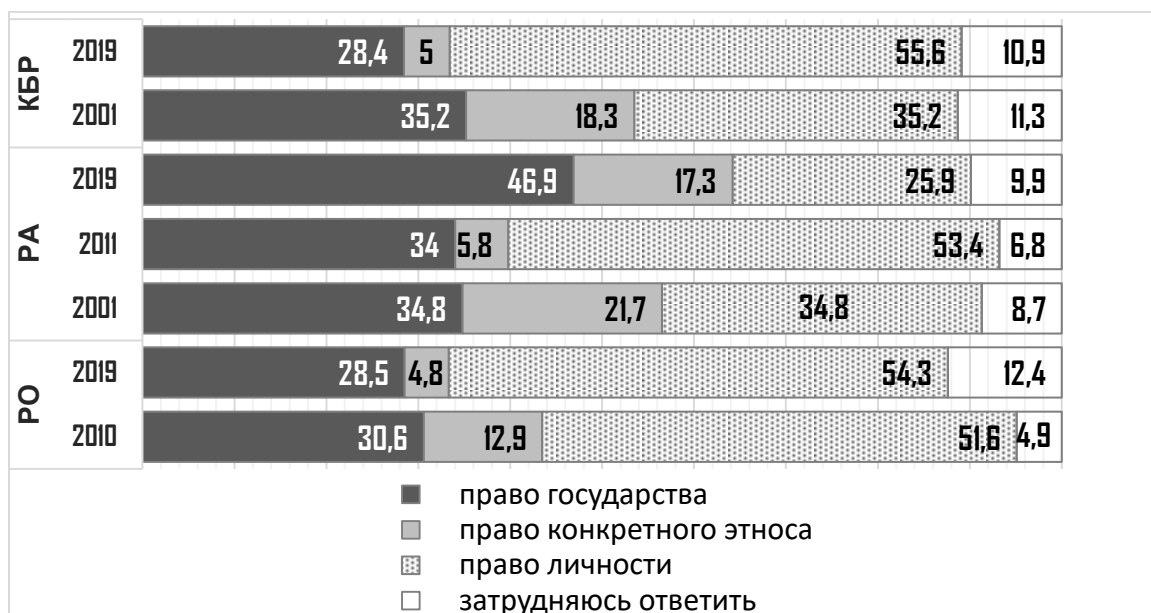


Рис. 1. Права какого субъекта общества должны доминировать в России для обеспечения нормальной жизни людей? (один ответ, %)

На современном этапе фиксируется рост значимости индивидуалистских источников социально-правового поведения в ростовском (с 32,1 % – в 2010 г. до 44 % – в 2019 г.) и кабардино-балкарском сегментах (с 11,3 % – в 2001 г. против 27,1 % – в 2019 г.). В КБР также наиболее велик процент указаний на значимость этнических обычаев и норм в социально-правовом поведении, хотя динамика таких представлений понижающаяся (27,1 % против 11,3 % соответственно). В то же время приоритетность в адыгейской подгруппе установок на нормативно-

законодательные источники правового регулирования (49,6 % – в 2019 г.) выглядит скорее декларативной, так как в сопоставлении с предыдущим вопросом о возможности нарушения закона в этом сегменте респондентов были самые низкие показатели легитимности правовой мотивации (рис. 2).

Таким образом, изучение правовых ценностей, знаний и поведенческих установок позволяет выявить социальные источники интеграции социума и прогнозировать тенденции социокультурных трансформаций.

Таблица 2

Когда можно нарушить закон? (один ответ, %)

Вариант ответа	Ростовская область		Адыгея			Кабардино-Балкария	
	2010	2019	2001	2011	2019	2001	2019
Закон не согласуется с традициями народа	10,2	5,1	21,9	5,4	31,3	23,4	13,8
Закон не соответствует представлениям Вашего круга, семьи, друзей	7,0	1,5	12,5	3,2	8,6	7,5	2,3
Закон не соответствует Вашим личным убеждениям	11,8	6,2	18,8	9,7	0,6	14,9	8,7
За несоблюдение закона не могут наказать	12,3	17,4	12,5	20,4	13,5	19,2	10,4
Закон нарушать нельзя ни при каких обстоятельствах	48,7	45,1	28,1	58,1	36,8	27,7	53,3
Затрудняюсь ответить, другое	10,0	24,7	6,2	3,2	9,2	7,3	11,5
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

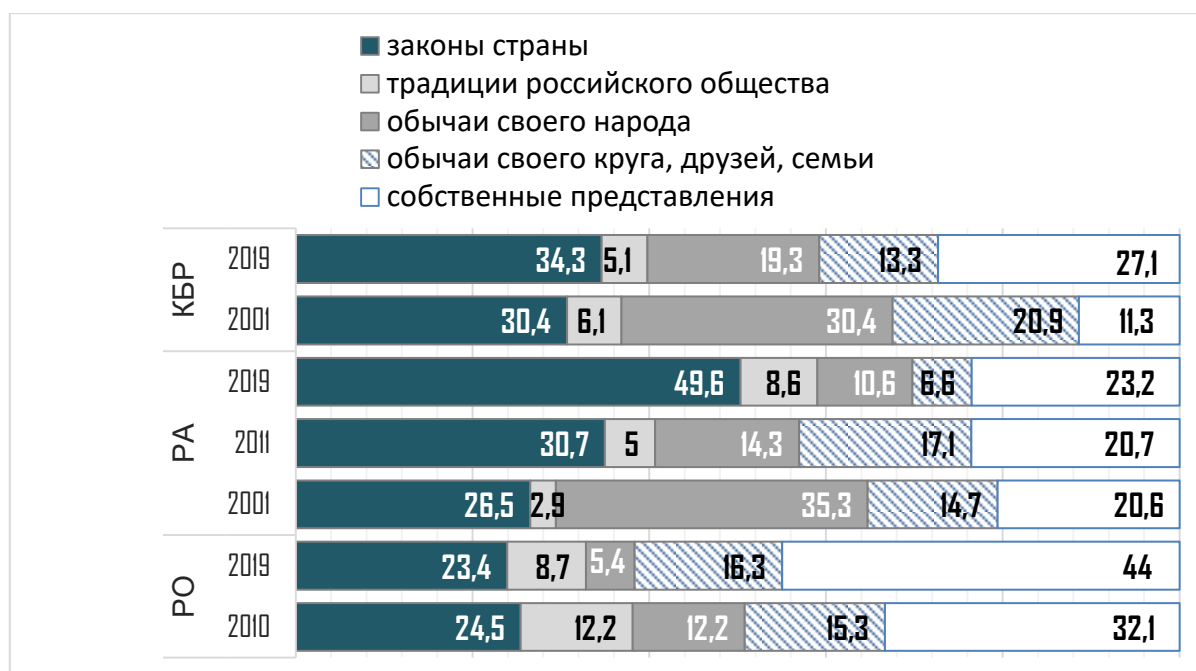


Рис. 2. Как Вы думаете, что обычно принимают во внимание люди сегодня в России, решая, как им поступить в той или иной ситуации? (один ответ, %)

Результаты исследований фиксируют, что абсолютная значимость гражданских прав не является ценностной максимой для большинства опрошенных жителей Юга России ни в начале 2000-х гг., ни два десятилетия спустя. Для основной части населения Юга России ограничение прав человека может быть оправдано в самых различных целях. Проведенные эмпирические замеры позволяют говорить о запаздывающей динамике правовой культуры гражданского типа в Республике Адыгея и Ростовской области и ускоряющейся – в Кабардино-Балкарии, что затрудняет формирование социетальной целостности макрорегиона.

Литература

1. Парсонс Т. Система современных обществ. М. : Аспект Пресс, 1998. 270 с.

2. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / сост. и общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М. : Academia, 2013. 416 с.

3. Клименко Л.В. Динамика социетальной сферы Юга России: социокультурное измерение : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Майкоп, 2016. 48 с.

4. Арутюнян М., Здравомыслова О., Курильски-Ожвэн Ш. Образ и опыт права: правовая социализация в изменяющейся России. М. : Весь мир, 2008. 208 с.

5. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Политические исследования. 1992. № 4. С. 122–134.

6. Милецкий В.П. Правовая культура как фактор консолидации и стабильности современного российского общества // Труды Санкт-Петербургского гос. ин-та культуры. 2015. Т. 208. С. 222–228.

7. Смоленский М.Е. Право и правовая культура как базовая ценность гражданского общества // Журнал российского права. 2004. № 11. С. 79–88.

Поступила в редакцию

9 сентября 2019 г.

УДК 316.77

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-13-16

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

© 2019 г. Т.М. Кумпилов^а

^а Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия

Кумпилов Тагир Маратович –
аспирант,
кафедра философии и социологии,
Адыгейский государственный университет,
ул. Первомайская, 208, г. Майкоп,
Республика Адыгея, 385000, Россия.
E-mail: tagir-kumpilov@mail.ru

Рассматриваются терминологические и методологические вопросы исследования социальных медиа. Отмечается, что в современном обществе социальные медиа не только изменили характер и структуру коммуникаций, но и трансформировали институциональную структуру общества, породив такое масштабное явление, как медиатизация социальной жизни. В исследовательской литературе выделяются институциональный и социально-конструктивистский подходы к анализу социальных медиа.

Институциональный подход рассматривает процессы социокультурных и социоструктурных трансформаций под воздействием социальных медиа. В социально-конструктивистском направлении исследуется то, как новые медиа влияют на принципы формирования картины мира потребляющими медиа-контент субъектами, на конструирование ими своей идентичности. В работах российских и зарубежных ученых анализируются технологические, социокультурные и коммуникативные аспекты влияния социальных медиа на жизнь общества.

Ключевые слова: социальные медиа, медиатизация, медиаконтент, социальный конструктивизм, институциональный подход, социальные коммуникации.

Современный этап общественного развития характеризуется интенсивным проникновением информационно-коммуникативных технологий во все сферы жизни социума. На начало 2019 г. в мире насчитывается 5,11 млрд уникальных мобильных пользователей, а в социальных сетях зарегистрировано 3,48 млрд чел. (по сравнению с предыдущим годом последний показатель вырос на 9 %) [1]. Повсеместное проникновение цифрового мира в жизнь людей уже продолжительное время изучается и описывается учеными.

В научной литературе активно обсуждается такое явление, как медиатизация общества. Оно характеризуется важнейшей ролью социальных медиа в процессе взаимодействия широких масс, конструирования их идентичности, формирования оценок и восприятия ими вопросов социально-экономической и политической жизни [2]. Новые медиа формируют широкую информационно-коммуникативную систему социальных взаимодействий современного общества.

Вопросы терминологии. В современной литературе не выработано единого определения

социальных медиа (social media). В данном тематическом поле также часто используют понятие *новые медиа (new media)*, *цифровые или диджитал (digital) медиа*, *современные медиа*. Кратко рассмотрим распространенные трактовки данных терминов.

Понятие новых медиа появилось в начале 90-х гг. прошлого века в американской литературе и трактовалось как коммуникативная практика, возникшая на базе новых цифровых технологий (компьютерный софт, интернет, мультимедиа, видеоигры, спутниковое телевидение и пр.) [3].

С другой стороны, цифровые медиа ряд авторов толкуют как «любой медиа-контент, сгенерированный при помощи цифровых средств (цифровые тексты, цифровая звукозапись, цифровое видео). Проводником к созданию и тиражированию цифрового медиа-контента всегда выступает техническое устройство» [4].

Термин «социальные медиа» стал широко использоваться последнее десятилетие с распространением новых цифровых технологий (RSS, блоги и т.д.) и интернет-ресурсов (онлайн-

новые социальные сети, видеохостинги, и т.д.) [5]. Такое разнообразие *дает возможность потребителям генерировать и обмениваться медиаконтентом* [6]. Особенность данного феномена, когда медиапродукт создается потребителем медиапродукции, Э. Тофлер назвал просьюмеризмом [7].

Можно выделить *два подхода* к осмыслению феномена новых медиа. В первом случае акцент делается на технологических аспектах производства *информационно-коммуникативного контента* [8, 9]. Во втором – социальные медиа уже не интерпретируются только как технологическая площадка для общения и обмена информации, но встроены в структуру современного общества в качестве полноценного *социального института* [10, 11].

А.Н. Чумиков понимает под социальными медиа любые проекты, функционирующие на интернет платформе web 2.0, контент которых формируют сами пользователи. В качестве площадок производства медиаконтента выступают онлайн-социальные сети, форумы, блоки, интернет-сайты, подкасты, видеохостинги, Wiki и другие онлайн- и мобильные продукты [12].

Необходимо также уточнить, что собой подразумевают социальные сети, которые составляют основу современных социальных медиа, но не идентичны им. L. Safio и D.K. Brake отмечают, что социальные сети являются компонентом социальных медиа [13]. P. Graham утверждает, что социальные сети – это все, что позволяет пользователям участвовать, создавать и делиться контентом [14]. A. Kaplan и M. Haenlein выделяют следующие социальные сети: блоги, контент-сообщества, сайты социальных сетей, виртуальные игровые миры и виртуальные социальные миры. Социальные сети также включают форумы, рейтинги, обзоры, сайты социальных сетей, сайты микроблоггинга, подкасты и видео-ролики, а также сайты обмена фотографиями [6].

В последние годы функциональность социальных сетей широко использовалась в мобильных приложениях. Это больше не уникальная функция сети. Смартфоны становятся наиболее важными социальными медиа-устройствами.

Специфика социальных медиа. Главное отличие традиционных информационно-коммуникационных площадок от новых медиа (куда входят и социальные медиа) – субъект производства медиаконтента. В первом случае медиа производят люди, для которых эта деятельность является профессией, во втором слу-

чае – не специалистами, а каждым желающим пользователем. Кроме того, инфраструктура медиапроизводства в традиционном подходе контролируется частными и/или государственными компаниями, тогда как инструменты социальных медиа доступны любому пользователю интернета.

О. Стинс и Д. Ван Фухт наиболее важными различиями новых и старых медиа считают то, что новые медиа быстрее, они открытые, имеют пользователей, традиционные – публику; новые – кратки, старые – многословны; новые – делают упор на «картинке», старые – на тексте; новые – активны, традиционные – пассивны; новые – дают возможность потребителю производить контент, традиционные такой возможности не предоставляли [15].

Чэнь Ди предлагает еще набор спецификаторов, маркирующих традиционные и новые медиа. Последние отличаются досягаемостью, т.е. возможностью обратиться к глобальной аудитории; доступностью, что подразумевает отсутствие необходимости больших вложений; простотой, когда любой пользователь без профессионального образования может стать ньюсмейкером; мобильностью, когда сообщения транслируются практически мгновенно; гибкостью, когда сетевой контент может быть изменен в любое время посредством редактирования или комментирования [16].

Социокультурные эффекты социальных медиа. Системное воздействие новых медиа на жизнь социума фиксируется в теориях медиатизации. В них делается акцент на том, как медиа формируют социальное взаимодействие и конструируют «коммуникативные конфигурации» [17] или как логика медиа влияет на функционирование других институтов, таких как религия или политика [18]. Более того, ряд ученых указывают, что интенсивное проникновение новых медиа во все общественные сферы становится спецификой позднемодернового общества. Ф. Кротц трактует медиатизацию как «глобальный паттерн, подобный индивидуализации, глобализации и коммерциализации» [19].

Специалисты также выделяют институциональный и социально-конструктивистский подходы к анализу процессов медиатизации [20]. Институциональный подход рассматривает медиатизацию как социальный процесс, который «стимулируется как развитием средств массовой информации, так и динамикой множества других институтов, в которых социальные агенты

пытаются использовать ресурсы СМИ для своих собственных целей» [21]. Кроме того, здесь анализируются процессы социальных и культурных трансформаций под воздействием медиа. В социально-конструктивистском подходе исследуется то, как новые медиа влияют на принципы формирования картины мира потребляющими медиа-контент субъектами [22], на конструирование ими своей идентичности [23].

В данном контексте исследования социальные медиа либо включены в общую проблематику медиатизации, либо становятся предметом специального изучения. В частности, широко обсуждаются позитивные и негативные эффекты от коммуникаций в социальных сетях. С одной стороны, социальные сети и онлайн-сервисы с пользовательским контентом (например, Facebook, Twitter, YouTube) сделали доступным огромное количество информации. Социальным медиа приписывают потенциал восстановления доверия, предлагаются новые возможности для участия в общественной и политической жизни [24]. С другой стороны, социальные медиа становятся источником дезинформации, фейковых новостей. Растет явление онлайн-невежливости, которое сделало среду сайтов социальных сетей враждебной для многих пользователей. Кроме того, огромный объем потоков социальных данных генерирует существенный шум. Важные события затем могут быть идентифицированы как всплески активности, в то время как значение события и его последствия могут быть расшифрованы путем отслеживания изменений в содержании и общественного мнения [25, 26].

Таким образом, социальные медиа не только изменили характер и структуру коммуникаций, но и трансформировали институциональную структуру современного общества, породив такое масштабное и всепроникающее явление, как медиатизация социальной жизни. Выделяют институциональный и социально-конструктивистский подходы к анализу процессов медиатизации в целом и функционированию социальных медиа в частности. В различных исследованиях анализируются технологические, социокультурные и коммуникативные аспекты влияния социальных медиа на жизнь людей.

Литература

1. Статистика интернета и соцсетей 2018–2019 в мире и в России. URL: <https://www.web-canape.ru/>

business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii/ (дата обращения: 11.05.2019).

2. Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: Гиперборей; Кучково поле, 2007. 462 с.

3. Деникин А.А. Критика подходов к исследованию практик новых медиа // Наука телевидения. 2014. № 11. С. 259–277.

4. Лисенкова А.А., Мельникова А.Ю. Цифровые медиа как зеркало современной культуры // Научное обозрение. 2018. № 1.

5. Неякин Г.Н. Влияние социальных медиа на бизнес-коммуникации // Диалогические коммуникации в бизнесе: материалы интернет-конф. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/33378753/> (дата обращения: 11.05.2019).

6. Kaplan A.M., Haenlein M. Users of the world, unite challenges and opportunities of social media // Business Horizons. 2010. № 53 (1).

7. Дорощук Е. С. Социальные медиа как инструмент диалога культур // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 2 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-media-kak-instrument-dialoga-kultur> (дата обращения: 11.05.2019).

8. Головлева Е.Л. Массовые коммуникации и медиатизация. Ростов н/Д.: Феникс, 2008.

9. Gillin P. The New Influencers: A Marketer's Guide to the New Social Media. Fresno: Quill Driver Books, 2007.

10. Гуреева А.Н. Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды // Вестн. Московского ун-та. Серия 10: Журналистика. 2016. № 6.

11. Дукин Р.А. Феномен социальных медиа: проблема социологического осмысления // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Социальные науки. 2015. № 4 (40).

12. Чумиков А. Н. Медиарилейшнз: учеб. пособие для студ. вузов. М.: Аспект-Пресс, 2014.

13. Safio L., Brake D. K. The social media bible: tactics, tools, and strategies for business success. Hoboken, N. J.: John Wiley & Sons, 2009. XVIII.

14. Graham P. Web 2.0 and Why? November, 2005. URL: <http://www.paulgraham.com/web20.html> (accessed 11.12.2013).

15. Стинс О., Ван Фухт Д. Новые медиа / пер. с англ. Н. Бергер // Вестн. ВолГУ. Серия 8. 2008. Вып. 7.

16. Чэнь Д. Социальные сетевые медиа и социальные сети в концепциях американских и российских исследователей // Вестн. СПбГУ. Серия 9. 2012. Вып. 3.

17. Hepp A., Hasebrink U. Human interaction and communicative figurations: The transformation of mediated cultures and societies // Mediatization of Commu-

nication. Handbooks of Communication Science. K. Lundby (ed.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. Vol. 21.

18. Hjarvard S. Doing the Right Thing: Media and Communication Studies in a Mediatized World // Nordicom Review. 2012. № 33.

19. Гришаева Е. И. Возможности и границы применения теории медиатизации к исследованию религии в публичном пространстве: опыт Скандинавских стран // Вестн. Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2018. № 1.

20. Hepp A., Hjarvard S., Lundby K. Mediatization: Theorizing the Interplay between Media, Culture and Society // Media, Culture & Society. 2015. № 18.

21. Hjarvard S. Mediatization and cultural and social change: an institutional perspective // Mediatization of Communication. Handbooks of Communication Science. K. Lundby (ed.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. Vol. 21.

22. Hepp A. Cultures of Mediatization. Cambridge: Polit, 2013.

23. Kim B., Kim H. Y. Growing as Social Beings: How Social Media Use for College Sports Is Associated with College Students' Group Identity and Collective Self-esteem // Computers in Human Behavior. 2019. № 18.

24. Angelo A.L., Bonelli F., Paglieri T., Reggiani F.S. Civility and trust in social media // Journal of Economic Behavior & Organization. 2019. № 160.

25. Kavanaugh A.L., Fox E.A., Sheetz S. D., Yang S., Li T.L., Shoemaker D. J., Natsev A., Xie L. Social media use by government: from the routine to the critical // Government Information Quarterly. 2012. № 29 (4).

26. Leea G.Y., Kwakb H. An Open Government Maturity Model for social media-based public engagement // Government Information Quarterly. 2012. № 29 (4).

Поступила в редакцию

14 июня 2019 г.

УДК 168.3

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-17-21

ПРАВОВАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ: ЛОГИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ© 2019 г. Ю.Д. Парунова^а^а Крымский филиал Российского государственного университета правосудия,
Симферополь, Россия

Парунова Юлия Дмитриевна –
кандидат философских наук, доцент,
кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия,
ул. Павленко, 5, г. Симферополь, Республика Крым, 295006, Россия.
E-mail: mif1974@mail.ru

В связи с важностью аргументации как метода убеждения, предназначенного для обоснования какого-либо утверждения в правовой сфере, опираясь на теоретические положения о связи языка и мышления, предпринимается попытка выявить специфику логико-лингвистического аспекта правовой аргументации. Основными свойствами ее являются рациональность, социальная и диалогическая обусловленность, соотносённость с дискурсом писаного права, вербальная форма выражения. Перечислен набор лингвистических средств выражения мысли и правовых аргументов, к которым относятся императивные конструкции, синтаксические обороты со значением обусловленности, в том числе инфинитивные, лексические средства с семантикой обязательности и необходимости, абстрактная лексика. Выделяются такие особенности речевого стиля правовой аргументации, как ритуальность, традиционность, узость спектра выбора лексики, применение клишированных фраз и речевых штампов. Рассмотрены особенности структуры правовой аргументации на примере анализа тезиса, оснований и демонстрации. Выделены основные виды убеждающих аргументов: факты, положения действующего законодательства, правовые понятия. Предложены некоторые методы освоения приемов аргументации студентами-юристами, в частности деловая (ролевая) игра, когда профессиональные задачи решаются с помощью игрового моделирования реальной проблемной ситуации.

Ключевые слова: аргументация, правовая аргументация, рациональность, законность, тезис, доказательство, демонстрация, убеждение.

Актуальность темы обусловлена тем значением, которое имеет аргументация в правовой сфере. Аргументация как метод убеждения, предназначенный для рационального обоснования какого-либо утверждения, является важной составляющей правового процесса. Грамотная аргументация во многом обеспечивает функционирование и развитие правовой системы, защищает человека от следственных и судебных ошибок. Особенно актуальна эта тема для современной правовой сферы Российской Федерации, которая находится в состоянии поиска новых, все более эффективных путей развития правового процесса, расследования преступлений и их разбирательства в суде, обновлении средств доказательности. Актуальны и проблема толкования юридических понятий, и поиск наиболее адекватных языковых средств для их выражения и формирования правовых аргументов.

В качестве объекта исследования нами определен процесс аргументации в правовой сфере, предметом исследования – ее логико-лингвистический аспект, поставлены задачи выявить особенности логи-

ческой структуры правовой аргументации и определить их выражение в языке.

Методологической основой исследования послужили теоретические положения о связи языка и мышления, основные понятия логики, лингвистики и когнитивной науки.

Проблема правовой аргументации является достаточно популярной, что определяется важностью правовой деятельности в обществе. Исследовательский интерес к ней проявляли многие правоведы и философы различных исторических эпох, начиная с античности (Сократ, Платон, М.Т. Цицерон). Значительный вклад в разработку приёмов правовой аргументации внесли французские судебные деятели XVI – XVII вв. – Леместр, Патрю, де Саси, Жербье, XIX в. – Лашо, Беррье, Лабори, Морнар и др., русские юристы А.Ф. Кони, А.И. Урусов, Ф.Н. Плевако, М.Г. Казаринов, А.В. Лоховицкий.

К XX в. складывается два подхода в изучении правовой аргументации – логико-гносеологический и риторико-гносеологический, которые со временем были синтезированы в идею новой теории

аргументации («неориторика») (Х. Перельман, Л. Ольбрехт-Тытека, С. Тулмин). Изучение проблем аргументации дополняют теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, философия диалога М. Бубера, концепция прагматической аргументации (Ф. ван Земмерен, Т. Крюгер, Р. Грутендорст), «философия аргументации» Г. Джонстоуна, концепция неформальной логики Э. Блэра, и др. Отечественные авторы также сделали свой вклад в развитие теории правовой аргументации и собрали богатый эмпирический материал (Г.А. Брутян, П.Ц. Агаян, А.Г. Алексеев, А.А. Ивин, В.И. Курбатов, Г.И. Рузавин, А.П. Кузнецов, Е.А. Макеева, Н.А. Демина). Тем не менее при наличии достаточно большого эмпирического материала отсутствует единая методологическая база, на которую могли бы опираться правоведы, не достаточно определены пределы использования аргументации, что востребует разработку как самой теории правовой аргументации, так и ее прикладных разделов [1, с. 6].

Определение аргументации имеет множество интерпретаций от широких до более узких. В философии аргументация трактуется как всеобщий мыслительный процесс, в рамках которого проводятся доказательства, способ убеждения кого-либо посредством значимых аргументов [2, с. 27]. В логике аргументация – это приведение логических доводов для обоснования какого-либо положения, логический процесс, когда истинность какого-то положения выводится из истинности предъявляемых аргументов [3, с. 49]. Под аргументами понимаются факты, законы науки, имеющие аксиоматический характер.

Процесс аргументации предполагает наличие нескольких уровней. В исследовательской литературе можно найти различные варианты их определения. Наиболее адекватным, на наш взгляд, является выделение в аргументации логико-лингвистического, диалектико-риторического и метауровня, представляющего собой рефлексию над двумя предыдущими [4, с. 26]. Логико-лингвистический уровень представляет собой последовательность упорядоченных логическими отношениями предложений. На втором уровне применяются различные тактические и стратегические приёмы, которые могут использовать и нелогические инструменты. На метауровне выявляются скрытые позиции участников аргументативного процесса, проясняются

интересы сторон, определяются объективные критерии позиций участников.

Формы проявления аргументации многообразны, она сопровождает практически все виды деятельности. Особое значение процесс аргументации имеет в юридической области, так как она является по сути формально-логической. Правила логического вывода помогают обнаружить и правильно применить механизмы воздействия правовой нормы к жизненным ситуациям. Юрист опирается прежде всего на логическое мышление, применяя рациональные методы в своей работе.

Специфика юридической деятельности выделяет правовую аргументацию в особый тип, направленный на убеждение аудитории в истинности или ложности предположений, возникающих в правовой сфере. Среди трактовок правовой аргументации выберем определение, данное Е.А. Макеевой: «Правовая аргументация – это познавательный способ убеждения в истинности (ложности), виновности (невиновности), справедливости (несправедливости) того или иного правового суждения, судебного решения, характеризующегося преимущественно вероятностным логическим выводом, диалоговостью и направленностью на аудиторию» [5, с. 10].

Как особый тип аргументации правовая аргументация обладает специфическими чертами. Регулятором ее выступают нормы писаного права. Правовая аргументация может опираться либо на юридический закон, как в европейском праве, либо на юридический прецедент, как в праве США и Великобритании, или, как в мусульманском праве, на религиозные нормы. Соответственно правовая аргументация предполагает наличие у ее участников установленных прав и обязанностей [6, с. 19].

Аргументация предполагает наличие определенной цели, субъектов и объекта. Цель правовой аргументации – достижение правового результата, наступление положительных последствий в правовом положении. В качестве объекта выступает юридический факт – конкретное жизненное обстоятельство, с которым норма права связывает возникновение, изменение или прекращения правоотношения. Субъектами – участниками правоотношений: правовой аргументатор и правовая аудитория.

Если применить к правовой аргументации схему деления ее на уровни и рассмотреть как

логики-речевую процедуру, можно выделить следующие положения.

Логика как теоретический инструмент аргументации позволяет выявить связи между правовыми аргументами, оценить демонстрируемые положения. Законы правильного мышления обеспечивают непротиворечивость правовой аргументации, исключают подмену понятий, помогают в получении как можно большего количества исчерпывающих аргументов, тем самым приближая правовую аргументацию к достижению истины. Аргументацию можно определить также как и собственно логическую категорию, цель которой – достижение выводного нового знания, посредством логических рассуждений.

Логические построения, составляющие правовую аргументацию, выражаются вербальными средствами, которые также имеют свои особенности и представляют собой официально-деловой формат с применением таких форм речи, как диалог, повествование, речевой акт [7, с. 170]. Правовая аргументация выполняет прагматическую функцию, она побуждает оппонента к какому-либо действию, либо запрещает его, что позволяет выделить аргументацию в особый вид речевого акта, успешность которого возможна, когда логика не подменяется риторикой, когда рациональный аспект является основным [8].

Базовым свойством вербальных средств выражения мысли и правовых аргументов остается их ритуальность, традиционность, узость спектра выбора лексики, применение клишированных фраз и речевых штампов. Используются языковые средства, которые подчеркивают нейтральность и строгость. Как правило, правовая аргументация строго регламентирована, развивается по определенному сценарию, подчиняется установленным правилам и ограничениям в соответствии с теми целями, которые ставят перед собой субъекты аргументационного процесса [9, с. 322]. В ней не используются лексемы, передающие оттенки смыслов, метафоризации, художественные приемы. Правовые аргументы должны иметь однозначный характер.

В правовой аргументации применяются императивные предложения, которые выражают запрет, распоряжение, требование. Часто используются инфинитивные конструкции. Привлекаются фразы со значением обусловленности (причины и следствия, обоснования и подтверждения), обязательности и необходимости

(«признать», «подлежит», «должно быть», «окончательно», «не подлежит обжалованию», «должно быть опубликовано»), вводные конструкции для обоснования выводов («следовательно», «поскольку», «как следует из...»), глаголы побуждения («предписывать», «приказывать», «обязывать» и т.д.), наречия оценочного типа, образа действия и т.д. В тех случаях, когда предполагается противопоставление различных точек зрения (в состязательном процессе, например), употребляются предложения с противительными союзами (*а, но, однако*) или содержащими синтаксические повторы [10, с. 82].

Правовая аргументация, особенно в судебной деятельности, исключает экспрессивные средства речи. Она не направлена на компромисс в попытке удовлетворить в равной мере всех участников аргументационного процесса, а носит скорее директивный характер.

Знание предмета аргументации, непротиворечивость мыслей и правильное речевое выражение находятся в непосредственной связи друг с другом, обеспечивая эффективность процесса аргументации. Если предмет недостаточно определен, аргументатор слабо ориентируется в фактическом материале, то снижается и продуктивность мыслительной деятельности. Негативно сказывается на выборе правовых аргументов и ограниченный словарный запас, лингвистические искажения. Качество речевых процессов непосредственно влияет на ценность правовых аргументов.

Каждый структурный элемент правовой аргументации (тезис, аргументы (основания), демонстрация) в практической реализации также имеет свои особенности.

Тезис по смысловому значению является макроединицей, которая определяет все уровни аргументации. И если для неправовой сферы способы введения тезиса направлены на обеспечение толерантности отношений между субъектами в коммуникативном процессе, содержат в себе приглашение к разговору, то в судебном решении тезис, как правило, выражает категорическую позицию.

В правовой аргументации возможен поиск общего семантического поля при обмене мнениями, например в состязательном процессе в суде, когда сомнение в принятии тезиса снимается путем выражения неясных или неизвестных пропозиций. При этом адекватное воспроизведение информации, заложенной в тексте аргументации, напрямую зависит от ее понимания проponentом.

В принятии же решения по рассматриваемому делу тезис носит императивный характер и имеет обязательное значение для участников.

В тезисе правовой аргументации отражается противоречие, которое провоцируется тем фактом, по поводу которого возникло правоотношение. Соответственно для его выражения могут использоваться проблемные вопросы, утвердительные или отрицательные предложения.

Для определения тезиса правовой аргументации необходима предельная ясность и точность, а также четкое содержание всех основных правовых понятий, входящих в него. На этапе формулирования тезиса устанавливается его вид – простой или сложный, а также его модальность, характеристики качества и количества.

Обоснование как логическая процедура приведения достаточных аргументов для убеждения оппонентов также предполагает наличие собственно логического субстрата, определяющего связь и последовательность аргументов и языковой аспект, в котором выражается смысловое содержание аргументов, напрямую воздействующее на сознание аудитории и зависящее от различных контекстов их приложения.

Основной принцип истинности аргументов в правовой аргументации – законность, т.е. четко и недвусмысленно очерченные государством требования. В качестве аргументов могут выступать эмпирические данные, улики, показания свидетелей, статистические данные, но основным аргументом является правовая норма, требующая соответствующей интерпретации, которая не может быть произвольной, она должна исключать субъективный компонент, так как смысл правовой нормы един, толкование ее должно быть однозначным, не может быть двух правильных пониманий одной правовой нормы [11, с. 55].

В подборе аргументов правовая аргументация требует предельной рациональности и логической правильности. Аргументы, в соответствии с принципом законности, не зависят от культурного контекста, текущей социальной ситуации, субъективно-психологических и прочих факторов, составляющих фон, на котором она осуществляется. Как правило, правовая аргументация (например, в судебном процессе) обращена к некой универсальной аудитории, носит неперсонифицированный характер. Поэтому контекстуальные аргументы, например ссылки на традиции и авторитеты, интуицию и веру, в правовой аргументации не

приемлемы. Она основывается на рациональном убеждении.

На уровне демонстрации происходит логическое связывание тезиса и аргументов. В зависимости от доказываемого тезиса демонстрация в правовой аргументации может осуществляться в виде прямого эмпирического подтверждения (например, юридических фактов в суде), дедуктивного обоснования (принятие решения по какому-либо делу). Применяется также неполная индукция (в случаях подтверждения вины или невинности на основании соответствующих улик), а также умозаключения по аналогии.

Навыки правовой аргументации требуют своего развития, они не складываются в человеке изначально. Ошибочно предполагать, что только знание фактического правового материала даёт возможность грамотно изложить заключение по тому или иному делу. Без владения законами логики, правилами построения умозаключений, грамотной речью аргументация в юридической деятельности будет неубедительной. Выработка навыков аргументации должна начинаться уже на уровне подготовки кадров для сферы юриспруденции. Особое внимание следует уделять изучению законов логики и правил выводного знания. Так, например, знание и применение закона достаточного основания способствуют определенности и внутренней соразмерности процесса мышления, подбору исчерпывающих аргументов, соблюдение закона тождества помогает с выбором синонимов, омонимов и тех понятий, которые бы адекватно отражали предмет мысли и суть проблемы, тем самым расширяя возможности юриста в речемыслительной деятельности посредством использования различных форм языка. Закон противоречия и исключенного третьего способствуют непротиворечивости мысли и соответственно выбору непротиворечивых аргументов.

Для овладения навыками правильного мышления используются как традиционные (решение логических задач, например), так и различные интерактивные методы. На наш взгляд, наиболее эффективным является деловая (ролевая) игра, когда профессиональные задачи решаются с помощью игрового моделирования реальной проблемной ситуации.

Студенты получают возможность проиграть профессиональную ситуацию с последующим анализом собственных действий. Кроме правовой профессиональной информации студенты

должны определить, какие виды умозаключений были ими использованы, каковы их правила насколько грамотной была их речь, правильно ли употреблялись профессиональные термины.

Таким образом, особенностями правовой аргументации являются рациональность, социальная и диалогическая обусловленность, соотносённость с дискурсом писаного права, вербальная форма выражения. Основными лингвистическими средствами выражения мысли и правовых аргументов служат императивные конструкции, синтаксические обороты со значением обусловленности, в том числе инфинитивные, лексические средства с семантикой обязательности и необходимости, абстрактная лексика. Речевой стиль правовой аргументации отличаются ритуальность, традиционность, узость спектра выбора лексики, применение клишированных фраз и речевых штампов. К убеждающим аргументам относятся правовые факты, положения действующего законодательства, правовые понятия.

Владение логикой аргументации, грамотная речь, использование адекватных терминов способствуют повышению уровня правовой культуры и профессионализма юриста, исследования в этом направлении требуют своего дальнейшего продолжения и исследования.

Литература

1. Баранов В.М. Специфика юридической аргументации в процессе критики законодательства //

Юридическая аргументация: теория, практика, техника (Третьи Бабаевские чтения) // Юридическая техника. Ежегодник. 2013. № 7, ч. 1.

2. Философский энциклопедический словарь. М. : Инфра-М, 2006. 570 с.

3. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М. : Наука, 1975. 721 с.

4. Зайцев Д.В. Логика и аргументация // РАЦИО.ru. 2009. № 1. С. 22–42.

5. Макеева Е.А. Правовая аргументация как объект гносеологического анализа : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2003. 21 с.

6. Кузнецов А.П. Правовая аргументация: понятие, сущностная характеристика, значение // Вестн. Нижегородской академии МВД России. 2013. № 23. С. 15–21.

7. Бачалиашивили О.В. Аргументация как речевое действие в судебном дискурсе // Вестн. Ленинградского ун-та им. А.С. Пушкина. 2013. № 4, т. 1. С. 169–175.

8. Еемерен Х.Ф., ван, Гроотендорст Р. Аргументация, коммуникация и ошибки. СПб. : Васильевский остров, 1992. 207 с.

9. Палашевская И.В. Моделирование скриптов юридического дискурса // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 2 (28). С. 316–323.

10. Белоконь Н.В. Языковые особенности аргументации в решениях Конституционного суда Российской Федерации // Юридическая техника. 2013. № 7, ч. 1. С. 78–82.

11. Демина Л.А. Некоторые аспекты аргументации в области права // РАЦИО.ru. 2012. № 7. С. 54–61.

УДК 160.1

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-22-25

ЛОГИКА И КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

© 2019 г. Н.А. Ходикова ^а

^а Академия Государственной противопожарной службы МЧС РФ, Москва, Россия

*Ходикова Нина Анатольевна –
кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии,
Академия Государственной противопожарной службы МЧС РФ,
ул. Бориса Галушкина, 4, г. Москва, 129366, Россия.
E-mail: 5856243@mail.ru*

Рассматривается проблема связи между широко обсуждаемым сегодня феноменом критического мышления и логикой в ее традиционном и современном понимании. Обосновывается важность критического мышления в свете необходимости перехода от информационного общества к обществу знаний. Обсуждаются свойства критического мышления и в связи с этими свойствами выделяются три его аспекта: логический, информационный и психологический. Логический аспект связан с учением о правильных умозаключениях; информационный аспект предполагает умение работать с информацией, оценивать ее качества; психологический аспект включает рефлексию, умение оставаться непредвзятым, признавать ценность чужого мнения, менять свою позицию в зависимости от новой информации. Анализируются концепции психологизма и антипсихологизма в логике, делается вывод о несостоятельности крайнего антипсихологизма и необходимости учитывать и использовать практические возможности логики для критической оценки реальных рассуждений и коррекции ошибок. На примере двух классических логических трудов («Логика или искусство мыслить» Антуана Арно и Пьера Николя и «Система логики силлогистической и индуктивной» Джона Стюарта Милля) обосновывается тезис о непосредственной связи логики в ее традиционном понимании со всеми тремя аспектами критического мышления. Сделан вывод о широких возможностях логики в дальнейших исследованиях критического мышления и способов его развития.

Ключевые слова: общества знания, критическое мышление, логика, Антуан Арно и Пьер Николь, Джон Стюарт Милль.

Мы живем в мире информации, окружающей нас всегда и везде, при необходимости ее можно очень быстро получить, но она устаревает так же быстро, как появляется. Во всемирном докладе международной организации ЮНЕСКО зафиксирована необходимость перехода от информационного общества (которое характеризуется распространением информационного продукта, основанном на достижениях технологий) к обществу знаний, которое представляется более совершенной стадией, минимизирующей опасности информационного общества [1, с. 118]. Очевидно, что сегодня необходимо уметь быстро и правильно анализировать информацию, оценивать ее достоверность (или хотя бы вероятность достоверности), отбирать одну и игнорировать другую, т. е. проявлять то, что называется навыками критического мышления. «В обществах знания каждый человек должен будет уметь свободно ориентироваться в потоке информации, который нас захлестывает,

и развивать когнитивные способности и критический ум, чтобы отличать “полезную” информацию от бесполезной» [2, с. 21].

Именно критическое осмысление информации переводит ее в статус знания (и только в том случае, если она этого заслуживает). Поэтому задача формирования у обучающихся критического мышления все чаще становится одной из основных в образовательном процессе. Сегодня важно не столько дать будущему специалисту конкретные прикладные знания (которые устаревают уже через 2-3 года), а научить его учиться, самостоятельно критично и эффективно получать, обрабатывать, систематизировать и использовать информацию. Важно также сформировать умение работать в команде, толерантность, умение не только отстаивать свою позицию, но непредвзято и доброжелательно оценивать чужую. Соглашаясь в том, что критическое мышление сегодня является одним из важнейших качеств личности, авторы различ-

ных исследований по проблеме критического мышления расходятся в том, как же определить этот феномен.

Из массы определений критического мышления целесообразно выделить следующие его характеристики: ясность, достоверность, взаимосогласованность, релевантность, точность, беспристрастность, широту, глубину, доказательность. Критичность мышления предполагает владение следующими навыками: сбор информации, анализ ее качества; рассмотрение задачи в целом; построение логических выводов; выявление проблемы, ее четкое определение, установление причинно-следственных связей; выработка собственной позиции по изучаемой проблеме; умение найти альтернативы, изменить свое мнение в зависимости от дополнительной информации.

В связи с вышесказанным уместно выделить три аспекта критического мышления:

- логический – умение строить правильные умозаключения самому и оценивать правильность чужих умозаключений;
- информационный – умение оценивать достоверность и релевантность информации;
- психологический – рефлексия, умение оставаться непредвзятым, признавать ценность чужого мнения.

Представляется, что логика не только непосредственно обуславливает логический аспект критического мышления, но тесно связана также с информационным и психологическим аспектами.

Мнение о том, что логика способна как описывать реальные рассуждения, так и служить для них нормативом (концепция психологизма), было общепринятым с момента появления логики в Древней Греции как «науки о правильном мышлении», модели юридических и политических дебатов. Концепция психологизма не подвергалась сомнению вплоть до начала XX в. Вероятно, в этот период основным направлением применения логики была бурно развивающаяся ассоциативная психология. Появление в начале XX в. математической логики привело к отходу от психологической ориентации и акцентированию внимания на понятии формально-логического доказательства и других сугубо формальных свойствах логики. Это, казалось бы, дало прочный фундамент для победы установок антипсихологизма: логика и психология никак не связаны и не сводимы друг к другу, источником нашей убежденности в правильно-

сти логических форм не может являться их соответствие неким структурам в нашем мышлении, логические законы существуют объективно, как и законы природы [3, с. 61]. XXI в. принес новые идеи в разрешении антитезы «психологизм – антипсихологизм».

В.Н. Брюшинкин предложил новую концепцию метапсихологизма, обосновав возможность применения логического аппарата для моделирования в рамках формальной логики по крайней мере некоторых аспектов процесса мышления [4, 5]. Сегодня установка крайнего антипсихологизма, трактующего логику как сугубо теоретический раздел научного знания, не имеющий отношения к практике рассуждений, представляется узкой и непродуктивной. Необходимость поворота в логике, основанного на ее «новом образе» как практической дисциплины, уделяющей основное внимание процедурам критической оценки рассуждений и коррекции ошибок, убедительно обосновывается в исследованиях И.Н. Грифцовой и Е.Г. Драгалиной-Черной [6, 7]. Представляется, что этот «новый образ» в определенной степени является обращением на более высоком уровне к традиционному пониманию логики как теории и практики получения истинных знаний.

Как отмечает А.С. Боброва, «связь критического мышления с навыком логического анализа прослеживается на протяжении практически всей истории развития философской мысли» [8, с. 202].

Ярким примером практически ориентированного курса логики является замечательная работа А. Арно и П. Николя «Логика или искусство мыслить», впервые изданная в 1665 г., известная так же как «Логика Пор-Рояля». Пожалуй, эту книгу можно расценивать не просто как учебник логики, а именно как пособие по развитию критического мышления. Начинают авторы с утверждения о важности и необходимости владения такими мыслительными навыками, которые по сути являются свойствами критического мышления: «ничто не заслуживает большего уважения, чем здравый смысл и способность безошибочно распознавать истину и ложь», «прежде всего надо было бы приложить старания к тому, чтобы развить данную нам способность суждения, довести ее до наивысшего доступного нам совершенства» [9, с. 7].

При этом мы без труда обнаруживаем у авторов установку на формирование у читателей всех трех перечисленных выше аспектов крити-

ческого мышления. Отметим, что роль собственно логического материала в деле развития «искусства мыслить» авторы недооценивают. С одной стороны, «...полезно руководствоваться определенными правилами, с тем, чтобы облегчить разыскание истины и сделать это занятие более плодотворным. И такие правила, без сомнения, возможны», но с другой – «чаще всего мы ошибаемся не потому, что неправильно выводим следствия, а потому, что приходим к ложным суждениям, которые влекут за собой неверные заключения» [9, с. 12–13].

Поэтому, помимо традиционно излагаемых логических систем, из которых, однако, взяты только те части, которые «более всего содействуют развитию способности суждения», Арно и Николь дополнили свою «Логик» новыми рассуждениями. Эти рассуждения касаются того, что мы назвали информационным и психологическим аспектами критического мышления. Приемы критической работы с информацией можно найти, например, в главах о соотношении разума и веры. Там авторы рекомендуют для оценки достоверности события (в частности, сообщения о чудесном исцелении), оценивать все сопутствующие этому событию обстоятельства – как внутренние, так и внешние. И лишь на основании анализа этих обстоятельств принимать сообщение как истину, как ложь, или же воздержаться от суждения [10, с. 404].

Видимо, с этим подходом бесполезно было бы ознакомиться и сегодняшним пользователям интернета, так охотно принимающим на веру любую почерпнутую из сети информацию. Отметим далее, что логическая система Арно и Николя не исключает психологического подхода к правильности мышления, поскольку трудности отыскания истины и отличия ее от лжи носят не только объективный, но и субъективный характер. Помимо знания правил фигур силлогизмов и умения их применять люди должны учиться быть внимательными, неторопливыми в своих суждениях, избавиться от тщеславия и самомнения, «обязаны быть справедливыми, беспристрастными и разумными во всех своих делах и поступках. Это главные качества, которые они должны в себе вырабатывать и развивать» [9, с. 8].

Спустя 180 лет после первого издания «Логики Пор-Рояля», в 1843 г. вышла в свет «Система логики силлогистической и индуктивной» Дж. Ст. Милля, оказавшая существенное влияние на научную мысль своего времени. В этом

новаторском труде предпринята попытка сформулировать логические основы естествознания и распространить естественнонаучную методологию на другие науки, в частности, политику, этику, историю, психологию. Вл. Ивановский замечает, что основным мотивом к написанию «Системы логики» было желание усовершенствовать методологию общественно-гуманитарных наук (Милль называл их «нравственными»), введя в них методы, оказавшиеся плодотворными в науках естественных. И если справиться с этой задачей в силу специфики «нравственных» наук не вполне удалось (хотя и был достигнут определенный прогресс), то в области методологии естествознания «Система логики» стала классическим трудом, значение которого трудно переоценить [11, с. 23]. Таким образом, в отличие от «Логики Пор-Рояля» «Система логики» Милля не является учебником. Однако можно ли рассматривать это фундаментальное логическое произведение как направленное в том числе и на формирование у читателя того, что мы называем критическим мышлением? По-видимому, на этот вопрос можно дать утвердительный ответ.

Приступая к изложению своей «Системы логики», Милль прежде всего разъясняет то, как он понимает логику, ее предмет и задачи. И это понимание вполне согласуется с представлениями о тесной связи логики и критического мышления. Милль соглашается с авторами «Логики Пор-Рояля» в том, что логика есть в основе наука практическая, поскольку является в равной степени как наукой о рассуждениях, так и искусством, на ней основанным. Задача логики состоит в отыскании истины, и эта задача очень важна, поскольку большая часть наших знаний не основана на интуитивности сознания, а является результатом вывода. Наибольшее внимание Милль уделяет важнейшей роли логики в научном познании: «существуют известные границы как для того, что могут сделать техники без знания начал механики, так и для того, чего может достигнуть мыслитель, не знакомый с принципами логики» [12, с. 67].

Однако логика не только является основой науки, она играет большую роль в жизни и практической деятельности всех людей: «Почти все содержание не только науки, но и человеческого поведения подчиняется авторитету логики... Весь труд судьи, полководца, мореплавателя, врача, земледельца есть не что иное, как постоянная оценка очевидности, а затем действие согласно этой оценке» [12, с. 66]. Для

того чтобы логика выполняла свою функцию, состоящую в отыскании истины, в ее предметную область должно войти изучение некоторых умственных процессов, не охватываемых обычным значением терминов «умозаключение» и «доказательство». Милль предлагает отказаться от значения термина «умозаключение» как синонима «силлогизма». Умозаключением Милль называет любой вывод заключения из допущенных ранее посылок, тем самым включая в множество умозаключений индукцию. Он формулирует идеи новой индуктивной логики, которая должна доставлять посылки для дедукции. Согласно Миллю, индукция есть результат обобщений данных опыта, ее главной задачей является установление того, какие именно причинные связи существуют в природе. Выводы индукции дают новые знания, расширяющие наши знания о действительности, но при этом не обладающие гарантированной достоверностью. К индуктивным выводам неприменимо понятие дедуктивной правильности, но их вероятность можно повышать, следуя определенным эвристикам. Зная эти правила и пользуясь ими, субъект способен более точно оценивать истинность информации, которую он получает.

В своем труде Милль излагает не только теорию умозаключений. Говоря о составе логики, он отмечает, что логика является учением как о процессе перехода от известных истин к неизвестным (то есть об умозаключениях), так и о «всех других умственных действиях, поскольку они помогают этому процессу». Это операции с понятиями, необходимые для оценки достоверности знаний, а именно: процесс называния (поскольку язык является важнейшим орудием мышления, и без рассмотрения значения имен невозможно исследовать смысл предложений); определение понятий; классификация [12, с. 67]. Перечисленные операции с понятиями позволяют распределять изучаемые факты так, чтобы ясно судить о степени их очевидности, т. е. оценивать достоверность информации, и таким образом относятся к приемам критической оценки информации.

Итак, на примере двух рассмотренных классических трудов по логике можно убедиться, что логика закономерно воспринимается как основа критического мышления, причем, если не ограничивать ее рамками учения о дедукции, то речь идет не только о логическом аспекте, но и об информационном и психологи-

ческим аспектам критического мышления. Следует отметить, что эта идея находит подтверждение в современных исследованиях по неформальной логике, логическим вопросам релевантности и контекстной зависимости рассуждений, социальной природы рассуждений и т.д. [8]. Видимо, дальнейшие исследования критического мышления и способов его развития должны быть неразрывно связаны с логикой в ее широком практическом понимании.

Литература

1. Турчевская Б.К. Практический поворот в преподавании логики // Проблемы высшего образования. 2018. № 1. С. 117–119.
2. К обществам знаний: Всемирный доклад ЮНЕСКО. М. : ЮНЕСКО, 2005. 239 с.
3. Ходикова Н.А. Психологические проблемы моделирования процессов мышления, связанные с теорией поиска вывода // Человеческий капитал. 2017. № 7 (103) С. 60–63.
4. Брюшинкин В.Н. Логика и процедуры поиска вывода // Логические исследования / отв. ред. А.С. Карпенко; Ин-т философии РАН. М.; СПб. : ЦГИ, 2010. С. 85–105.
5. Брюшинкин В.Н., Ходикова Н.А. Теория поиска вывода. Происхождение и философские приложения. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. 166 с.
6. Грифцова И.Н. Логика как теоретическая и практическая дисциплина. К вопросу о соотношении формальной и неформальной логики. М. : Эдиториал УРСС, 1998. 151 с.
7. Драгалина-Черная Е.Г. Образы логики и стили рассуждения: неформально о логической форме // Преподаватель XXI век. 2015. № 2–3. С. 232–241.
8. Боброва А.С. Критическое мышление или логика? // Логико-философские штудии. 2018. Т. 16. № 3. С. 200–216. URL: <http://ojs.philosophy.spbu.ru/index.php/lphs/issue/view/65> (дата обращения: 03.09.2019).
9. Арно А., Николь П. Логика, или Искусство мыслить. М. : Наука, 1991. 417 с.
10. Субботин А.Л. «Логика Пор-Рояля» и ее место в истории логики. Вступительная статья // Арно А., Николь П. Логика, или Искусство мыслить. М. : Наука, 1991. С. 391–405.
11. Ивановский Вл. Джон Стюарт Милль (1806–1873) и его «Система логики». Вступительная статья // Милль Дж.С. Система логики силлогистической и индуктивной. М. : ЛЕНАНД, 2011. С. 17–58.
12. Милль Дж.С. Система логики силлогистической и индуктивной. М. : ЛЕНАНД, 2011. 832 с.

УДК 101.02.51.25

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-26-33

АННИГИЛЯЦИЯ ПАТРИАРХАТА КАК МЕХАНИЗМ НАСАЖДЕНИЯ ЖЕНСКОЙ ГЕНЕРАЦИИ

© 2019 г. А.Е. Шишкин ^а

^а Самарский медицинский университет «Реавиз», Самара, Россия

Шишкин Алексей Ефимович –
кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра гуманитарных дисциплин,
Самарский медицинский университет «Реавиз»,
ул. Чапаевская, 227, г. Самара, 443001, Россия.
E-mail: ladomir12345@rambler.ru

Введение. Предметом исследования являются искусственные технологии по уничтожению патриархата и насаждению женской генерации. Анализ трансформации ценностей гендерных отношений указывает на связь с технологиями извлечения сверхприбыли. Женщины в супермаркетах чувствуют себя комфортно, но их консьюмеристский потенциал исчерпан. Транснациональным корпорациям нужна дополнительная прибыль. Отсюда рождается идея перекодировки мужчины в «женщину».

Методы исследования. Методология исследования раскрывает содержание ключевых понятий в гендерных отношениях, проясняет содержание, заключающееся в их трансформации; раскрывает смысл искусственного вектора изменения внутренних связей через упразднение традиций; предъясняет фактологический материал для анализа достоверности получаемых результатов и предлагает выход современному человечеству через концепт коммунитаризма. Дialeктический подход представлен в единстве и борьбе противоположностей.

Результаты исследования. Процессы, связанные с дивергенцией и конвергенцией общества, отражены, с одной стороны, в технологии по лоббированию бизнес-леди и пропаганде женской карьеры для разрушения семьи. С другой стороны, представлены технология раздельного гендерного образования, механизм по воспитанию патриотизма через прохождение инициации мальчиков, технология по поддержке трёхпоколенной семьи для возрождения традиционных отношений и восстановления баланса сил в мире.

Заключение. Разрушение традиционных коммунитаристских отношений в первобытных родовых, а затем соседских или территориальных общинах повлекло за собой процессы энтропии человека, семьи, общества. Отказ от иерархии в семье в современном мире несёт очередной исторический коллапс: либо традиционная патриархальная иерархия, либо талассократы в геополитических притязаниях установят глобальную фабильную машинерию по управлению поднадзорным человечеством.

Ключевые слова: мондиализм, гомосексуализм, традиция, детоцентризм, патриархальность, женская генерация, инвестиции, флуктуация, монетаризм.

Программирование женщин на «маскулинные» [1, с. 169], а мужчин на женские ценности явило небезобидные аннигиляционные технологии по переориентации полов и социальной трансформации общества.

Новые обстоятельства социальной действительности исключают натурализм, биологический редуционизм и фатализм в объяснении сути общественных норм и явлений. Дуализм мужского и женского отражается в queer-субъектных отношениях, посредством «пластичной сексуальности» [2] и «цитатности закона на телах» [3, с. 172]. Современная постмодернистская эпистемологическая установка стала заключаться «не в том, что является подлинной правдой, но в том, какой тип власти продуцирует то, во что мы верим как в истину» [4, с. 167].

Мондиалисты, развязывающие концентрическую войну используют социально-политические технологии по созданию демографических проблем. Если традиционные гендерные отношения перезагрузить на однополые контакты и доминанту женской генерации, то создана будет ситуация, при которой не только упадёт численность населения, но и вымрет народ.

Адепты информационной и геополитической войны, такие как Дж. Овертон, знают, как предложить технологию по трансформации коммунитаристского общества в консьюмеристское, от немислимого и неприемлемого – в легальное и защищенное законом. Овертон приводит пример как обыватель, не желающий стать каннибалом, становится им в пять шагов. Раскроем

технологии, предотвращающие трансформацию мужчин в женщин, и укрепим позицию патриархата, основанную на агонистике.

Первая технология раздельного гендерного образования. В современной школе мальчики и девочки учатся вместе. Девочки до 15 лет развиваются быстрее, и складывается впечатление, что их превосходство достигнуто навсегда. Травма наносится и тем и другим. Мальчики воспринимаются девочками как недоразвитые, а девочки презираются за превозношение. Девочки недополучают ухаживания, а мальчики – восторженной поддержки «за героизм». Между полами встаёт искусственно смоделированный конфликт.

Женский портрет русскими философами описывается с воспитания сердца, которое связывается с впечатлительностью, мечтательностью, жалостью, милосердием, состраданием, нежностью, кротостью, смирением, жертвенностью [5, с. 56]. Мужской портрет предполагает воспитание чести и достоинства, мужественности и идейности.

Мужчина, воспитанный женщиной, начинает думать как женщина и влечения его становятся подобными женским. Девушка, воспитанная женщиной, лишена отцовской ласки и часто, особенно детдомовские дети с приходом менархе бегут к первому встречному юноше. Девушки, узнающие от своих обиженных одиноких мам о «сволочном» характере мужчин начинают с малолетства ненавидеть парней и становятся феминистками, которые чаще традиционалисток становятся лесбиянками.

За эталонный образец гендерного образования можно взять пушкинский Царскосельский лицей и Институт благородных девиц. В основу гендерного обучения был положен принцип замкнутости: по системе И.И. Бецкого и К.П. Королева [6]. Институты и лицеисты специально отделяли от домашней «испорченной» среды их родителей, чтобы вырастить из них «идеальных людей» по просветительской модели.

Анализ культурно-исторической литературы свидетельствует, что в целях сохранения контроля в обществе культивировалось отрицательное отношение к умственным занятиям женщин [7]. Из религиозно-нравственных интересов воспитуемых в Смольном институте были исключены из учебной программы архитектура, физика и геральдика, сокращалось количество часов, отводимых на географию, историю, чистописание [8]. Напротив, в пушкинском лицее огромная роль отводилась науке и философии.

Вторая технология по воспитанию мальчиков патриотами через прохождение инициации. Как воспитать богатыря, джигита, господина, если и дома, и в школе мальчиков воспитывают мамы? Несмотря на отсутствие идеологии в России (ст. 13, п. 2 Конституции РФ), жителям продолжают внушать, что женщина может делать всё то, что делает мужчина (контекст: коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт), но мужчина не может рожать детей [9].

Процесс отрыва от семейных уз описан К. Юнгом через обряд инициации, после которого матерям запрещено разговаривать с собственными сыновьями, так как молодые люди уже не их дети, матери становятся женщинами среди прочих. Таким образом, дети освобождаются от влияния матери [10].

Третья технология по формированию правительств из первой страты мудрецов. В действительности мы наблюдаем искусственно сконструированную технологию женской генерации через лоббирование квот до 50 % женщин во властные структуры.

Феминистические теории и либеральная политика стремятся показать особую ценность духовного мира женщины. Её избранность, независимость, равноправность и превосходство над миром традиции и патриархальным укладом [11].

Мужчина, не воспитанный в духе воина, во многом предопределён женским воспитанием. Женщина не может быть защитником страны, поэтому необходимость войн обусловлена возвратом жены под власть мужчин. В романе Л.Н. Толстого «Война и мир» слово «война» несет смысл генезиса провокации, а «мир» – мужского рода.

Четвёртая технология воспитания хозяйственников и государственников. В России распространена тенденция лоббирования женского бизнеса. При равных условиях в борьбе за гранты доминанта отдаётся женщинам. Так через женщину создают условия, обеспечивающие демографические проблемы.

Женщина на социальном поприще изматывается. Во-первых, она не призвана к решению социально-политических проблем, отчего возникает профессиональное «выгорание». Во-вторых, приходя с работы, не успевает пообщаться с детьми и они по сути становятся «брошенными». В-третьих, муж, не способный единолично обеспечить семью, терпит недостатки: не приготовлен ужин, не проверено

школьное задание у детей. Детям не хватает заботливой матери, а мужу – ласковой и нежной жены.

Карьера также уничтожает в ней мягкость и смиренномудрие. В буржуазной революции все достижения ориентируются на привилегии женщин. Дело в том, что женщина более материальна, она всегда легко себя чувствует потребителем, а в консьюмеристском обществе мужчина должен быть истреблён. Женщина всегда «у себя дома», тогда как мужчина – «всегда в пути» [12]. Отсюда вывод, что только мужчина мыслит онтологично, не в себе полагая цели.

Пятая технология «соборности» семьи и недозволённости «позорного развода» [13]. Добрые нравы крепкой семьи следует рассматривать как залог успешного воспитания детей.

Если женщина для самолюбования выставляет между собой и субъектом «зеркало», то она не может видеть перед собой человека на 100 %, а следовательно, она смешивает его сущность с внешними характеристиками и тогда в её сознании отражаются лишь пригодные для поддержания её имиджа свойства партнёра: богатство и престиж (принимаются) или бедность и пороки (отвергаются как невыгодные).

В отличие от социально-экономической и политической сферы именно семья создаёт условия для преодоления «антагонизма полов» [14, с. 286]. В этой связи А.С. Хомяков считал неприемлемым признание права женщины на свободный развод, так как это может привести к «войне полов», деградации общества в целом. Только дети и семья могут быть, по Хомякову, священной защитой, которая «спасёт слабость женщины от буйной энергии мужского превосходства» [14, с. 262], где половая дифференциация, антагонизм и подчинение женщины должны пропагандироваться как «природная» и «божественная» данность» [15, с. 5].

Домострой требовал от мужчины быть строгим, справедливым, честным, любить свою жену, но не давать ей власти над собой. Без жены мужчина не считался настоящим мужчиной; не мог заводить своего дома, иметь права голоса на общем сходе или вече. Неженатый молодой человек оставался дома у родителей и мог быть отцом наказан розгами. Женатый мужчина считался полным государем в своём доме, ему принадлежало последнее слово во всех делах, хотя самим домашним делом управляла государыня, его жена [16, с. 323].

Шестая технология предполагает воспитание мальчиков воинами и добытчиками. Агонистика во все времена осмысливается механизмом «героического кодекса», заставляющего людей «стремиться достигать высот», где слава и честь подтверждаются личными достижениями [17] с установлением доминирующих целеполаганий в нашей культуре [18]. Получается, что экзистенциальное приобщение к бытию и становлению есть страдание или действие, возникающее вследствие некоей силы, рождающейся от взаимной встречи вещей [19, с. 251].

Ю.В. Андреев под агональным духом подразумевал жажду соперничества, в которой «только и может по-настоящему себя проявить и таким образом самоутвердиться сильная, незаурядная личность» [20, с. 113].

Ростовский культуролог Г.В. Драч под агональным началом понимает «соревновательное начало, делающее возможным переход от социобиологического уровня человеческого поведения к воспитанию и культуре». В агональности он усматривает «изначальный стимул и интегратор человеческих сообществ в различные типы культуры» [21, с. 169].

Исследователь культуры донского казачества Н. Калашникова агоним называла «универсальное качество культуры, заключающееся в состоятельности, вытекающей из потребности присваивать, сделать своим иное пространство» [22].

Агональное определяется как стремление бытия личности к самоутверждению. Агональность реализуется в виде агонистики, а в экстремальных условиях для возникшей социальности она мобилизует все силы для выживания и конденсирует ценностное ядро культуры в особый этос, отражая его в агональном мнемотопе [23, с. 255].

Седьмая технология связана с утверждением трёхпоколенной семьи. Современный вектор от трёхпоколенной семьи направлен к двухпоколенной и однопоколенной. Русская трёхпоколенная семья относится к производящей культуре и представляет образ коммунитаристского общества, где хранятся традиции, чистота брачных союзов и семейно-родовая память [24, с. 70], обеспечивается архивация и модернизация смыслов социокода [25], осуществляются навыки трудовой деятельности и социальные связи в структурах [26, с. 44].

Двухпоколенная семья относится к присваивающей культуре и представляет образ консью-

меристского общества. Западная культура сегодня навязывает новый невиданный в истории тип однопоколенной однополной семьи, причём с правом усыновления детей.

Природа являет 2–3 % мальчиков, склонных к гомосексуализму. По сведениям социологов, сегодня в России и особенно в Европе много однополых пар, количество которых превышает 3 %. Если 2 % представляют болезнь, то 10–18 % – извращения.

Мужчины, под воздействием колониального давления со стороны Запада, лишившись работы, родины и смысла жизни, обезумели и стали искать утех не только в женщинах, но и, к сожалению, в похотливом разврате друг с другом.

Сегодня совершается «клонирование» «нового мужчины» в рамках биотехнологической экстериоризации «другого Я» как псевдонатурализации рефлексии, неотличимой от шизофрении. Гетеросексуальной женщине копия не нужна по причине умножения соперниц, которые поопаснее «лучшей подруги» [27].

Сложилась социальная ситуация, в которой женщина не ждёт внимания со стороны инициативного мужчины, а сама выбирает «партнёра» принимает предложенные ей условия на «омужичивание» женщины, потерю целомудрия и девства как мешающие закрепиться в социуме.

Традиционной женщине достаточно идти за своей природой, чтобы стать матерью, соединяющей в рождении ребёнка мир видимый и невидимый. Мужчине следует проделать сверхусилия, чтобы пройти инициацию и превратиться от добытчика (3-я страта) в защитника-героя (2-я страта) и творца (1-я страта). Отсюда: для мужской деятельности свойственен органичный креационизм, который для женщины не представляет реальной пользы и комфорта.

В женской генерации практическая наука будет иметь больший успех, чем философия и религия. Вне мировоззренческих установок метафизики женщины будут всё прибирать к своим рукам, поэтому мудрецам следует остановить социальные ловушки, связанные с искусственным возвышением женщин в политике, экономике и доминантных правах на детей при разводе.

В дихотомии эротического и божественного побеждают первые. «Эротическое впечатление, вытесненное в бессознательное, оживило лежащий наготове первообраз богини (владычицы, госпожи)» [27]. Получается, что концепты матриархата или женской генерации для обожеств-

ления женщины заводят в тупик развитие общества. Вместо реальных естественных гендерных отношений инфантильные грёзы переворачивают мир и в конечном итоге подготавливают почву к однополюм связям.

В порядке дискуссии предложим западную точку зрения, где плотская женщина «обесценивается» в прямой зависимости с ростом ценности Богородицы. Душа мужчины, выражавшаяся в образе им самим выбранной госпожи в культе Девы Марии, утратила индивидуальность со своим переходом во всеобщий символ как сосуд благочестия [28]. Либи́до, по-прежнему нацеленное на поиски объекта, перенаправляется целиком на оживление «инфантильно-архаических доминант», с усиливающимся почитанием Девы Марии, целибатов духовенства и общим ужесточением морали в конце концов приводит к средневековой «охоте на ведьм» [27].

Если концепт поклонения женщине-Богородице умаляет мужчину, т. е. не верен, то следует искать другие причины, рождающие следствие воспевания женской генерации.

Ребёнок за отсутствием отца на охоте и войнах в первую очередь знакомится с женскими архетипами: очаг, уют, комфорт. И только потом – с мужской стихией добытчика, защитника, установителя законов и государственных порядков. Мальчики, воспитанные одиночными матерями, становятся женоподобными, с погашенной мужской инициативой.

Адепты женоподобия критикуют богословов за осмысление брака исключительно для рождения и воспитания детей [29] и недопустимости адюльтера [30, с. 57], где половой инстинкт признаётся нечестивым. По их мнению, первый тезис опровергает библия призывом «плодиться и размножаться» (Быт.1:28 – принцип деторождения), а также принципом: «И да будет два единою плотью. Что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мк.10:8-9), который явно говорит о супружеских обязанностях. Второй тезис выглядит натянуто оправдательным: в век титанического напряжения без релаксации человек не выживет.

На самом деле певцы женоподобия сконструированы новым видом социально-политических технологий. Модернизаторы-ростовщики создали новые концепты, где в хозяйственных категориях человек как «вещь» и «предмет» может устареть, а его можно утилизировать или без сожаления заменить другим,

вплоть до киборга, искусственно изготовленного в пробирке с помощью биологических, механических и электронных компонентов.

Вот уже два столетия как наметились признаки существенных и необратимых трансформационных сдвигов в самом институте семьи. Тенденция к снижению рождаемости, увеличению конфликтов и разводов до 85 % стали характерными чертами для индустриально развитых стран.

Среди исследователей гомосексуализма есть непримиримые критики, как скажем автор сих строк, так и сочувствующие, и апологеты. Мы опираемся на Библию, в которой по отношению к гомосексуалистам сказано: «не могут войти в общество Господне» (Вт.23:1). Священное Писание предлагает суровые методы борьбы с развратниками, «соблазняющими “слепых” и поклоняющимися мамоне – это “убийство”» (Вт.13:6-10; Вт.17:2-5) и «проклятье» (Вт.27:18).

Одним из таких соблазнительей можно назвать Н.Г. Чернышевского, который рассматривал семью как форму подавления личности женщины, поэтому считал необходимым «радикальное преобразование отношений полов между собой, а также всего порядка общества» [31]. В своих пророчествах философ писал: «но когда-нибудь будут на свете только «люди»; ни женщин, ни мужчин (которые для меня гораздо нетерпимее женщин) не останется на свете. Тогда люди будут счастливы» [цит. по: 5, с. 64].

Вот мы и пришли к тем «загадочным и счастливым» временам, но изменилась ли жизнь к лучшему? Стали ли люди добрее, справедливее, а семьи более крепкими? Вот уже придумали не только однополые браки, но и сняли имена «мамы и папы», а нарекли: «родитель 1» и «родитель 2», хотя и здесь также есть иерархия. Кто-то называется «первым» и в семейных ролях выполняет функцию мужчины. Право на усыновление детей однополыми родителями можно считать диверсией.

По исследованиям Клейна, в 1981 г. половина студентов-гомосексуалов за год сменила не менее пятерых партнёров, тогда как среди гетеросексуалов с такой скоростью меняли партнёров только 5 %. Согласно тем же данным, в США среднее количество партнёров гомосексуалов за всю жизнь пятьдесят, тогда как у гетеросексуалов среднее количество партнёров четыре [32, с. 78].

Защитники однополых браков настаивают считать данное явление как нормальное [33]. Мало того, некоторые из них выражают озабоченность по поводу дискриминации сексуальных меньшинств [34]. Исследователь эротических проблем И.С. Кон проследивает *отмену* уголовного преследования гомосексуальности в Западной Европе со времён кодекса Наполеона (1810 г.) [35]. Итальянский врач Алетрино заявил, что «урнинги не суть дегенераты и потому не должны причисляться к ненормальным людям» [34, с. 82]. Правовед В.Д. Набоков открыто обозначил свою позицию следующими словами: «С точки зрения юридической, не только принципиально, но и практически вопрос о наказуемости мужеложества добровольного, между взрослыми, должен быть решён отрицательно» [36, с. 145].

Вплоть до начала 30-х гг. в медицинской и психологической литературе был распространён достаточно либеральный взгляд на все разновидности гомосексуализма. Здесь уместно назвать И. Гельмана [37], М. Рубинштейна [38], П. Ганнушкина [39].

С победой над гитлеровским фашизмом в 50–70-х гг. разные отклонения от нормы рассматривали как соблазны здоровых людей, оберегались российскими психиатрами И. Блюминым [40], Ю. Жуковым [41], Я. Голандом [42], которые пытались осуществить «перестройку личности» с помощью аутогенной тренировки [35, с. 10].

С приходом западных ценностей после распада СССР гомосексуализм вновь расцвёл всеми цветами радуги. Двенадцать стран приняли Закон об однополых браках с правом на усыновление детей. Заметим, что зараза гомосексуализма движется с Запада на Восток по мере «иссыхания культуры в цивилизацию» (О. Шпенглер, Н. Бердяев).

Это не просто ошибка или сумасшествие, кстати, с ума все сразу не сходят, – это *диверсия* против здорового традиционного человечества, которая осуществляется транснациональными корпорациями, в целях получения сверхприбыли. Манипуляция людьми со стороны буржуазных идеологов стала заключаться во взгляде на человека как экономическую категорию.

От гендерного сближения страдают в большей степени мужчины. Достаточно взглянуть на исследования генетиков, которые утверждают об умалении мужской Y-хромосомы. Непарная Y-хромосома не участвует в рекомбинации и

накапливает все мутации, и вредные, и полезные. Отсюда (под воздействием экономических факторов) возникает опасность истребления и мужчин, и всего человечества.

Через филологические реформы также просматривается умаление мужчины. В словах женского рода «печь», «дверь» правописание сохраняется, а в словах «столб», «ангелб» окончание упразднено.

Сегодня через международные организации наблюдается активизация капиталистических пропагандистов, которые застолбили свои однополые бренды через рецепцию права. Так, в 2004 г. апелляционный суд Южно-Африканской Республики взял на себя «божественную» функцию по уточнению определения брака. Вместо «сексуальный союз между мужчиной и женщиной» теперь новая редакция звучит следующим образом: «сексуальный союз между двумя людьми». Во Франции с 1999 г. гомосексуальные отношения определяются как «брак с меньшими правами» или «зарегистрированное партнёрство», так обозначаются эти взаимоотношения в Дании (с 1989 г.), в Норвегии (с 1993 г.), Швеции (с 1995 г.), в Нидерландах (с 1998 г.).

По мнению американского социолога Н. Смелзера, только в Сан-Франциско гомосексуалистов проживает около 100 тысяч человек, но даже и всеобщее помешательство нельзя считать нормальной семейной жизнью, независимо от того, живут ли они врозь или вместе [43, с. 390].

Сегодня диссонансом звучит вывод социологов о повороте науки «лицом к человеку» [44]. Напротив, их деятельность стала исключительно ангажированной для дифирамбов капиталистической системы.

Растущая экономика потребления приступает к потреблению самого человека [45]? Созданный человеком искусственный «машинно-техносный мир втянул в себя человека. Радетели трансгуманизма пока поют зазывно и даже с явным восторгом свою смысловнепонимающую песню. Поминальную... по человеку. А сам человек, зомбированный вековыми догмами о своей биосоциальной природе и экономической свободе индивида, отученный критически осмысливать этот зомбизм, отдаёт себя на откуп создателям искусственного интеллекта, беззаботно “проглатывая” все искусственное как гламурное новопрогрессивное» [46, с. 62–63].

Если учесть, что все эксперименты проходят на мужчинах, то именно мужчина «тает» и рас-

творяется в неопределённости и безыдейности консьюмеристского общества. В системе женской генерации мужчина не знает как сохранить и избежать изгнания; его раздражает подозрение, что пределы (элита, страта), в которые он с таким трудом проник, скоро разрушатся или исчезнут [47]. К. Лэш представляет идентичность, которая может надеваться и сниматься вроде костюма [47].

Единственным предложением по восстановлению традиционной идентичности по нашим соображениям является строительство коммунарского общинного мира. И здесь методология качественных исследований предполагает поворот к «забытому человеку», где «социологическим, экономическим, антропологическим и психоаналитическим традициям, построенным на большой традиции атомизированного индивида, брошен вызов» [48].

Настала пора решительного возвышения голоса культурно-исторического человека с веберовскими патриархальными (или традиционными), детоцентристскими, супружескими идеальными типами семьи, опирающимися на испытанные временем механизмы социальной регуляции с помощью методов табу, таинства, обычая, традиции, религии, права, обрядов.

Существует системная ошибка в понимании воинственности мужчин. Да, он воин, но провокатором войны, как правило, является женщина через возбуждение страсти кокетством и вызывающими инфернальными нарядами.

Для установления мира в семье и обществе следует пропагандировать религиозные убеждения ислама, иудаизма и христианства. В Евангелии можно прочесть: «Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его» (Мф.1:2). Герменевтический анализ текста содержит гипотезу, что через семя мужа передаётся душа новорожденному человеку. Если муж задаёт тональность в главном, то жена становится зависимой от мужа, а ребёнок в утробе матери читается как находящийся в «камере хранения», положенный отцом.

К сожалению, данная гипотеза подлежит сомнению по причине научного открытия партеногенеза, где размножение происходит без участия самца. Но если предположить, что душа имеется только у человека, а у насекомых и животных (ящерица-варан, курица) её нет, то исследование следует продолжить.

Подводя итог, во-первых, следует обличить женскую генерацию как искусственно запро-

граммированную или ошибочную. Во-вторых, надо создавать на правовом поле доминанту мужа, к примеру, без его разрешения жена не имеет права на аборт и развод, и тогда, с одной стороны, увереннее будут чувствовать себя мужчины, с другой – крепость семьи решит демографические проблемы. И главным образом мы решим наметившийся крен в сторону «женственности» мужчины и «мужественности» женщины, что в конечном итоге прервёт тенденцию на увеличение гомосексуализма и лесбиянства в России.

В изобретении технологий следует учитывать, что «ум – то качественно приготовленное второе “блюдо”, которым мужчина по-настоящему интересен женщине. Сомнений нет: и что второе, и что качественное – если, в большом и малом, дружит с натурой» [1, с. 163]. Для мужчины брак представляет собой законный социальный институт, а для женщины семья создаёт исключительно личные отношения. Женщина стремится ограничиться одним мужчиной, мужчина же стремится выйти за рамки личных привязанностей [27].

Необходимо запретить всякие акции, связанные с пропагандой гомосексуализма, создать «моду» на здоровую патриархальную семью и заняться национальной экономикой.

Надо пропагандировать здоровые гендерные отношения через классическую литературу, к примеру, Э. Дюркгейм писал, что институт брака со времён Римской империи [49, с. 3] поддерживал традиционные связи, запрещал гомосексуализм и давал понять холостым людям, не имеющим детей, как ущербным. Напомним, что в имперской России неженатых не допускали до земских и поселковых советов, а отец имел право бить ремнём.

Надо разработать механизмы социально-экономической регуляции, с одной стороны, через табу на извращения, с другой стороны, на создание предпосылок ведения духовно-нравственной жизни.

Литература

1. Фатенков А.Н. Сотворение и порождение в диалектике мужского и женского // *Философия хозяйства*. 2018. № 4. С. 163–169.
2. Гидденс Э. Трансформация интимности: Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах / пер. с англ. В. Анурина. СПб. : Питер принт, 2004.

3. Гредновская Е.В. Кризис гендерной идентичности: дискурсы и практики: социально-философский аспект анализа. Екатеринбург, 2007. 209 с.

4. Пулькинен Т. О перформативной теории пола. Проблематизация категории пола Юдит Батлер // *Герменевтика и деконструкция* / под ред. В. Штегмайера, Х. Франка, Б. В. Маркова. СПб., 1999. С. 167–181.

5. Рябов О.В. Русская философия женственности (XI – XX века). Иваново : Юнона, 1999. 360 с.

6. Семейное воспитание и школа в России. М. : Капитал и культура, 1994. 153 с.

7. Пимуква А.Ю. Положение женщины в России (IX в. – 1861 г.). Пенза : Пенз. гос. пед. ун-т, 2010.

8. Яковкина Н.И. История русской культуры. XIX век. СПб. : Лань, 2000. 574 с.

9. Хомяков А.С. Соч. : в 2 т. М. : Медиум, 1994. Т. 1. 591 с.

10. Юнг К.Г. Аналитическая психология. СПб. : Питер, 1994. 136 с.

11. Potter V.R. Global bioethics: building on the Leopold Legacy. Michigan : Edward brothers, Inc., 1988. 202 p.

12. Соколов Э.В. Георг Зиммель: философия культуры. СПб. : ДНК, 2003.

13. Богданович И.Ф. О воспитании юношества // *Антология педагогической мысли России первой половины XIX века* / сост. П.А. Лебедев. М. : Педагогика, 1987. 560 с.

14. Хомяков А.С. О старом и новом: статьи и очерки. М. : Современник, 1988. 461 с.

15. Безрукова А.А. Проблема категории пола в отечественной социально-философской мысли XIX – XX веков // *Вестн. Майкопского гос. технологического ун-та*. 2010. Вып. 4.

16. Платонов О. Святая Русь и окаянная нерусь. М. : Алгоритм, 2005. 704 с.

17. Драч Г.В. Рождение античной философии и начало антропологической проблематики. М. : Гардарики, 2003. 318 с.

18. Мэй Р. Проблема тревоги. М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. 432 с.

19. Платон. Софист. СПб. : Платоновское философское общество, 2019. 261 с.

20. Андреев Ю.В. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб. : Алетейя, 1998. 399 с.

21. Драч Г.В. Агональность в культуре: история и повседневность // *Культурное многообразие: от прошлого к будущему : материалы II Рос. культурол. конгр. с междунар. участием*. СПб., 2008. С. 169–170.

22. *Калашиникова Н.К.* Агональные основы культуры донского казачества : дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2005. 117 с.
23. *Яровой А.В.* Социокультурные проекции агональности. Ростов н/Д., 2012. 298 с.
24. *Логунова Л.Ю.* Семейно-родовая память: временные ипостаси и социальные ресурсы // Вестн. Томского гос. ун-та. 2014. № 379. С. 69–75.
25. *Петров М.К.* Язык. Знак. Культура. М. : Наука, 1991. 328 с.
26. *Ребрин В.А.* Методологические проблемы социалистического общественного сознания. Новосибирск, 1974. 154 с.
27. *Штейнберг А.Г.* К вопросу об онтологии женственности. К.Г. Юнг // Философия хозяйства. 2018. № 4. С. 186–193.
28. *Юнг К.Г.* Проблемы души нашего времени : пер. с нем. М. : Прогресс; Универс, 1994. 331 с.
29. *Шишков С.С.* Исторические судьбы женщин, детоубийство и проституция : в 2 т. СПб. : Изд. Шигина, 1898. Т. 1. 894 с.
30. *Пушкарева Н.Л.* Семья, женщина, сексуальная этика в православии и католицизме: перспективы сравнительного подхода // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 55–70.
31. *Чернышевский Н.Г.* Что делать? Из рассказов о новых людях. М. : Художественная лит-ра, 1985. 399 с.
32. *Клейн Л.* Другая любовь. Природа человека и гомосексуальность. СПб. : Фолио-пресс, 2000. 864 с.
33. *Солодников В.В.* Семья: социологическая и социально-психологическая парадигмы // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 130–138.
34. *Голод С.И.* Прокреация, плюральность эротического ландшафта. История и современное состояние // Социологические исследования. 2008. № 12. С. 82–90.
35. *Кон И.С.* О нормализации гомосексуальности // Сексология и сексопатология. 2003. № 2. С. 2–12.
36. *Набоков В.* Плотские преступления по проекту уголовного уложения // Сборник статей по уголовному праву. СПб. : Общественная польза, 1904. 316 с.
37. *Гельман И.* Половая жизнь современной молодежи: опыт социально-биологического исследования. М.; Пг. : Гос. изд-во, 1925. 152 с.
38. *Рубинштейн М.* Юность. М., 1928. 276 с.
39. *Ганнушкин П.* Сладострастие, жестокость и религия // Избр. труды. М. : Медицина, 1964. С. 80–94.
40. *Блюмин И.* О некоторых функциональных признаках гомосексуализма // Вопросы сексопатологии. М. : Московский НИИ психиатрии, 1969.
41. *Жуков Ю.* К вопросу о гомосексуализме у больных алкоголизмом // Вопросы сексопатологии. М. : Московский НИИ психиатрии, 1969.
42. *Голанд Я.* О ступенчатом построении психотерапии при мужском гомосексуализме // Вопросы сексопатологии. М. : Московский НИИ психиатрии, 1972. 509 с.
43. *Смелзер Н.* Социология / пер. с англ., науч. ред. В.А. Ядов. М. : Феникс, 1994. 688 с.
44. *Кабыца А.В., Тульчинский М.Р.* Парадигма отечественной социологии в зеркале нормализованной лексики ИНИОН // Социологические исследования. 1991. № 9. С. 22–37.
45. *Демина М.Г., Кравченко В.С., Чепьюк О.Р.* От креативной экономики к эстетическому капитализму: к вопросу о роли эмоций в экономической коммуникации // Философия хозяйства. 2018. № 4. С. 70–79.
46. *Задорожный Г.В.* Уномика и глобалистика как оконечные судьбоносные науки о личности и хозяйстве // Философия хозяйства. 2018. № 4. С. 61–70.
47. *Бауман З.* Идентичность в глобализирующемся мире // Индивидуализированное общество. URL: <http://www.vtk.interro.ru/book/print/155.htm> (дата обращения: 11.05.2018).
48. *Козлова Н.* Гендер и вхождение в модерн. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/ons/msg /154845.html> (дата обращения: 11.05.2018).
49. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда / пер. с фр. А. Б. Гофмана; прим. В. В. Сапова. М. : Канон, 1996. 432 с.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 947

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-34-38

ГИГАНТ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ИНДУСТРИИ – ЗАВОД «ДВИГАТЕЛЬСТРОЙ» НА КАСПИИ (1932–1940 годы)

© 2019 г. М.Ш. Гусейнов^а, М.М. Идрисов^а

^а Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия

*Гусейнов Медшид Шабанович –
доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории России,
Дагестанский государственный университет,
ул. Коркмасова, 8, г. Махачкала, Республика Дагестан, 367000, Россия.
E-mail: medzhidguseynov@mail.ru*

*Идрисов Магомед Мусаевич –
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории России,
Дагестанский государственный университет,
ул. Коркмасова, 8, г. Махачкала, Республика Дагестан, 367000, Россия.
E-mail: immh7@mail.ru*

Рассматривается важное событие Дагестана в предвоенные годы (1932–1940) – строительство завода «Двигательстрой», наряду со строительством завода возводилось жилье и другие объекты социально-бытового характера.

Строительством руководил Наркомат тяжелой промышленности СССР. Советское правительство выделяло большие средства для ускоренного строительства данного объекта. К середине 1935 г. первый механический, инструментальный, деревообделочный цеха и другие объекты были сданы под монтаж. Для создания энергетической базы завода сооружалась крупная ТЭЦ. Вся подводная часть завода строилась на берегу в котловане емкостью 530 тыс. куб. м. В 1939 г. завод вышел на проектную мощность.

Ключевые слова: «Двигательстрой», промышленное строительство, завод, обеспечение кадрами, обеспечение материалами.

В 1932 г. по распоряжению правительства СССР и под личным руководством Г.К. Орджоникидзе в 16 км от Махачкалы началось строительство крупнейшего завода Дагестана – «Двигательстрой», давшего жизнь городу Каспийску. За шесть месяцев с начала строительства было освоено более 7 млн руб. Титульными списками работ, утвержденными Всесоюзным оружейно-арсенальным объединением, сумма сложений в 1932 г. была определена следующим образом: на заводское строительство – 13 600 тыс. руб., на культурно-бытовое и жилищное строительство – 400 тыс. руб., всего – 17 600 тыс. руб. [1, с. 219].

Однако строительство шло медленными темпами. В докладной записке начальника работ по строительству завода С.М. Яковлева в Дагобком ВКП(б) о состоянии работ на строительстве завода сообщалось, что в 1932 г. программа работ

несколько раз переделывалась, менялось расположение объектов на площадке. Ряд объектов, строительство которых началось ранее, был законсервирован, включая 24-квартирный дом и ряд барачных; работы на стадии каменной кладки были приостановлены из-за отсутствия фондовых материалов и нехватки рабочей силы. Руководство вынуждено было объявить простой.

На 1933 г. выполнение работ выглядит следующим образом:

1) построен и заселен каменной постройки барак № 2 на 520 чел.;

2) в окончательной отделке находился каменный барак № 1 на 520 чел. – готовность к сдаче в эксплуатацию в 90 % (частично заселенный);

3) на незавершенной стадии находился барак № 3 (из-за отсутствия материальных фондов и леса);

4) закончено строительство каменного здания кухни, конюшни на 120 лошадей, заканчивалась кладка двухэтажного дома на 24 квартиры, а также прачечной; заложили кладку под строительство бани и других социальных объектов [2, л. 5–6].

Несмотря на большие затраты – около 8 млн руб., к апрелю 1934 г. строительство основного здания завода не было начато. Объяснялось это отсутствием строймеханизмов и стройматериалов, слабой организацией снабжения рабочих, недостаточной обеспеченностью инженерно-техническими кадрами. Не налажена была и работа аппарата управления [3, л. 14]. Работу по плану за 9 месяцев 1933 г. были выполнены на 60 % вместо предполагавшихся 75 %.

В марте 1933 г. начальник строительства «Двигательстрой» Н.А. Фетисов, будучи в Москве, получил от Наркома тяжелой промышленности СССР Г.К. Орджоникидзе конкретные сведения об отпуске заводу стройматериалов, оборудования и транспортных средств.

Основной причиной, тормозящей стройку, была плохая организация железнодорожного транспорта. Завод имел всего два паровоза и 16–20 вагонов при потребности 5 паровозов и 150–200 вагонов [4, л. 1]. Для постройки железной дороги, идущей вдоль моря, нужно было проложить 15 км рельсов, для укладки широкой колеи и постройки молв, гавани – 80–90 тыс. куб. м камня, без которых невозможно строительство морского сооружения.

«Двигательстрой» нуждался в собственной электроэнергии, ибо снабжающая его в то время Махачкалинская электростанция из-за своей изношенности и маломощности не могла полностью обеспечить потребность строительства завода [5, л. 52, 52 об.].

Проверкой СТО при СНК СССР от 14.09.1933 г. установило, что по существу к возведению объектов промышленного строительства на 1 июля 1933 г. «Двигательстрой» еще не приступил, несмотря на то что с начала строительства завода прошло почти 2 года.

За двухгодичный период работы руководство «Двигательстрой» не справилось и с жилищным строительством (1500 рабочих не обеспечено было жильем), и с организацией подсобных предприятий, что задерживало форсированное промышленное строительство.

Главный промышленный цех № 1, строительство которого начато в 1933 г. и куда вложено было около 650 тыс. руб., разобрали, так как ока-

залось, что он заложен на месте, не соответствующем технологическому процессу будущего завода.

Из средств, отпущенных на строительство соцгорода при заводе, около 2 млн руб. расходовано на жилищное строительство в городе Махачкале [6, л. 2].

Завод имел важное значение для страны, поэтому в ход строительства вмешался нарком тяжелой промышленности Г.К. Орджоникидзе. Приезд его в Дагестан в ноябре 1934 г. и прибытие на строительство, его личные указания и советы дали новый импульс к повышению темпов строительства [7]. За 9 месяцев 1934 г. в строительство было вложено 9 млн руб. [3, л. 15], в том числе на основные объекты 2,8 млн руб. А за IV квартал того же года – 7,2 млн руб., в том числе на основной объект – 3 365 тыс. руб. В следующем 1935 г. в I квартале было вложено уже 7 млн руб., в том числе на основной объект – 3,8 млн руб. В IV квартале 1934 г. выполнение программы составило 100 %.

Как мы видим, за период с апреля 1934 г. по апрель 1935 г. на строительстве завода «Двигательстрой» произошли значительные сдвиги. К середине 1935 г. первый механический инструментальный, деревообделочный цеха, сушилка для леса и паровозное депо сдали под монтаж. Водоснабжение «Двигательстрой» № 182 (ныне «Дагдизель», Каспийск) обеспечивалось из канала им. Октябрьской революции, велось строительство ТЭЦ, работающей и ныне. А строительство морских сооружений шло все еще медленными темпами.

Медленными темпами велось и жилищное строительство, где было заложено всего 5 домов, а также школы (в поселке числилось более 900 детей). Благодаря принятым мерам руководства страны, Северокавказского крайкома, а также руководства Дагестана (Н. Самурский) улучшились жилищно-бытовые условия и снабжение рабочих и ИТР. К середине 1935 г. на стройке работали 7 200 чел. рабочих и ИТР (в том числе 114 инженеров), 320 служащих. Всего население поселка составило 18 700 чел. Особой проблемой оставался вопрос о кадрах, пригодных для работы непосредственно на заводе «Двигательстрой» [8, л. 51–52].

27 сентября 1934 г. в Дагестанском обкоме ВКП (б) под председательством Н. Самурского состоялось совещание с участием секретаря Северокавказского крайкома ВКП(б) В.М. Путнина, уполномоченного комиссии партийного кон-

троля при ЦК ВКП(б) по Северокавказскому краю М.И. Кахиани, секретаря парткома завода З. Феодаева и других, где обсуждался вопрос о ходе строительства «Двигательстрой», с последующим обсуждением поднимаемых вопросов 3 октября 1934 г. в Северокавказском крайкоме ВКП(б). С докладом о положении дел выступил директор строительства Н.А. Фетисов. Наряду с успехами им были отмечены и недостатки – слабая организация транспорта и комплектации оборудованием железнодорожного транспорта. Так как основная работа на данном этапе заключалась в перевозке камня (возведение молотков в море) [4, л. 1], это сильно тормозило процесс стройки. Как отметил далее докладчик, по части материального обеспечения положение завода удовлетворительное, за исключением снабжения электроэнергией и транспортом.

Весьма серьезно обстояло дело с обеспечением кадров рабочих для будущего завода. К пуску завода необходимо было подготовить 4 500 рабочих. На строительстве могли выделить только 1 500 чел. Недостающее количество рабочих – 3 тыс. чел. – можно было восполнить переброской кадров с других заводов и их подготовкой на месте. При этом руководством Дагестана поставлена была задача подготовки определенного количества кадров для завода из коренного населения Дагестана (их на тот момент числилось всего 418 чел. [3, л. 17]).

Согласно решению ЦК ВКП(б) 05.09.1935 г., были готовы к эксплуатации инструментальный, ремонтно-механический и деревообделочный цеха. Механосборочный, дефектно-переборочный и кузнечный цеха были подведены под крышу. Однако сильно отставало строительство литейного цеха. Во всех законченных и готовых к эксплуатации цехах установлены соответствующие станки.

Однако вопрос об обеспечении оборудованием всех подлежащих пуску цехов у руководства республики вызывал сомнения. В цехах, где станки должны были быть уже поставлены, половина площадей пустовали из-за отсутствия оборудования. К концу 1935 г. под монтаж цехов была сдана площадь в 51 066 кв. м, из заказанного строительством оборудованием заводами страны не выполнена доставка 220 станков. По импорту недополучено 30 станков.

Серьезные опасения у руководства завода вызывал также монтаж ТЭЦ, несмотря на готовность его строительной части. В обеспечении ТЭЦ турбинами и котлами пока не было ясно-

сти. Наиболее острым оставался вопрос жилищного строительства. Персонал ИТР и квалифицированные рабочие, прибывающие на завод, все еще размещались во временных жилищах. Положение с водоснабжением, канализацией, дорожным строительством и транспортом на сентябрь 1934 г. было удовлетворительным [3, л. 59–60].

В 1935 г. «Двигательстрой» получил наибольшие капиталовложения, произведенные с начала строительства. За этот год было вложено в строительство в сметных ценах 60 697 тыс. руб., из предусмотренных планом на этот год 61 005 тыс. руб. Причем, выполнение плана строительного-монтажных работ составило 109 %, рост производительности труда – 107 % при количестве рабочих 91 %.

Из общей суммы капиталовложений 238 млн руб. по генеральной смете «Двигательстрой», утвержденной Наркоматом тяжелой промышленности (Г.К. Орджоникидзе) в июне 1934 г., на 1 января 1935 г. вложено в строительство 93 млн руб. Техническая готовность составляла 39 %.

В своем обращении Наркомату тяжелой промышленности руководство Дагестана отмечало, что для окончания строительства на 1935 г. необходимо вложить 145 млн руб., так как строительство «Двигательстрой» по решению союзного правительства необходимо было закончить 1 июля 1935 г. Поэтому указанные капиталовложения и темпы строительства в 1935 г. должны были быть такими, чтобы в 1936 г. завершить строительство в основном и ввести его в эксплуатацию в 1936 г. Как мы видим, к указанному правительством сроку строительство не было завершено. Поэтому руководство Дагестана запросило Наркомат тяжелой промышленности выделить на объем работ 1936 г. вместо 34 млн руб. 77 млн руб. При всех вложениях с прошлых лет на 1 января 1937 г. общий объем капиталовложений составил 170 млн руб.

При выделении на 1936 г. просимых 77 млн руб. для окончания строительства на «Двигательстрой» имелись все возможности – созданы работоспособные строительные кадры [3, л. 120, 121]. После окончания курсов в Ленинграде в июне 1935 г. на завод поступило большое количество мастеров и бригадиров [1, л. 168]. На данный период главным инженером завода работал А. Дезорцев, начальником строительства Урицкий, главным инженером особой проектной конторы Благовещенский, секретарем парткома З. Феодаев и др.

Медленное строительство «Двигательстроя» объяснялось рядом недочетов, в том числе: на протяжении второго полугодия 1934 и 1935 гг. основные средства выделенные заводу вкладывались в заготовку дорогостоящих строймеханизмов, оборудования и капиталоемких материалов (лебедка, транспортеры, тракторные прицепы, каталки, экскаваторы и т.д.), в которых не было особой необходимости в таком количестве в данный период, так как они годами пролеживали под открытым небом – портились. Это привело к лишним затратам средств и отгрузке на завод остродефицитных материалов и топлива, отсюда срыв промышленного и жилищного строительства [9, л. 24].

Как мы отмечали выше, первоначальный план завершения работ по строительству завода намечался на 01.01.1936 г. Но фактически обстоятельства сложились так, что до апреля 1937 г. не был разработан технологический процесс, проект неоднократно подвергался переделке, что вызвало оттягивание сроков строительства и замораживание капиталовложений: в указанный нами период для производства на заводе по указанию Наркомата тяжелой промышленности был принят объект, в корне отличный от того, который был установлен решением правительства (Постановление СТО от 22.03.1934 г.). Данный объект не имел проверенных чертежей и образцов, происходили бесконечные изменения конструкции объекта, в результате чего завод и в 1937 г. не имел ясности по конструкции той продукции, которую он должен был выпускать.

Указания Дагобкома о ликвидации отставания по литейному цеху, от пуска которого зависел пуск завода в целом, не были выполнены, так как строительно-монтажные работы по цеху планировались закончить только в июне 1937 г. Кузница была запроектирована на мощность, в несколько раз превышающую потребности завода, а компрессорный цех запроектирован на мощность, не обеспечивающую потребность завода; в нарушение указаний Г.К. Орджоникидзе кузнечный цех спроектирован и построен с деревянными перекрытиями вместо железобетонных, а по строительству ТЭЦ допущены серьезные нарушения правил эксплуатации, выражающиеся в совмещении турбинного отделения с котельным; часть импортного оборудования, заказанного представителями Главка Наркомтяжкома за границей (компрессор, модели для литья), при проверке на заводе оказались бракованными. Проектирование гавани предусматривало малую глубину

акватории, что не позволило принимать суда, необходимые для обслуживания завода.

Не выполнены решения ДК ВКП(б) по форсированию темпов жилищного строительства и культурно-бытового обслуживания, вследствие чего рабочие и ИТР не закреплялись на заводе, а шесть выстроенных в начале 1936 г. корпусов жилых зданий не были заселены из-за отсутствия в них сантехнического оборудования [10, л. 13–15]. В 1936 г. с завода было по разным причинам уволено около 400 чел., в том числе ИТР – 70 чел., приезжих из разных регионов 37 чел., репрессированных – 30 чел. [10, л. 15].

К апрелю 1937 г. заводу не доставало 35 % станочного парка, инструментов и приспособлений. Ощущался острый недостаток в рабочих высокой квалификации – не менее 100 чел. [10, л. 16].

Положение с энергетической базой завода № 182, одновременно бывшей источником энергоснабжения нефтяной промышленности Дагестана (Махачкала) и нефтегавани, находилось под угрозой срыва. К сентябрю 1937 г. комплектование ТЭЦ завода еще не завершилось. Две турбины по 4000 кВт не обеспечивали проектной мощности. Завод им Кирова (Ленинград), еще не обеспечил необходимым количеством оборудования, чтобы запустить турбины в 12 000 кВт, чем создавались перебои на нефтепромыслах и в Махачкалинском порту. Установленные на ТЭЦ котлы во время испытаний оказались не в состоянии обеспечить проектную мощность по качеству пара. Генеральным поставщиком котельного оборудования являлся монтажно-технический трест Главэнергопрома Наркомата машиностроения. Изготавливались котлы на Невском машиностроительном заводе им В.И. Ленина. Известив всех об этом, ДК ВКП(б) просит ЦК ВКП(б) командировать на завод № 182 следующие кадры: инженера-химика, трех инженеров-энергетиков, трех теплотехников, двух электротехников и одного инженера-турбиниста [10, л. 62–63].

Постепенно заводу пришлось преодолеть все трудности. Он был сооружен в 2,7 км от берега площадью в 5 тыс. кв. м с наблюдательной вышкой высотой 39 м. Имелась подводная опытная станция. Завод производил торпеды – морские и авиационные.

Вся подводная часть строилась на берегу в котловане емкостью 530 тыс. куб. м, вырытых с помощью землеснарядов [11]. Уже в 1939 г. завод (с 1936 г. № 182) вышел на проектную мощ-

ность. В 1940 г. завод № 182 стал одним из крупнейших предприятий Северного Кавказа, где трудились около 6 тыс.чел. К этому времени введена в эксплуатацию и ТЭЦ, давшая электроэнергию не только «Двигательстрой», но и ближайшим населенным пунктам и нефтяным промыслам [12, с. 18].

Важным событием стало сооружение водовода из источника Бекенез и железной дороги, связывающей поселок с Махачкалой. Поселок Двигательстрой вырос в настоящий город: огромный завод, ТЭЦ, многоэтажные красивые дома, здания двух школ, поликлиника, больница, стадион, клуб, гостиница, библиотека и др. [13, с. 6–8]. В 1947 г. он был переименован в город Каспийск.

Литература

1. Гусейнов М.Ш. Россия и индустриальное развитие Дагестана. Конец XIX – 30-е гг. XX в. : дис. ... д-ра ист. наук. Махачкала, 2004. 443 с.

2. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 2010.
3. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 2750.
4. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 2375.
5. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 2380.
6. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 2306.
7. Гусейнов М.Ш. Фабрично-заводская промышленность Дагестана накануне Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестн. ДГУ. 2019. № 1.
8. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 2383.
9. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3841.
10. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3629.
11. Даешь двигатель. 2002. 29 нояб.
12. Гаджиев Р.С. Деятельность КПСС по созданию энергетической промышленности Дагестана (1921–1940). Махачкала : Дагкнигоиздат, 1967. 20 с.
13. Кириленко Г. О школе и о себе. 50 лет спустя: в воспоминаниях учеников и учителей школ г. Каспийска (1938–1956). Махачкала : Тип. Россельхозакадемии, 2004. 253 с.

Поступила в редакцию

12 сентября 2019 г.

УДК 94(470.67)

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-39-43

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ ДЕРБЕНТСКОГО ВЛАДЕНИЯ В XV – XVII ВЕКАХ

© 2019 г. А.М. Ибрагимов^{а, б}

^а Дербентский музей-заповедник, Дербент, Россия,

^б Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального
исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия

Ибрагимов Али Магиятдинович –
директор,

Дербентский музей-заповедник,
ул. М. Рзаева, 7, г. Дербент,

Республика Дагестан, 368608, Россия;

аспирант, Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН,
ул. М. Ярагского, 75, г. Махачкала, Республика Дагестан, 367030, Россия.
E-mail: sharafutdin@list.ru

Изучаются основные виды хозяйственной деятельности жителей района Дербента в XV – XVII вв. Там успешно развивалось земледелие, выращивались разные сорта зерновых культур – пшеница, ячмень, рожь, рис, применялось искусственное орошение. Наличие рек и водоемов позволяло жителям региона поливать пашни, что обеспечивало хороший урожай. Значимую роль играли садоводство и виноградарство, виноделие. Из технических культур выращивались: марена, корни которой использовались в качестве естественного красителя ярко-красного цвета, шафран, лен, хлопок. Особое значение придавали производству шелка-сырца, который пользовался большим спросом в Московском государстве и Европе. Ремесленное производство сосредоточивалось в городе и основано было на переработке продуктов сельского хозяйства, а домашние промыслы развивались почти в каждом хозяйстве. Среди городских ремесел ведущее место занимали ткачество и изготовление шелковых тканей, бумаги. Промыслы были связаны с рыболовством и охотой на тюленей. В районе Дербента были известны все виды домашних животных. Крупный рогатый скот, в частности буйволы и лошади, использовался в качестве тягловой силы и для верховой езды при различных сельскохозяйственных и транспортных работах, а также для получения мясо-молочной продукции.

Ключевые слова: Средневековье, район Дербента, хозяйственная деятельность, земледелие, скотоводство, садоводство, виноградарство, ремесла, ткачество.

Хозяйственная деятельность жителей Дербента и его округа отличалась разнообразностью, здесь были развиты многие виды хозяйствования: земледелие, животноводство, рыболовство, садоводство, виноградарство, мареноводство, хлопководство, шелководство, домашние промыслы, ремесленное производство и т.д.

Дербентское владение было богато пашнями, на них выращивали пшеницу, ячмень, рожь, просо и другие зерновые культуры. В «Сказании о Железных вратах» неизвестного русского путешественника XV в. приводятся интересные данные, характеризующие хозяйственную деятельность жителей Дербента и его округа: «А поперек Железных врат (Дербент. – А.И.) ... пахут землю и сеют пшеницу и ячмень, и ярицу, и полбу» [1, с. 33]. Под «ярицей», возможно, автор имеет в виду яровую рожь. Упоминание ярицы свидетельствует о наличии яровых и озимых культур. Среди яровых особое место занимала

рожь, хорошо переносившая засуху, идущая как на хлеб, так и на корм скоту [2, с. 312].

Упоминание о многочисленных мельницах за Дербентом [1, с. 33] позволяет полагать, что зерновые культуры возделывались здесь в больших количествах. К сожалению, автор не уточняет, какие виды мельниц ему удалось видеть, но можно предполагать, что это были водяные мельницы на каналах и родниках, поскольку с VIII в. роль ручных мельниц в городе сокращается [3, с. 190].

С дальнейшими успехами в производстве зерновых связано появление в регионе новых сортов культурных растений, а также увеличение площадей, отведенных под зерновые. К категории попавших в это время в Дагестан и в частности в Дербентское владение зерновых культур следует отнести разные сорта пшеницы (например, сорт *сарыбугьда*, уже известный в Ширване в XIII – XIV вв.) [4, с. 30].

Как отмечают другие исследователи, с юга проникла традиция разведения риса. Во всех дагестанских языках культура риса обозначается персидским (*берендж*) или турецким (*дюгю*) терминами. В Южном Дагестане был известен также сорт риса *темирхан дуьгу*, т.е. рис Темирхана. Заимствованы также названия орудий труда, связанных с очищением риса – *динг*, дингер (рисорущка) [2, с. 312].

Как известно, культура риса имеет древнюю историю, в Китае его стали разводить около 5 000 лет назад. В Иране рис появился после арабских завоеваний [5, с. 185]. В Азербайджане о рисовых полях источники сообщают уже в X в. [4, с. 31]. В Дагестане рис впервые упоминается в начале XIV в. («На жителей селения Таргу /подать/ два саха рису»). Одним из районов выращивания риса являлся район Дербента, где получали, видимо, немалые урожаи. Во всяком случае, об этом свидетельствует А. Контарини, который называет рис («сорочинское пшено») среди товаров, вывозимых на север по морю из Дербента «для промена оных русским и татарам на меха и иные предметы, требуемые в Дербенте» [6, с. 93].

Культура разведения рисового злака в последующем в районе Дербента получает дальнейшее развитие. В XVII в. А. Олеарий отмечал, что вся область между Дербентом и Ширваном «богата рисом, пшеницею, ячменем, а также хорошими плодами» [7, с. 449]. Я. Стрейс по пути из Дербента до города Шабрана увидел «самый лучший и белый рис, чему способствует и служит влажная и болотистая почва», фунт которого «можно здесь купить дешевле...» [8, с. 227].

Земледелие было основано на искусственном орошении. Наличие многочисленных рек и водоемов позволяло жителям региона поливать пашни, что обеспечивало хороший урожай. Федот Котов писал об оросительных каналах Дербентского владения, в частности в деревне Низовой: «А дворы в деревне глиняные, а в садах и сквозь дворы реки копаные текущие, а привожены из гор...» [9, с. 32]. Следует заметить, что система искусственного орошения в городе была создана еще при Сасанидах и арабах, в конце VIII в. От р. Рубас до Дербента был прорыт внушительный канал по приказу халифа Харуна ар-Рашида, что оказало благоприятное воздействие на восстановление садов и огородов Дербента, доходы от которых халиф приказал отдавать беднякам города [3, с. 185–186]. При эмире Дербента Ифтихаре, который правил городом вместе со своим

братом Исфандияром с 1421 по 30-е гг. XV в., в 1434–1435 гг. была проведена вода из р. Рубас к воротам Дербента [10, с. 59]. Возможно, часть воды использовалась для полива полей и садов. Таким образом, ирригационная система, созданная еще в период раннего средневековья, успешно функционировала и в изучаемый период.

Важное место в хозяйственной жизни региона занимали садоводство и огородничество, которые были хорошо развиты как в самом Дербенте, так и в его округе. В садах и огородах росли разные сорта яблок, груш, грецкий орех, миндаль, дыни, арбузы и другие плоды. По данным А. Контарини, садоводство еще в XV в. было достаточно хорошо развито в районе между Дербентом и Ширваном, скорее всего это область Мюшкюр, «...где родится столько прекрасных плодов и в особенности яблок, что, глядя на них, не веришь собственным глазам» [6, с. 91]. О развитости садоводства в Дербенте и его селах можно сделать вывод и по другому сообщению: «Город (Дербент) надлежащим образом снабжен продовольствием и торгует винами, а также разнообразными фруктами» [1, с. 46].

Район Дербента издавна был известен своими виноградниками. О них упоминает автор «Сказания о Железных вратах» [1, с. 33]. Благоприятный субтропический климат способствовал развитию данной отрасли. А. Контарини называет вино в числе самых продаваемых в городе товаров [1, с. 46]. Очевидно, оно изготавливалось из местного винограда, произрастающего в Дербенте. А. Олеарию удалось наблюдать, как «виноградные лозы подымались тут и там у заборов, выросши дикими, не будучи посажены. Некоторые, представляя прекрасный вид, поднимались по высоким деревьям на 8 или 10 сажен в вышину, обвивались вокруг ветвей и свисали вниз на 2–3 сажени» [7, с. 449].

Виноградарство и виноделие в Дербенте, являвшееся традиционной отраслью хозяйства, в последующем становится наиболее перспективным направлением. В это время жители выращивали в основном дикие сорта винограда, в городе производили местное вино – *чихирь*. В петровскую эпоху данная отрасль стала одной из развитых, по личному поручению императора из Европы в Дербент были отправлены лучшие виноделы, которые в императорском дворцовом хозяйстве занимались культивированием местных сортов винограда. Виноделие стало приносить хорошие доходы, они шли на содержание городского гарнизона российской армии [11, с. 70–71].

Немаловажное место в хозяйственной деятельности жителей Дербента и его округа занимало выращивание технических культур – марены, шафрана, льна, хлопка. Производство шафрана и льна постепенно снижается, в то время как марена начинает занимать ведущее место среди технических культур. Производство и продажа марены составляли одну из главных статей дохода.

В районе Дербента особое значение придавали и производству шелка. Еще в XIII в. Марко Поло сообщал о шелке и шелковых и парчовых изделиях в Дербенте. А. Контарини писал о купцах, везших из Дербента (или через Дербент) «в Астрахань куски атласа, кое-какие шелковые изделия и еще боссасины на продажу русским» [6, с. 91].

Производство шелка в районе Дербента, как во всем Ширване и Гиляне, среди других отраслей хозяйственной деятельности занимало ведущее место. Шелк пользовался высоким спросом не только в Московском государстве, но и в странах Западной Европы. В 60–80-е гг. XVI в. англичанами предпринимаются попытки утвердиться в Каспийском бассейне и монополизировать торговлю шелком в регионе. Дело было настолько прибыльным, что представителей английской Московской торговой компании не останавливали никакие трудности на Волжско-Каспийском пути [12, с. 65].

Об объемах производимого в районе Дербента шелка-сырца можно судить по количеству заготовленного там товара турецким пашой для английской фактории под руководством Х. Бэрроу, совершившего шестую экспедицию в Каспийский регион в 1579–1581 гг. Ему Осман-паша в течение двух дней передал 1 000 батманов шелка-сырца [13, с. 275], что составило 500 пудов, или 40 тюков, доставленных на судне в Астрахань.

Важную роль в хозяйственной деятельности жителей Дербента и его округа играло рыболовство. Каспийское море было богато разными видами рыб, которые употреблялись в пищу. Кроме того, рыбная продукция использовалась жителями и для бытовых нужд. В 1475–1476 гг. венецианский дипломат, посол в Персию А. Контарини отмечал, что «там ловят осетров и белугу, причем в громадном количестве; но другую рыбу даже не умеют ловить. Там множество рыб-собак, у которых голова, ноги и хвост подобны собачьим. Ловят там еще один вид рыб – длиной они с полтора локтя, толстые и почти круглые, так что не

видно ни головы, ни чего-либо другого. Из этих рыб готовят особую жидкость, которую жгут для освещения и ею же мажут верблюдов; ее разводят по всей стране» [1, с. 46].

О состоянии скотоводства в изучаемом регионе в XV–XVII вв. можно судить по свидетельствам купцов и путешественников, что позволяет только в общих чертах показать картину животноводческого хозяйства и его основных направлений. Крупный рогатый скот, в частности буйволы и лошади, использовался в качестве тягловой силы и для верховой езды при различных сельскохозяйственных и транспортных работах.

Верблюды, лошади и ослы как более выносливые задействовались в качестве вьючных животных для перевозки товаров местных и иноземных купцов, перемешавшихся по сухопутному караванному пути через Дербент на юг и в обратном направлении. Я. Стрейс писал, что когда его хозяин-купец решил поехать в Шемаху из Дербента, чтобы отремонтировать свои дома, разрушенные во время сильного землетрясения 1667 г., то они «выступили 1 сентября (1670 г.) с караваном в 1800 лошадей, большим числом верблюдов, ослов и других вьючных животных и несколькими тысячами людей» [8, с. 226]. Можно предположить, что некоторая часть из этих вьючных животных была предоставлена купцам для перевозки товаров местными жителями за определенную плату.

Письменные источники сообщают о стадах скота, принадлежащих состоятельным жителям Дербента. Я. Стрейс свидетельствует, что он вместе с пятьюдесятью рабами отправился в окрестности Дербента для заготовки дров с «двумя повозками, четырьмя волами, двумя ослами и лошастью». На другой день он был «послан (хозяином) за город, чтобы пасти на пастбище его коров и стеречь их, чем он был занят целый день» [8, с. 225–226]. Как видно, не только жители сел, но и города занимались разведением коров и других животных, которые ими использовались и в качестве тягловой силы, и для получения мясо-молочной продукции. Поскольку почти вся земля с южной стороны города была занята под пашни, сады и огороды, скот приходилось пасти на опасных, незащищенных стенами северных участках, где он подвергался нападению и неоднократно угонялся во время набегов соседей [8, с. 226].

Вопрос о соотношении количества крупного и мелкого рогатого скота весьма сложный. На основе имеющихся источников можно предпола-

гать, что в городе доминирующую роль играл крупный рогатый скот, а в округе – мелкий. И если крупный рогатый скот по большей части использовался в качестве тягловой силы, то овцы и козы обеспечивали город необходимыми продуктами животноводства и сырьем для ряда городских ремесел.

Сведения о ремесленном производстве и домашних промыслах района Дербента весьма скудны. Тем не менее отрывочные данные источников позволяют реконструировать в общих чертах картину развития ремесел. Ремесленное производство сосредоточивалось в городе и основывалось на переработке продуктов сельского хозяйства, а домашние промыслы были развиты на территории округа почти в каждом хозяйстве. «Население в основном занято [ремеслами] и зарабатывает на жизнь шелководством», – писал турецкий автор Э. Челеби о Дербенте [14, с. 123].

Как известно, Дербент являлся одним из крупных ремесленных центров Северо-Восточного Кавказа. В XV в. и в последующий период район Дербента остается ведущим производителем шелка. И шелковые ткани, и атлас вывозились из города через Астрахань в Московское государство [14, с. 93]. Шелкоткацкое производство, являвшееся одной из высокоразвитых отраслей, сохранилось в Дербенте вплоть до позднего средневековья, еще в конце XVIII в. П.Г. Бутков сообщал, что в городе имеется «фабрика небольших шелковых материй 30» [15, с. 202].

Также в Дербенте было налажено изготовление бумаги. К сожалению, нет возможности установить, с какого именно времени, но уже в XI в. источники среди ряда других профессий упоминают торговца бумагой, возможно, даже и ее изготовителя (*варрак*) [16, с. 124]. Хотя в источниках нет сведений об изготовлении бумаги в Дербенте, однако, учитывая, что вплоть до конца XVIII в. данное производство хорошо сохранилось в городе, где в это время насчитывалось фабрик «бумажных 115» [15, с. 202], можно предполагать, что и в XV–XVII вв. традиция производства бумаги в Дербенте имела место.

Одной из важнейших профессий, связанных с обеспечением населения хлебом, была работа мукомола. Упоминание в письменных источниках мельниц [1, с. 33] позволяет полагать, что данная профессия существовала. Однако большая часть населения, преимущественно бедная, вероятно, молола хлеб в домашних условиях на ручных каменных жерновах.

Таким образом, район Дербента представлял собой достаточно развитый в экономическом отношении регион, где благоприятные природно-климатические условия позволяли его жителям заниматься земледелием, садоводством, огородничеством, виноградарством, выращиванием разных технических культур, а также животноводством и ремесленным производством. Каждая из этих отраслей хозяйства находилась на достаточно высоком уровне развития, обеспечивая как собственные потребности населения, так и запросы далеко за пределами региона. Многие из отраслей сельскохозяйственной деятельности являлись традиционными (выращивание зерновых культур, шелководство), но некоторые (выращивание риса, кукурузы) в изучаемый период только начали развиваться. Весьма значимую роль в экономике региона играло животноводство, скот использовался в качестве тягловой силы, вьючных животных, для верховой езды, получения мясо-молочной продукции. Также в это время Дербент являлся одним из крупных ремесленных центров Северо-Восточного Кавказа, где производили высококачественные шелковые и парчовые ткани, атлас и другие ткацкие изделия.

Литература

1. Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII – XVIII вв. Махачкала : Дагкнигоиздат, 1992. 304 с.
2. Гаджиев М.Г., Даудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала : Изд-во ДНЦ РАН, 1996. 450 с.
3. Кудрявцев А.А. Феодальный Дербент: Пути и закономерности развития города в VI – середине XIII в. М. : Наука, 1993. 320 с.
4. Али-Заде А.А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII – XIV вв. Баку : Изд-во АН АзССР, 1956. 420 с.
5. Петрушевский И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII – XIV вв. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. 492 с.
6. Путешественники об Азербайджане. Т. 1. Баку : Изд-во АН АзССР, 1961. 500 с.
7. Олгарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб. : Изд-во А.С. Суворина, 1906. 578 с.
8. Стрейс Я.Я. Три путешествия. М. : Соцэкгиз, 1935. 415 с.
9. Хожение купца Федота Котова в Персию. М. : Вост. лит-ра, 1958. 111 с.

10. Рагимов А.Р. О касидах, посвященных Бадром Ширвани правителю Дербента амиру Исфандийару и коменданту крепости амиру Ифтихару // Изв. АН АзССР. 1978. Вып. 1. С. 54–62.

11. Магомедов Н.А., Магарамов Ш.А. Модернизация экономической деятельности Дербента петровским правительством // Вестн. Кемеровского гос. ун-та. 2016. № 4. С. 69–73.

12. Магарамов Ш.А. Англичане на Каспийском море XVI в. // Вестн. Кемеровского гос. ун-та. 2017. № 3. С. 62–66.

13. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л. : Соцэкгиз, 1937. 310 с.

14. Челеби Э. Книга путешествия. Вып. 3. М. : Наука, гл. ред. вост. лит-ры, 1983. 225 с.

15. Бутков П.Г. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем» // История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв. М. : Изд-во вост. лит-ры, 1958. С. 200–208.

16. Шихсаидов А.Р. Дагестан в X – XIV вв.: Опыт социально-экономической характеристики. Махачкала : Дагкнигоиздат, 1975. 176 с.

Поступила в редакцию

8 июля 2019 г.

УДК 94:325.11

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-44-53

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДОЛЖНОСТЬ ДАРУГА В СРЕДНЕВЕКОВОМ ДАГЕСТАНЕ

© 2019 г. А.Д. Курбанов^а, М.И. Каяев^а

^а Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия

*Курбанов Ахмед Джабраилович –
доктор исторических наук, доцент, профессор,
кафедра отечественной истории,
Дагестанский государственный университет,
ул. Гаджиева, 43а, г. Махачкала,
Республика Дагестан, 367000, Россия.
E-mail: ahmed2005@mail.ru*

*Каяев Микдад Ильясович –
студент,
исторический факультет,
Дагестанский государственный университет,
ул. Гаджиева, 43а, г. Махачкала,
Республика Дагестан, 367000, Россия*

Для управления отдельными областями в монгольском государстве использовался институт наместников даруга, который просуществовал во многих землях и после распада осколков некогда единого государства. В обязанности этих административных работников входил контроль над переписью покоренного населения, раскладка повинностей, сбор налогов и др. В Дагестане эта административная должность получила распространение в первой половине XIII в. и просуществовала вплоть до XVIII в. На основании сообщений дагестанских исторических сочинений, а также иных источников в исследовании прослеживается эволюция правового статуса и полномочий данного должностного лица. Значительное место в статье занимает перевод, анализ и интерпретация материалов, собранных дагестанским просветителем Али Каяевым, изданных ранее на лакском языке.

Отдельной составляющей исследования является тема происхождения самого термина «даруга», где предлагается иная, в отличие от устоявшейся в исторической науке, версия. В основе системы наместничества, по предположению авторов, лежали среднеазиатские традиции государственного управления, которые были заимствованы и в новых условиях отражали интересы господствующей монгольской элиты. При этом бесспорно и влияние исламских советников на создание этой системы.

Ключевые слова: даруга, баскак, наместник, статус, Гази-Кумухское шамхальство, ханство, Дагестан, Северный Кавказ.

В начале XIII в. в глубинах Азии образовалось монгольское государство во главе с ее основателем Темуджином (Чингис-ханом), сыгравшее значительную роль в истории народов Евразии. В довольно короткий промежуток оно объединило под своей властью многочисленные народы, превратившись в одно из крупнейших государств эпохи средневековья с центром в Каракоруме.

По мере присоединения новых территорий Чингис-хан и его потомки были заинтересованы в контроле над завоеванными странами и народами, вследствие чего ими назначались ответственные за охрану общественного порядка и сбора дани. Последние – представители ханской власти на местах – известны под титулом даруга или баскак. География распространения титулов

обширна – от Китая на востоке и до Кавказа и Восточной Европы на западе.

В исторической литературе утвердилось мнение, что данный титул имеет монгольское происхождение, и таким образом уже исключалась возможность поиска его корня в других языках. Однако социально-политические термины тюрко-монгольских документов имеют в том числе и иные корни. В частности, исследователь-тюрколог А.А. Сатыбалов отмечал, что эти термины «...эпохи феодализма изучались без привлечения языков народов северо-восточного Кавказа, в которых сохранились интересные данные, расширяющие наши представления» [1, с. 180].

Цель данного исследования – проследить происхождение титула даруга, правовой статус

и полномочия должностного лица с данным титулом в Дагестане, а также время его (*титула*) возможного проникновения.

Как уже было отмечено, в исторической литературе утвердилось мнение, что данный термин монгольский по своему происхождению [2–5] $darugaci=daquya+$ суффикс ci , где $daquya=daqu$ (давить)+ ya , т. е. даругачи, это – «подавляющий неповиновение»; таким образом, в функции даругачи входил контроль за исполнением приказов и распоряжений монгольской власти на завоеванных территориях. В русских летописях этот термин фиксируется в нескольких вариантах – «даруга/дарога/дорога». Тюркским синонимом ему является слово «баскак», в корне которого лежит тюркское слово «bas», что означает «подавлять» [6, с. 161]. Но среди исследователей нет единого мнения и в вопросе тождества этих терминов. В частности, С.А. Маслова считает, что «соотношение должностей баскаков и даруг – принципиальный вопрос для понимания системы власти монголов в покоренных странах» [4, с. 23; 7, с. 81].

К числу сторонников того, что титулы даруга и баскак – это разные институты монгольской власти, можно отнести С.А. Маслову, И.Н. Березина, Г.С. Саблукова, А.Н. Насонова [4, 8–10], к числу проводивших между этими терминами знак равенства – Б.Д. Грекова, А.Ю. Якубовского, А.П. Григорьева, Р.Ю. Почекаева и И.Н. Почекаева, И.Х. Камалова [11–14].

Наиболее ранние упоминания этого титула в монгольских источниках относятся к событиям 1214 и 1215 гг. В первом случае – в связи с подготовкой Чингис-ханом военного похода в Китай и назначением монгола Амбагая из клана Бургудай даругачи катапультных работ всех округов [4, с. 24; 15, р. 237–255]. Во втором – назначение Чингис-ханом даругачи в Северном Китае Джафара, выходца из Средней Азии, после взятия Пекина [6, с. 31–32], и третьем (возможно, относящемся к 1213 г.) – назначение уйгура Юй-линь Темура «главным даругачи Хонана и других областей» [4, с. 24; 15, р. 237–255].

В последующем данный титул упоминается в монгольских источниках в связи с событиями в Средней Азии, и обусловлено это также назначением монгольских наместников-даругачи в завоеванных городах и регионах [16, с. 189].

О перечисленных выше назначениях прежде всего сообщается в источниках «Сокровенное сказание» и «Хроника Юань-ши» [17]. Однако нельзя не принимать во внимание, что они по-

явились позднее сообщаемых в них назначений. К тому же в «Юань-ши» широко используются некитайские имена, названия местностей, должностей и бытовых реалий некитайских народов [17, с. 17].

В обязанности даругачи/баскаков входил контроль над переписью покоренного населения, раскладка повинностей, которые включали в себя набор в войска, сбор налогов, доставку их ко двору правителя и обеспечение ямской службы [10, с. 14]. Следует иметь в виду, что на Руси даругачи/баскаки в свою очередь делились на «великих» и «простых» [18, с. 71], что не исключает подобного и в других частях Империи.

Любопытные сведения о функциях даругачи/баскаков приводит Плано Карпини: «Башафов (баскаков. – *А.К., М.К.*), или наместников, своих они ставят в земле тех, кому позволяют вернуться (местные владетели, которым монголы разрешили вернуться в свои владения. – *А.К., М.К.*); как вождям, так и другим подобает повиноваться их мановению, и если люди какого-нибудь города или земли не делают того, что они хотят, то эти башафы возражают им, что они не верны татарам, и таким образом разрушают их город и землю, а людей, которые в ней находятся, убивают при помощи сильного отряда татар, которые приходят без ведома жителей по приказу того правителя, которому повинуется упомянутая земля, и внезапно бросаются на них» [19, с. 16].

При анализе данного сообщения нетрудно заметить, что автор явно смешал вооруженные силы как самих даругачи/баскаков, так и карательные отряды, присылаемые по их просьбе из метрополии. Но эта ошибка знаменитого путешественника не меняет сути нашего понимания двухуровневой системы управления монгольской державы, в которой имелись как местный вассал, так и контролирующий его даругачи/баскак, в обязанности которого входило беспрекословное выполнение общеимперских мероприятий [20, с. 157].

Двухуровневая система управления монголов на завоеванных территориях была создана при деятельном участии советников Чингисхана – китаец Елюй Чу-цая и Махмуда ал-Хорезми. Первый из них сумел убедить Чингис-хана создать систему государственного профессионального управления, с чем тот согласился, и «оставил его около [себя] для советов» [21, с. 73]. Но при этом он не упускал из виду вопрос и о действенности контроля над многочислен-

ными чиновниками империи. В разрешении этой проблемы Чингис-хан нашел опору в лице советников, принадлежащих исламской традиции государственного управления, в большинстве своем выходцев из Хорезма. Как известно, в государстве хорезмшахов одной из главных проблем было сохранение контроля центральной власти над многочисленными, недавно завоеванными землями, где продолжали править местные династии, признававшие над собой власть Хорезмшахов-Ануштегинов, которые в своей политической практике широко использовали институт заложничества. Монголы после завоевания Средней Азии широко применяли подобную практику на первых этапах завоевания, в том числе и при покорении русских земель. Сведения об этом содержатся как в русских летописях, так и в специальных исследованиях [10, с. 31; 22, с. 370].

Созданная монголами система даругачи/баскаков стала эффективным способом контроля над чиновниками и феодалами на местах. В ее основе лежали среднеазиатские традиции государственного управления, которые в новых условиях отражали интересы господствующей монгольской элиты. При этом бесспорно и влияние исламских советников на создание этой системы. Неслучайно и то, что первым советником Чингис-хана в деле управления покоренными оседлыми территориями станет известный в источниках Махмуд Яловач [20, с. 157–158]. Из анализа первого состава даругачи/баскаков видно, что он в основном набирался «из сартаульских людей» [23], уйгуров [24, с. 176–177], принявших ислам еще в 920 г., а вместе с ним и среднеазиатские традиции управления.

Известно также, что монгольская письменность и канцелярская практика были созданы уйгурами и вводились с помощью уйгурских чиновников и писцов [25, с. 64], следовательно, сам термин «даруга» в монгольский язык мог попасть из уйгурского, к тому же, тюркское окончание термина на «чи», явно свидетельствует об этом.

Известный исследователь Г.А. Фёдоров-Давыдов также придерживается мнения, что система «даругачи/баскаков существовала в Средней Азии еще в домонгольское время» [26, с. 30].

Историк А.П. Григорьев, справедливо ставя знак равенства между терминами «баскак» и «даруга», считает, что они «были мусульманскими купцами-откупщиками, видимо, персами по происхождению» [12, с. 24].

Исследователь А. Каяев в 1934 г. высказал осторожное предположение о трансформации этого термина в статье «Даруга. [Дарувгъа]. Монгольский даруга. [Манггул дарувгъа]» [27, с. 147]. Эта статья содержит и другую ценную информацию, поэтому приводим ее текст без сокращений.

«Монголы времен правления династии Чингизидов назначали в отдельные области своих наместников, которых именовали даруга. Лакские ханы в старину подобным же образом назначали своих наместников в отдельных селах Кюры [28] и в самой Лакии [29]. Этих наместников также называли даругой. К примеру, в селении Хосрех [30] ханы назначали даругу, происходившего из сословия ханских рабов [31]. При этом он наделялся очень большими полномочиями и правами. Возможно, слово “даруга” видоизменилось от слова “дар-агъа”. В переводе с персидского слово “дар” означает “дом”, а слово “агъа” в переводе с тюркского – “господин”, “хозяин”. Значит, термин “дар-агъа” надо понимать в значении “управляющий делами господского (ханского) дома”. Даруга чинили насилие над населением бедных сел и особенно над раятами [32] селения Хосрех не меньше, чем ханы, а порой в своих притеснениях и в гнете превосходили их» [27, с. 147].

В подтверждение предположения А. Каяева обратимся к русско-персидскому словарю, где «царский двор» или «хозяйство» переводится как «darbar» [33, с. 123]. Таким образом, версия исследователя о трансформации термина «даруга» выглядит более убедительнее. К тому же нельзя исключать и следующие обстоятельства:

1. В рамках алтайской языковой семьи лингвисты четко выделяют три основные группы языков: тунгусо-маньчжурские, монгольские и тюркские. Известно, что к XI в. различия между ними были уже значительными, хотя всё еще сохранялись следы общей лексики. Специалисты отмечают, что существовали еще племена смешанного происхождения, выбиравшие себе язык, принадлежащий к той или иной из вышеперечисленных групп. При этом они сохраняли в своих подразделениях второй язык. Так, например, исследователь Шан Юэ, опираясь на данные китайских источников, сообщает о монгольских и монголоизированных тюркских племенах, принадлежащих к группе дунху-шивэй [34, с. 353]. Из текста «Сокровенного сказания» также видно, что между монголами и обитавшими с ними рядом тюрко-язычными племена-

ми языкового барьера практически не было, или они, по крайней мере, были двуязычны [35, с. 17]. Ярким подтверждением данного положения является эпизод, произошедший во время разведывательного похода монгольских полководцев Джэбэ и Субэдэя. Во время встречи монгольских туменов с объединенным войском аланов и кипчаков (половцев) в степях Северного Кавказа монголы предложили тюрко-язычным кипчакам покинуть своих союзников в обмен на безопасность и часть добычи. Кипчаки после недолгих переговоров, убежденные, что они и монголы составляют один народ, предали своих союзников и ушли в свои кочевья [36, с. 26].

2. Как уже было указано, идея создания обширной и разветвленной системы даругачи/баскаки, а также методы и средства управления на завоеванных территориях исходили от исламских советников монгольской элиты, впрочем, сами эти советники были в основном тюркско-персидского происхождения. В этом случае нет ничего удивительного в том, что тюркско-персидско-исламская терминология социально-политической жизни широко распространилась в системе государственного устройства и управления монгольской империи.

Сказанное выше, на наш взгляд, позволяет поставить под сомнение утвердившееся в историографии мнение о происхождении термина «даруга» из монгольского языка.

Одним из самых ранних письменных упоминаний титула даруга применительно к Дагестану следует считать сообщение из «Дербенд-наме» о назначении Харуном ар-Рашидом правителя Дербента Хафса б. Омара. Халиф, благословляя его на новую должность, дает ему следующее наставление: «Бойся Бога и ходи [в мечеть] совершать пятничные молитвы. Ничего не предпринимай, не посоветовавшись. Все дела Дербенда в твоих руках; если ты совершишь предательство, станешь нерадив в борьбе с неверными или будешь угнетать народ, я даю право народу Дербенда свергнуть тебя. Я поручил Абду-л-Малику б. Аглабу быть надзирателем (назир) над тобой. Я назначил его командующим войском (сар-лашкар) и даруга, так как он наш верный человек» [37, с. 40, 63].

Заметим, что «Дербенд-наме» датирует это событие 796 г., а между тем термин «даруга» мог появиться в Дагестане не раньше XIII в. На это обстоятельство обратил внимание еще В.Ф. Минорский. По его мнению, название местных должностей в данном источнике явно позднего

происхождения [38, с. 165]. Историческое сочинение «Дербенд-наме», принадлежащее перу Мухаммеда Аваби Акташи, по мнению В.В. Бартольда, было составлено в конце XVII в. по поручению дагестанского князя Чупан-бека [39, с. 475]. Автор «Дербенд-наме», применяя термин «даруга» к событиям 796 г. в Дербенте, видимо, исходил из реалий современного ему общества, когда этот термин был уже широко известен и занимал почетное место в системе феодальной иерархии Гази-Кумухского шамхальства. По нашему мнению, появление этого титула и связанных с ним полномочий в шамхальстве относится ко времени утверждения власти монголов в регионе в 30–40-х гг. XIII в. Не исключено и назначение даруга/баскака в качестве заместителя в Дагестане для осуществления контроля прежде всего за деятельностью шамхала.

Упомянутое данное термин и в связи с походом Тимура в конце XIV в. на селения [области] *Дарга* [40, с. 59–60]. По мнению ряда исследователей, название *даргва/даргалу* даргинцев имеет «географическое или политико-экономическое значение» и восходит к «тат. *Даруга* или диал. *Даргва* «пристав или надсмотрщик» [41–43].

Следующее его упоминание мы встречаем в труде А. Олеария, который в 1636 г. в составе дипломатической миссии был отправлен в Персию. Обратный путь проходил по маршруту Шемаха, Дербент, Тарки, Терки. Находясь в Тарках, он встречался там с должностным лицом, который именуется «даруга (или начальник) города Тарку» [44, с. 121].

На функционирование должности даруга на равнинных землях Гази-Кумухского шамхальства одним из первых в дагестанской историографии обратил внимание А. Каяев. Исследователь сообщает: «Селение Тарки (Таргъу), расположенное рядом с Махачкалой, в старину кумыки называли Азайни. Лаки также называли это селение Азайни или Азайми. Наименование селения Таргъу похоже на слово “таргъа”. Термин “таргъа-даргъа” во времена монгольского владычества применялся по отношению к значимому правителю (хӀаким) в ранге губернатора. По моему мнению, название селения Азайни сменилось на Таргъу под влиянием термина “таргъа-даргъа”» [45, с. 237–238]. Б.Г. Малачиханов также считает, что название селения «Таргу» относится к разряду слов, принадлежащих тюркско-монгольской культуре, представляя из себя вариант монгольского слова «даруга» [46, с. 199].

По наблюдениям А.А. Сатыбалова, «названия кумыкского сел. Дёргёли, аула сел. Таргъу «Дёргёли-аул» расшифровываются в системе монгольского языка [1, с. 188]. В сел. Дёргёли, видимо, жил сам Дёргё (начальник), или селение облагалось данью в пользу Дёргё. Основанием для второго предположения послужили, по А.А. Сатыбалову, данные доклада Сословно-поземельной комиссии царского правительства от 7 июля 1913 г. «Согласно докладу, сравнительно недавно мугалы Закатальского округа, помимо уплаты малжагата (малжагат – известная доля урожая зерна) и кесамата (определённого количества хлеба, вносимого ежегодно независимо от урожая) платили ещё даргалуг с каждого дыма или сохи в пользу бекского управляющего, отмеривающего малджахат. Следовательно, в Закаталах крестьяне со своим беком общались через посредство этого дарга + лык, по типу бий + лик» [1, с. 188].

Проживание в Дёргёли указанного должностного лица исследователь объясняет следующими историческими фактами: «Аулы селения Таргъу расположены на склоне возвышенности в следующем порядке: на самом вершине – двор шамхала, ниже – Чагъар-авул, т.е. аул крепостных крестьян шамхала. Ниже чагъаров и выше остальных аулов был расположен аул, называемый Дёргё-ли-аул. Нам кажется, что расположение Дёргё-ли-аула выше всех остальных аулов и ниже двора шамхала и его чагъаров говорит о том, что до переезда шамхала и их чагъаров в XVI веке из Кази-Кумуха, селением Таргъу управлял дарга (даргу или дёргё) золотоордынского периода, а после переезда шамхалов и их чагъаров, дёргё (даргу) играл подчиненную роль, роль сборщика дани и надсмотрщика над аулами, расположенными ниже Чагъар-аула шамхала» [1, с. 188–189].

Небезынтересно, что термин «дёргё» в несколько иной замаскированной форме встречается в одном из источников по истории Дагестана [47, 48]. Он сообщает о вооружённом столкновении андийцев [49] с баклуляльским [50] князем Турулавом, в ходе которого последний был убит. Наше внимание к источнику продиктовано исключительно из-за титула правителя Анди, который в нем приводится в следующей форме: «Амир области Андал, султан Алибек, титулованный как дорга-нуцал, прозванный шамхалом» [48, с. 37]. Как видим, в данном тексте к одному лицу прилагаются несколько титулов, что требует объяснения. Титулы амир, сул-

тан традиционно применяются к феодальным владельцам Дагестана, они широко известны, что избавляет нас от комментариев. Кроме того, в двойном титуле дорга-нуцал в первой его части «дорга», безусловно, видится изменённый на местной основе титул даруга или дёргё, как его даёт А. А. Сатыбалов. Вторая часть титула «нуцал» в переводе с аварского означает князь, владелец [51, с. 362]. Мы предполагаем, что титул «дорга-нуцал» носили правители Андии в период ее нахождения в составе Гази-Кумухского шамхальства. Приставка же «шамхал» к титулу Али-бека может означать, что он и его предки вели свое происхождение из владетельного дома шамхалов. В период возвышения Гази-Кумухского шамхальства, согласно хронике «Тарих Дагестан», андийцы платили шамхалу восемь бурок и одного быка ежегодно. Можно предположить, что именно в этот период в Андии обосновались представители рода газикумухских шамхалов, подобно тому, как это было в Гидатле, Андалале, Шиназе [52, с. 117] и других регионах Дагестана.

На то, что в андийских селах проживают выходцы из шамхальского дома, обращали внимание исследователи Д.-М. Шихалиев [53, с. 15], Е. М. Шиллинг [54, л. 101], Х. М. Хашаев [55, с. 137]. Это подтверждается и тем фактом, что в конце данной рукописи имеются две приписки. Первая из них гласит: «Я переписал это с собственноручной записи Ахмад-хана б. Пир-Мухаммада б. Хачи б. Умара – сына эмира Нурава, сына султана Али-бега, называемого дорга-нуцалом, обосновавшегося в Андии, а проживающего в селении Верхний Гагатль; [записи], которую он написал в тысяча двести тридцать первом году по хиджре», соответствует 1815–1816 гг. Вторая запись сообщает: «Языком наших предков, начиная от Султан-Али-бега и до Хаджику, был язык равнины. Хаджику [первым] заговорил на андийском языке. Что же касается наших предков [живших] до Султан-Али-бега, то они говорили на языке своих дедов-арабов. Это соответствует тому, что написал Пир-Мухаммад б. Хачи» [47, с. 130–131].

Известный дагестанский этнограф М.А. Агларов отмечает, что в XVIII в. андийцы уже не управлялись выходцами из рода шамхалов, но он считался одним из самых почетных родов в Андии [48, с. 153].

С. Ш. Гаджиева сообщает, что в этот род входят следующие группы: 1. Даргалал (*Доргалал*); 2. Мирзалал; 3. Дибиралал; 4. Дулдулал;

5. Казаналипал; 6. Ункалал; 7. Рашитханилал; 8. Изалал. Дарга, который дал свое имя первой группе, по примерному подсчету старейших андийцев, жил в начале XVIII в. [56, с. 135].

Историк Г. Д. Даниялов отмечает, что еще в конце XIX в. среди андийцев были люди, претендовавшие на происхождение от шамхалов и предъявлявшие царской администрации свои родословные, доходящие до начала XVII в. [57, с. 31–32]. Отзвуки былого функционирования должности даруги, на наш взгляд, сохранились в Анди в названии квартальных исполнителей «доргъахъл» [58, с. 170].

Весьма интересное предание о должности даруга в сел. Кая Аштикулинского наибства [59] содержит рукопись неизвестного автора «Обычай и нравы Дагестана» [60]. Предание гласит: «...596 лет тому назад из Алеппо в Дагестан перешел один богатый человек, называвшийся Шариф-беком. Он избрал своим местом жительства селение Кая, в котором в то время находилось до 300 дворов. Впоследствии Шариф-бек за свои личные качества был избран даругой/сельский начальник/. Шариф-бек за свой счет обнес селение Кая каменной стеной с двумя широкими воротами, затем, постепенно забирая в свои руки власть, стал выступать против соседних ханов...» [61, с. 12].

Приведенное предание явно несет в себе черты легендарного характера. Дату появления даруги в сел. Кая надо понимать как просто «незапамятно давние времена». Сведения же о вооруженной борьбе даруги с «ханами» содержат в своей основе глухие, замаскированные временем отзвуки вооруженного противостояния местной феодальной знати и ставленника монголов – даругачи/баскака.

Интересно отметить, что титул «даруга» и связанные с ним полномочия сохранились в Дагестане вплоть до XIX в. Сведения об этом содержатся в работе А. Каяева [45]. Хотя в основном они датируются XIX в., но, по нашему мнению, они отражают положение даруги в более ранний исторический период. Термину «даруга» в этой работе посвящены три статьи – «Подати селения Хосрех [Хъусрацияса магъала]», «Даруга [Даругъа]» и «Доходы даруги [Даругъанал дахутIру]».

Учитывая, что перечисленные выше статьи посвящены теме сбора налогов и связанным с соответствующей должностью полномочиями, мы сочли возможным опустить часть дублируемого текста.

В статье «Даруга [Даругъа]» автор проводит параллель, сравнивая полномочия даруги с полномочиями современных наместников и губернаторов.

Заслуживает внимания и замечание А. Каяева о том, что «...беки, зажиточные люди (авадантал) и райты – все должны были быть покорны даруге. Прежде чем приступить к сельскохозяйственным работам на своих полях, они должны были начать и закончить их на земельных наделах, принадлежащих даруге, то есть начать пахоту и сев, закончить сбор урожая, и заготовку сена в хозяйстве даруги. По его приказу также заготавливалось сено и масло для хозяйства хана. И только после этого они могли приступить к работе на своей земле. В результате хозяйствам хосрехцев наносился тяжелый урон: они не успевали вовремя закончить сельскохозяйственные работы на своих полях, заготовить сено и другие продукты на зиму. Хан по прибытии в Хосрех останавливался только в доме даруги. Однако для его угощения съестные припасы (каччан) [62] – вино, хлеб, мясо, сыр и другие продукты – собирались со всего селения. К хурджунам с принесенными припасами никто не имел права прикоснуться, пока жена даруги не открывала их.

Горы на территории ханства, расположенные в стороне Хосреха, находились под управлением даруги. Он отдавал их в аренду различным лицам. Он же обеспечивал поддержание порядка и закона во время аренды этих гор. Люди, прибывшие в горы из различных областей для содержания скота, находились под покровительством даруги. Он обязан был обеспечить их защиту и пресекать кражи и угон скота» [45, с. 259–260].

В этом тексте в сообщении о подчинении беков и состоятельных поселян (авадантал) власти даруги, на наш взгляд, сохранились косвенные указания на былую двухуровневую систему управления, в которой имелись как местный вассал, так и контролирующий его даругачи-баскак.

Статья «Подати селения Хосрех [Хъусрацияса магъала]» детализирует размеры податей в пользу хана и даруги: «На жителях селения Хосрех [Хъусраци] следующая подать [магъала]: с каждого дома селения в пользу хана два дятIла [63] сыра и один дятIал масла. С каждого двух домов по одному паласу [ххютI] [64].

Паласы принимались строго по размеру. Если размер паласа не соответствовал стандарту [дуциндара], его не принимали.

Во время правления Чолак Сурхай-хана [65] для сбора паласов в Хосрех приезжали Карат Шаринский [66] и Данд Тюхчарский [67].

Кроме податей хану хосрехцы вносили подати и даруге [даругъа]. С каждого дома селения даруге вносилось два с половиной ссалу [68] зерна. Также раяты Хосреха были обязаны выполнять все сельскохозяйственные работы на землях даруги: пахать, сеять и собирать урожай, один раз в году были обязаны выходить на сенокос в пользу даруги. Ни один стебель сена не заносился в селение, пока из каждого дома арба с сеном не доставлялась в хозяйство даруги. Тех, кто противился выходить на работу в хозяйство даруги, ханские рабы, избивая палками, выгоняли в поле. К тем, кто отказывался вносить подати даруге, применяли силу.

Ханские рабы податями не облагались. В их обязанности входил только контроль над работой раятов. Хан, приезжая в Хосрех, останавливался только в доме даруги. Для угощения хана съестные припасы (каччан) собирали со всех домов селения: глиняные кувшины [кьукьу] с бузой [кици] и медовыми напитками [мачча], масло, сыры и другие продукты...» [45, с. 4–5].

Статья «Доходы даруги [Даругъанал дахутру]» наиболее информативна. В ней сообщается «...часто ненасытный и алчный даруга прогуливаясь по улочкам селения с железной палицей в руках, наводил страх на раятов, приговаривая: “Пусть уберезет Всевышний Аллах того, кто попадет под неё и кого она раздавит”» [45, с. 104–105].

Когда до хана доходили известия о неповиновении хосрехцев, он немедленно обрушивал на них угрозы, пугая наказанием. Вот одно из характерных писем с угрозами хана, обращенное к джамаату сел. Хосрех: «К джамаату селения Хосрех! По какой причине вы отказываетесь повиноваться своему даруге? Неужели вы захотели сложить с себя барщину (в тексте бигар-шигар)» [69]. «Это станет возможным, если невозможное станет возможным. С таким положением дел я не согласен. Кроме этого, если вы не будете повиноваться, я подвергну вас такой каре, о которой никогда до сих пор не было слышно. Пока не поздно, сделайте так, чтобы я до завтра услышал хорошие вести – к вам прибудет мой человек. Вассалам» [70].

Даруга обладал не только большими полномочиями, но и пользовался неограниченным доверием правителя. Ханы доверяли ему аренду гор и обеспечение там порядка во время выпаса скота.

Так, например, один барановод из Кайтага, удовлетворенный хорошим содержанием своего скота и порядком на пастбищах, написал благодарственное письмо даруге, по имени Шейх-Али, следующего содержания: «От нуждающегося в милости Всевышнего Аллаха Хаджи-Мухаммада из Дибгаши [71] своему любимому кунаку и доверенному другу даруге Шейх-Али и его семье и близким – мир. И после мира я сообщая, что ко мне прибыл мой брат Али, который находился на горных пастбищах вместе со скотом. Он мне поведал о том, что наш скот содержится привольно и находится в безопасности. Этим известием я был очень доволен. Пусть и тобой будет доволен Всевышний Аллах! Мой друг Шейх-Али! Я поручаю Аллаху сохранность своих овец и чабанов, находящихся вместе с ними, и все остальное. Затем все это я поручаю тебе. Моя просьба – присмотри за ними, обезопась их от злых людей и от тех, кто может причинить им вред. Пока мы живы, не забудутся твои благодеяния. Вассалам» [45, с. 104–105].

С распадом монгольской империи система даругачи/баскаков также подверглась существенным изменениям. Это было связано с практикой применения этой системы на местах. По мере становления и укрепления власти различных чингисидских династий в своих улусах, происходит слияние монгольского управленческого элемента и местных феодалов в единое целое. На местах ханы стремились сокращать долю имперского центра и тем более долю других чингисидов и тем самым обособляться от империи и устраивать собственное государство с системой управления налогообложения. Начало этого процесса стало заметно уже в первой половине XIII в., но в разных частях монгольской державы он имел свои специфические особенности. Например в Китае, с воцарением династии Юань, институт даругачи/баскаков был ликвидирован. Здесь был востребован опыт управленцев, восходящий к богатым традициям государственного управления Китая. На Руси этот институт прекратил свое существование в XIV в. В Иране, Азербайджане и в Дагестане он с различными модификациями лег в основу местной феодальной системы налогообложения. Здесь должность даруги фигурирует вплоть до первой половины XIX в., функция которой заключается в основном в контроле за работой райятов, сбором налогов и доставкой их ко двору местного правителя.

Литература и примечания

1. *Сатыбалов А.А.* Социально-политические термины тюрко-язычных документов эпохи феодализма в некоторых языках северо-восточного Кавказа // Ученые записки ИИЯЛ. Махачкала, 1958. Т. 5. С. 186–195.
2. *Ковалевский О.М.* Монгольско-русско-французский словарь. Казань : Тип. Казанского ун-та, 1849. Т. III. С. 1546–2690.
3. *Cleaves F.W. Daruga and Gerege* // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1953. № 16. P. 237–259.
4. *Маслова С.А.* Даруги и баскаки: соотношение должностей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С. 23–36.
5. *Маслова С.А.* Монгольская администрация на завоеванных землях: даруги и баскаки // Исторический вестн. Монгольское завоевание и Русь. 2014. Т. X. (157). С. 80–110.
6. Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар») // Факсимиле ксилографа / пер. с кит., введ., комм. и прилож. Н.Ц. Мункуева. М.: ГРВЛ, 1975. 288 с.
7. *Маслова С.А.* Институты ордынской власти над Русью (баскаки, даруги, послы): дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 154 с.
8. *Березин И.Н.* Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева // Тр. восточного отделения Императорского Археологического об-ва. СПб., 1864. Ч. 8.
9. *Саблуков Г.С.* Очерк внутреннего устройства Кипчакского царства. Казань : Типо-лит. ун-та, 1895. 60 с.
10. *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. 178 с.
11. *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 505 с.
12. *Григорьев А.П.* Собрание ханских ярлыков русским митрополитам. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 276 с.
13. *Почакаев Р.Ю., Почакаева И.Н.* Властительницы Евразии. История и мифы о правительницах тюрко-монгольских государств XIII – XIX вв. СПб. : Евразия, 2012. 383 с.
14. *Камалов И.Х.* Золотая Орда и русский улус (татарское влияние на Россию) / пер. с турец. И.М. Миргалеев; отв. ред. А.В. Аксанов. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 304 с.
15. *Endicott-West E.* Mongolian rule in China. Local administration in the Yuan Dynasty. Cambridge, Massachusetts, 1989.
16. *Козин С. А.* Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongol un niruča tobèj an.* Юань чао би ши : монгольский обыденный сборник. М.; Л. : Изд-во Акад. наук, 1941. 620 с.
17. *Храпачевский Р.П.* Золотая Орда в источниках. Китайские и монгольские источники. М. : Наука, 2009. Т. III. 336 с.
18. *Горский А.А.* Утверждение власти монгольской империи над Русью: Региональные особенности // Исторический вестн. Монгольское завоевание и Русь. 2014. Т. 10 (157). С. 60–82.
19. *Джиованни дель Плано Карпини.* История монгалов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М. : Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1957. 272 с.
20. *Храпачевский Р. П.* Военная держава Чингисхана. М. : АСТ, ЛЮКС, 2005. 557 с.
21. *Сун Цзыжэнь.* Стела на пути духа Его превосходительства чжун-шу лина Елюй [Чу-цая] // Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. М. : Наука, 1965. 224 с.
22. Полное собрание русских летописей. Л., 1926–1928. Т. I. 379 с.
23. Сартаулы (сарты) – общее наименование части коренного населения Средней Азии в XV – XIX вв. До 1917 г. название «сарт» употребляли по отношению к оседлым узбекам и отчасти равнинным таджикам. Слово «сарт» не встречается в источниках домонгольского периода. Оно впервые стало употребляться монголами, которые называли этим именем всех мусульман без какого-либо различия.
24. *Хартог Лео де.* Чингис-хан. Завоеватель мира. М. : АСТ, Олимп, 2007. 286 с.
25. *Ваиари И.* Многоязычие и культурные взаимодействия в Золотой Орде // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 56–70.
26. *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М. : Изд-во МГУ, 1973. 181 с.
27. *Къаяев А.* Лакку маз ва тарих. (Каяев А. Лакский язык и история). М. : Наука, 2006. 550 с.
28. Кюра [лезгин. Куьере] – историко-географическая область в Южном Дагестане. Расположена на землях, лежащих между р. Самур на юге и областью Табасаран на севере. Территориально в целом соответствует современным Курахскому, Сулейман-Стальскому и частично Хивскому районам Дагестана.
29. Лакия (лак. Лак, Лакрал kIану, Лакрал билаят) – наименование этнотерритории лаков в Нагорном Дагестане. Кумух и Вачи являются двумя административными центрами Лакии, которая состоит из Лакского и Кулинского районов.
30. Хосрех – сел. в Кулинском районе РД. Должность даруги помимо селения Хосрех зафиксирована и в сел. Кая Лакского района РД.
31. Сословие лагов (рабов) в Лакии было неоднородно и подразделялось на две группы: лагов ханских

и узденских. Ханские лаги наделялись правителями полицейскими и административными функциями.

32. Раяты – податное сословие – жители феодальных владений Дагестана. Сословие раятов в Лакии формировалось, с одной стороны, за счет пленных лагов (рабов), которых феодалы сажали на землю, с другой – путем закабаления разными способами свободных общинников.

33. *Восканян Г.А.* Русско-персидский словарь. М. : АСТ, Восток-Запад, 2008. 876 с.

34. *Шан Юэ.* Очерки истории Китая. С древности до «опиумных войн». М. : Восточная лит-ра, 1959. 579 с.

35. *Кара Д.* Книги монгольских кочевников. М. : Наука, ГРВЛ, 1974. 229 с.

36. *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. 558 с.

37. *Оразаев Г.М.-Р.* Дербент-наме. (Румянцевский список). Введ. в период, комм. // Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М. : Наука, 1993. С. 6–65.

38. *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X – XI вв. М. : Восточная лит-ра, 1963. 270 с.

39. *Бартольд В.В.* К вопросу о происхождении Дербенд-наме: сочинения. М., 1973. Т. 8. С. 460–480.

40. *Багомедов М.Р.* Топонимика Дарга: структурно-семантический аспект. Махачкала : Изд-во ДАГУ, 2013. 347 с.

41. *Ган К.Ф.* Опыт объяснения кавказских географических названий // Сб. статей и материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1909. Вып. 40. Отдел третий. С. 1–164.

42. *Дирр А.М.* Современные названия кавказских племен // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1909. Вып. 40. Отдел третий. С. 1–28.

43. *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Монгольский термин даруга в постзолотоордынском контексте политической истории Дагестана и Северного Кавказа // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. С. 78–82.

44. Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII – XVIII вв. Махачкала : Даг. кн. изд-во, 1992. 301 с.

45. *Къаяев А.* Лакку мазрал ва тарихал материаллу. (Каяев А. Материалы по лакскому языку и истории). Махачкала : Наука ДНЦ, 2010. 488 с.

46. *Малачиханов Б.Г.* К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане // УЗ ИИЯЛ. Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1965. Т. 14. С. 175–205.

47. *Агларов М.А., Айтберов Т.М.* «Повествование об Али-беге Андийском и его победе над князем Турлаулом б. Али-Ханом Баклулальским» как источник

по истории Дагестана XVII века // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Махачкала : Изд-во ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, 1981. С. 121–134.

48. *Агларов М.А.* Андийцы. Историко-этнографическое исследование. Махачкала : Юпитер, 2002. 304 с.

49. Андийцы (экзоэтнонимы андийцы, андал, андии, самоназвание гъваннал) – народ на западе Дагестана. Селения андийцев расположены на южных отрогах Андийского хребта, по левым притокам Андийского Койсу.

50. Баклулал (бакълъулал) в переводе с аварского означает – живущие на солнечной стороне горы. Так называют жителей некоторых сел. Гумбетовского района РД.

51. *Саидов М.* Аварско-русский словарь. М. : Советская энциклопедия, 1967. 806 с.

52. *Айтберов Т.М.* Об общественном строе ругульцев (конца XVI – начала XVII в.) // Советская этнография. 1981. № 6. С. 112–118.

53. *Шихалев Д.-М.* Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала : Даг. кн. изд-во, 1993. 140 с.

54. *Шиллинг Е. М.* Очерки по этнографии андийцев // АИЭ. 1948. Д. 7629.

55. *Хашаев Х. М.* Общественный строй Дагестана в XIX в. М. : Изд-во АН СССР, 1961. 263 с.

56. *Гаджиева С. Ш.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М. : Наука, 1985. 360 с.

57. *Даниялов Г. Д.* Классовая борьба в Дагестане во второй половине XIX – начале XX вв. Махачкала, 1970. 293 с.

58. *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – нач. XIX в. М. : Наука, 1988. 243 с.

59. Селение Кая (лак. ЧИЙМИ) расположено в Кулинском районе РД.

60. Обычай и нравы Дагестана // Центральный государственный исторический архив Грузии. Ф. 545. Д. 3288.

61. *Абдулмажидов Р.С.* Заметки анонимного автора о Дагестане второй половины XIX в. // АСТА HISTORICA: труды по истории, археологии, этнографии и обществознанию. 2018. Т. I, № 2. С. 7–13.

62. Каччан – лакское слово, практически вышедшее из употребления. Применялось в значении «привизия», «съестные продукты».

63. ДятГал – распространенная в Дагестане мера веса для масла, сыра, меда и шерсти. Один дятГал равен 3 кг.

64. ХхютI – это слово употребляется в лакском языке в значениях «грубый домотканый ковер небольшого размера» и «палас».

65. Чолак-Сурхай-хан (1672–1748 гг.) – правитель Гази-Кумухского ханства. Один из главных органи-

заторов сопротивления дагестанских народов агрессивным устремлением шахского Ирана в первой половине XVIII в.

66. Карат Шаринский – сподвижник и полководец Сурхай-хана I.

67. Данд Тюхчарский – сын атабека Абдуллы Тюхчарского, воспитателя Сурхай-хана I. Позже Данд возглавил личную дружину хана.

68. Ссалу – примерно 6 кг зерна.

69. Бигар – это всякие повинности работой, налагаемые правителями и владельцами на крестьян, для

нужд государства. Постройка крепостей и зданий, доставка строительных материалов, прокладка дорог, полевые работы на пашнях и т. д. Шигар – работа без поденной платы. Выражение документа «бигар-шигар» – обычный прием персидской литературной традиции, передавать одно понятие при помощи двух аллиментирующих слов-синонимов.

70. По нашему мнению, автором этого письма является последний правитель Гази-Кумухского ханства – Агалар. Умер в 1858 г.

71. Дибгаши – селение в Дахадаевском районе РД.

Поступила в редакцию

17 сентября 2019 г.

УДК 94 (47)

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-54-58

«ОН ЗНАЛ, ЧТО БОЛЬШЕВИКИ ЗЛЫ НА НЕГО...»: НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О СУДЬБЕ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА РОСТОВА-НА-ДОНУ В 1918 ГОДУ

© 2019 г. А.А. Лысиков ^а

^а Южно-Российский гуманитарный институт, Ростов-на-Дону, Россия

Лысиков Алексей Алексеевич –
аспирант,

Южно-Российский гуманитарный институт,
ул. Красноармейская, 108, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.

E-mail: aleksej.lysickov@yandex.ru

Освещается введение в научный оборот ранее не публиковавшихся источников – протоколов Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации. Представленные документы рассмотрены в контексте проблемы определения причин и мотивов, двигавших красногвардейцами при убийстве без суда и следствия духовенства Юга России в годы революционных потрясений и Гражданской войны. Как показало проведенное исследование, убийство первых жертв из числа духовенства в г. Ростове-на-Дону – ростовских священников Иоанна Талантова и Константина Верецкого – было обусловлено политическими мотивами. Первый священник был расстрелян за осуждение деятельности большевиков, второй – за зачитывание послания патриарха Тихона «об анафематствовании творящих беззакония и гонителей веры в Церкви Православной». В обоих случаях расстрелы предварялись доносами местного населения.

Ключевые слова: православное духовенство Ростова-на-Дону, Гражданская война на Юге России, священник Иоанн Талантов, священник Константин Верецкий, публикация источников.

Одной из актуальных проблем современной исторической науки является становление советской власти на Юге России в годы Гражданской войны. Несмотря на обширную историографию, введение в научный оборот новых исторических источников позволяет переосмыслить некоторые аспекты данного процесса, ранее не рассматривавшиеся по идеологическим соображениям. Так, благодаря изучению документов Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний (именно так называется фонд ГАРФ) большевиков при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (далее – ГАРФ), и их публикации стали известны имена убитых священно- и церковнослужителей Области войска Донского (с 1920 г. – Донской области) [1]. Однако в большинстве случаев опубликованные источники не содержат сведений о причинах, заставлявших большевиков расправляться с духовенством без суда и следствия. В связи с этим представляется актуальной публикация ранее не введенных в научный оборот документов упомянутого фонда, свидетельствующих о расстреле в 1918 г. двух священников Ростова-на-Дону: Никольской церкви Иоанна Та-

лантова и Всехсвятской церкви Константина Верецкого.

Историография поставленной проблемы не может быть определена как обширная, тем не менее начиная с 1998 г. в ряде публикаций затрагивались вопросы, в той или иной степени касающиеся расстрелов духовенства в донском регионе в годы Гражданской войны. Так, в монографии Н.А. Решетовой, посвященной интеллигенции Дона в годы революционных потрясений, расстрелы священнослужителей рассматриваются как намеренное разжигание антицерковных настроений сторонниками большевиков, несмотря на нейтральную с точки зрения автора позицию духовенства по отношению к советской власти [2, с. 122–123]. О.Ю. Редькина анализирует политические предпочтения донского приходского духовенства и причины однозначной поддержки им белого движения [3]. В работах А.В. Шадринной изучаются различные аспекты истории Русской православной церкви и православного донского духовенства в годы Гражданской войны, в том числе приводятся статистические сведения об убитых священно- и церковнослужителях, анализируется отношение к Русской православной церкви на Дону в 1917–1919 гг.

гражданской власти, особенности положения Донской и Новочеркасской епархии в Донской республике в 1918–1919 гг. [4–6]. Как результат политики Всевеликого войска Донского относительно приходского духовенства, предопределивший основное направление репрессивной политики советского государства, затрагивается вопрос отношения власти к духовенству Донской области в 1920 г. [7]. Особый интерес представляет работа А.В. Шадринной, посвященная проблеме расказачивания и месте в этом процессе православного духовенства [8].

В работах Ю.А. Бирюковой предпринята попытка анализа документов Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков как источника по истории Русской православной церкви, затрагиваются общие вопросы, связанные с адаптацией Русской православной церкви на Юге России к новым политическим условиям [9, 10].

Помимо историографии, об убийстве ростовских священников И. Талантова и К. Ве-

рецкого упоминается в воспоминаниях меньшевика А. Локермана [11], регента Всехсвятской церкви Ростова-на-Дону И. Жукевич-Стоши [12] и ростовского протоиерея Павла Чехранова [13]. Однако ни в одном из этих источников не называлась истинная причина убийства священников красногвардейцами. Причины расстрела становятся очевидными из приведенных ниже архивных документов Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков.

Они публикуются в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации. Сохранены особенности стилистики текста и написания строчных и заглавных букв. В квадратных скобках приводится восстановленный текст, в угловых скобках – нечитаемые в источнике слова. Угловые скобки с отточием указывают на текст источника, не публикуемый в настоящей статье. Документы представляют собой рукописные подлинники.

Протокол осмотра

24 апреля 1919 года в г. Ростове-на-Дону член Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при Главнокомандующем вооруженными силами на Юге России, В. Ювисик-Компанеиц производил с соблюдением 315–321 ст[атей] Уст[ава] Уг[оловного] Суд[а] в присутствии нижеподписавшихся понятых осмотр предварительного следствия судебного следователя Ростовского-на-Дону окружного суда 1-го участка города Ростова-на-Дону об убийстве священника Ивана Алексеевича Талантова (1 гл[ава] X разд[ела] <неразб.>, начатого 5 апреля 1919 года по предложению товарища прокурора 3 Ростовского на Дону участка и значащегося по настольному реестру Судебного следователя № 262 1919 года.

Дело находится в стадии производства следственных действий и включает, между прочим, в себе показание допрошенной 13 апреля 1919 года судебным следователем с соблюдением 443 ст[атей] Уст[ава] Уг[оловного] Суд[а] свидетельницы Серафимы Петровны Талантовой, 39 лет, вдовы священника, проживающей в г. Ростове-на-Дону по Никольской улице в доме № 6, которая показала:

«<...> 10 февраля пр[ошлого] г[ода], в день вступления в Ростов большевиков, к нам в квартиру явилась группа вооруженных красногвардейцев. Их привела прислуга Коваленко, живущая в одном доме с нами, Мария Тимофеевна Ткачева, которая бегала и кричала: “Идите сюда, здесь живет поп-лохмач, который проклинает вас, а стоит за казаков”... Ткачева привела красногвардейцев к двери нашей квартиры, и я слышала их разговор за дверью, что попа следует посадить на штыки... Вломившиеся красногвардейцы произвели обыск, искали оружие и угрожали мужа убить за его проповеди. По уходе их, через час явилась другая группа красногвардейцев, которые также искали оружие и угрожали мужа убить за его проповеди. 12 февраля в 3 часа дня муж мой пошел в церковь совершать таинство брака. Вскоре к нам приехала группа красногвардейцев в 12 человек за мужем. Ткачева им сказала, что он в церкви, что подтвердила и я. Они отправились в церковь, куда пошла и я. Пока муж совершал таинство, они его не трогали. В церкви я обратилась к одному красногвардейцу, прося его не расстреливать мужа, на что он ответил, что это не от него зависит. Я стала его допрашивать, кто донес на мужа. Он ответил, что певчие, которые сейчас в штабе... Мужу красногвардейцы сказали, что повезут его в штаб Красной гвардии для допроса, но повезли на выгон возле народного дома, где и расстреляли. Дети мои, Николай, 10 лет, и Евгений, 13 лет, бежали следом, и когда прибежали, то при них был выстрел, и муж упал мертвым. На лице мужа два пулевых отверстия и снесен почти весь череп разрывной пулей. На теле не было никаких ран и знаков насилия. Муж был раздет до белья. В толпе говорили, что стрелял в мужа матрос Комиссаров...»

В полицейском дознании видно, что священнику Ивану Талантову было 43 года.

Член Особой комиссии В. Ювисик-Компанеиц (подпись)
Понятые <неразб.>; Михаил Георгиевич Фаддеев [14, л. 2 – 2 об.].

Протокол осмотра

24 апреля 1919 года в г. Ростове-на-Дону члены Особой Комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при Главнокомандующем вооруженными силами на юге России В.О. Ювисик-Компанеиц производил с соблюдением 315–321 ст[атей] Уст[ава] Уг[оловного] Суд[а] осмотр предварительного следствия судебного следователя Ростовского-на-Дону окружного суда 5-го участка города Ростова-на-Дону, об убийстве священника Константина Верецкого (I гл. X разд[ела] <неразб.>), значащееся по настоящему реестру следователя № 387 1919 года.

Дело начато 5 апреля 1919 года по предложению товарища прокурора 3-го Ростовского на Д[ону] участка, находится в стадии производства следственных действий и включает в себе показание допрошенной 13 апреля 1919 года с соблюдением 443 ст[атьи] Уст[ава] Уг[оловного] Суд[а] свидетельницы Евлампии Ивановны Верецкой, 45 лет, вдовы священника, проживающей в г. Ростове-на-Дону по Пушкинской улице в доме № 93, которая, между прочим, показала:

«10 февраля пр[ошлого] года в 3 ½ часа дня в квартиру нашу явились человек 12 вооруженных красногвардейцев, солдат и рабочих, мне неизвестных, объявив мужу, что они пришли за ним и поведут его в Военно-революционный комитет. Муж мой, Константин Александрович Верецкий, священник церкви Всех Святых, без сопротивления вышел с ними на улицу, где была толпа, состоящая главным образом из женщин. Толпа была враждебно настроена и потребовала, чтобы мужа повели прямо в степь на расстрел. На улицу я из квартиры не выходила, но когда в квартире спросила у солдат, за что арестовывают мужа, то получила ответ, что за проповеди против большевиков. Мужа повели по Братскому пер[еулку] по направлению к степи, и там в квартале между Кузнецкой и последней улицы его расстреляли. На теле мужа было несколько пулевых и штыковых ран, и кроме того был размозжен череп, по-видимому, ударом приклада ружья...».

Показание подписано свидетельницей и свидетелем.

Член Особой Комиссии В.О. Ювисик-Компанеиц

Понятые: Александр <неразб.>; Иван Абрамович Стукачев [14, л. 3].

Дело № 2

Об убийстве священника Константина Александровича Верецкого

1919 года июня 18 дня. Временный член Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков при Главнокомандующем вооруженными силами на Юге России член суда И.А. Резвяков допрашивал нижепоименованных в г. Ростове-на-Дону в качестве свидетелей, и они по соблюдении 443 ст[атьи] Уст[ава] Уг[оловного] Суд[а] показали:

Александр Иванович Верецкий, 75 лет, живу я в г. Ростове-на-Дону на Новом поселении по 6-й улице, д[ом] № 152, священник лазарета при Шкуре.

Расстрелянный большевиками 10 февраля 1918 года Константин Александрович Верецкий, священник кладбищенской Всехсвятской церкви – мой сын. В день расстрела, в то время, когда большевики пришли в дом, где жил мой сын, чтобы его взять – меня не было дома и о его смерти я уже узнал на другой день¹. Обстоятельств, сопровождавших взятие большевиками моего сына, я не знаю, а их может сообщить его жена – вдова, переехавшая на жительство к матери своей Дарье Яковлевне Орловой, по Пушкинской, д[ом] № 33. Сын мой читал в церкви грамоту патриарха Тихона и повторил слова об анафеме. Он знал, что большевики злы на него, но от них и не думал прятаться. Большевики взяли его около двух часов², а в три часа пополудни его уже не стало: он был расстрелян. Когда его брали большевики, за него очень хлопотала жившая у него на квартире Марья Алексеевна, фамилии ее я не знаю, за это ее чуть не расстреляли. В Семibalках, что под Таганрогом, говорят, что на Страстном хуторе зять Корнеевских, имени и фамилии его я не знаю, публично хвастался, что он расстрелял моего сына. Семья Корнеевских вся большевистская. О

¹ В рукописи вначале написано «к вечеру», затем зачеркнуто и сверху строки написано «на другой день».

² В рукописи вначале написано «утром», затем зачеркнуто и сверху строки написано «около двух часов».

месте жительства своего зятя эта семья, вероятно, располагает свидетелями. Зять этот жил в Нахичевани н[а] / Д[ону] и состоял комиссаром.

Подписано: «на другой день» «около двух часов». Зачеркнуто: «к вечеру», «утром».

Александр Верецкий

Член комиссии <подпись> Резвяков [14, л. 4].

Серафима Филипповна Верецкая, 75 лет.

Живу я в г. Ростове-на-Дону на Новом поселении, по 6-й улице, д[ом] № <в документе номер не указан>. Сын мой, священник Константин Александрович Верецкий, был расстрелян большевиками 10 февраля 1918 года. Хотя сын мой жил очень близко от нас, но я ничего не знала, что происходило у него на квартире в этот день во время прихода к нему большевиков. Его взяли около двух часов, а в три часа он уже был расстрелян. 10 февраля 1918 года, около 11 часов утра ко мне пришел сын Константин, ныне покойный, и, обращаясь ко мне с поникшей головой, сказал: «Мама, я пришел проститься, – благословите меня. Большевики пришли». Я ответила: «Что ты, что ты говоришь? Садись, выпей чаю». «Нет, мама, благослови». Я благословила его, он поцеловал мне руку и, не присевши, ушел. Около двух часов, как я сказала, его взяли большевики, а в три часа его не стало. Он предчувствовал, что с ним будет плохо. Один из прихожан в этот же день¹ предупреждал его об опасности, но он ответил, что раз это суждено, то на то воля Божия. Он в проповедях неоднократно говорил, что все хорошие люди из солдат ушли по домам, к своим семьям вернулись, а остались лишь одни острожники. За это и были злы на него большевики. Особенно домогалась его смерти какая-то женщина.

Подписано «в этот же день».

С. Верецкая

Член комиссии <подпись> Резвяков [14, л. 4 об.].

Как видно из приведенных источников, ростовские священники были расстреляны красногвардейцами в начале февраля 1918 г. по мотивам, заключавшимся в первом случае в осуждении И. Талантовым деятельности большевиков, во втором – в зачитывании послания патриарха Тихона, что расценивалось и местным населением, и красногвардейцами как политическое выступление. Константин Верецкий также был расстрелян по доносу, касавшемуся выполнения им прямых священнических обязанностей – в начале февраля 1918 г. на проповеди он зачитал послание патриарха Московского и всея России Тихона от 1 февраля (нового стиля) 1918 г. «об анафематствовании творящих беззакония и гонителей веры в Церкви Православной» [15, с. 82–85]. Это послание содержало слова: «Властию, данною Нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной» [14, л. 83]. Послание, озвученное священником, и до этого призывавшего к прекращению братоубийственной войны, вызвало озлобление сторонников большевиков, которые восприняли слова патриарха как личное оскорбление и потому решили отомстить священнику, зачитавшему послание. Пользуясь сменой вла-

сти, недовольные проповедями прихожанки донесли новому правительству о священнике Константине Верецком, позволившем себе «анафематствовать» большевиков.

Характерной чертой расправы с ростовскими священниками была, во-первых, враждебность к священникам прислуги и жен жителей Нахаловки, в подавляющем большинстве примкнувших к большевикам, во-вторых, в обоих случаях священнослужителей расстреляли без предварительного суда и следствия, опираясь исключительно на доносы.

Литература

1. Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии / вступ. ст. Ю.Г. Фельштинского, Г.И. Чернявского // Вопросы истории. 2001. № 7. С. 3–34; № 8. С. 3–35.
2. Решетова Н.А. Интеллигенция Дона и революция (1917 – первая половина 1920-х гг.). М.: РОССПЭН, 1998. 240 с.
3. Редькина О.Ю. Духовенство Юга России в период общественно-политического кризиса (март 1917 – январь 1918 г.): в поисках гражданского мира // Юг России: реформы, революции, поиски гражданского мира (памяти П.А. Столыпина): материалы регион. науч. конф., 1–2 июня 2011 г., Ростов-на-Дону / отв.

¹ Слова «в этот же день» вписаны после слова «прихожан».

ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д. : Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 155–161.

4. *Шадрина А.В.* Приходское духовенство Области войска Донского в период революционных событий и Гражданской войны. 1917–1919 гг. // *Философские и исторические исследования*. Вып. 2 : сб. науч. ст. / сост. С. Б. Борисов, Н. Ф. Чипинова; отв. ред. С. Б. Борисов. Шадринск : ШГПУ, 2017. С. 105–115.

5. *Шадрина А.В.* Русская православная церковь и власть на Дону в 1917–1919 гг. // *Социально-политические кризисы в истории России : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (г. Шадринск, 21 ноября 2017 г.)*. Шадринск : ШГПУ, 2018. С. 228–232.

6. *Шадрина А.В.* Особенности положения Донской и Новочеркасской епархии в Донской республике в 1918–1919 гг. // *Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики) : материалы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 19–21 сентября 2018 г.)* / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д. : Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. С. 49–55.

7. *Шадрина А.В.* Особенности отношения советской власти к приходскому духовенству Донской области в 1920 году // *Государство, общество, церковь в истории России XX – XXI веков : материалы XVII Междунар. науч. конф. (Иваново, 28–29 марта 2018)*. Иваново : Ивановский гос. ун-т, 2018. С. 206–211.

8. *Шадрина А.В.* Преследования донского духовенства в 1920-х гг. как составляющая латентного расказачивания // *Казачество в конце XIX – начале XX в.: расказачивание и социокультурные трансформации : материалы Всерос. науч. конф. г. Ростов-на-Дону, 27–28 июня 2019 г.* Ростов н/Д. : Изд-во ЮНЦ РАН, 2019. С. 147–151.

9. *Бирюкова Ю.А.* Документы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России как источник по истории Русской православной церкви // *Вестн. Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Серия 2 : История. История Русской православной церкви*. 2017. № 79. С. 55–67.

10. *Бирюкова Ю.А.* Русская православная церковь на Юге России в условиях Гражданской войны: проблемы адаптации к новым политическим условиям // *Юг России и сопредельные страны в войнах и вооруженных конфликтах : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Ростов-на-Дону, 22–25 июня 2016 г.)* / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д. : Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. С. 434–441.

11. *Локерман А.* 74 дня советской власти (из истории диктатуры большевизма в Ростове-на-Дону) // *Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО)*. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 85.

12. *Жукевич-Стоша И.* Из ужасов прошлого (письмо в редакцию) // *Приазовский край*. 1918. № 36. С. 4.

13. *Чехранов П.* Две тюремные Пасхи. Из воспоминаний // *Табунщикова Л.В., Шадрина А.В.* Церковные расколы в Донской области. 1920–1930-е годы: сб. документов и материалов / отв. ред. А.В. Венков; науч. ред. Н.В. Киселева. Ростов н/Д. : Антей, 2015. С. 209.

14. ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 45.

15. Акты Святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / сост. М.Е. Губонин. М. : Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского ин-та, 1994. 1063 с.

УДК 94

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-59-62

НАЧАЛО РАЗВИТИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

© 2019 г. М.Ю. Макаренко^а

^а Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

Макаренко Мария Юрьевна –
доктор исторических наук, доцент, профессор,
Кубанский государственный университет,
ул. Ставропольская, 149, г. Краснодар, 350040, Россия.
E-mail: makarenkom@inbox.ru

Анализируется вступление северо-западных регионов Северного Кавказа в начальную стадию демографических изменений в первые десятилетия XX в. На основе результатов переписи населения, статистических данных, литературных и архивных источников детально рассмотрены особенности демографических процессов на указанной территории накануне Первой мировой войны и после неё, показано негативное влияние на них последствий войны. Подвергнуты анализу изданные в стране после революции и Гражданской войны законодательные акты, призванные регулировать отношения в сфере брачности, деторождения и разводов. Проведено сравнение процессов демографической модернизации на Северном Кавказе и в некоторых южных регионах страны в период нэпа и после него. Отмечена неравномерность демографических и социально-экономических преобразований на Северном Кавказе, обусловленных различием этнографических (культурно-исторических) и географических условий проживания людей (в горах и на равнине).

Ключевые слова: демографический переход (ДП), модернизации брачно-семейного поведения, кризисные факторы динамики численности населения, интеративный (прерывистый) характер демографической модернизации, брачность, рождаемость, экзогенные и эндогенные причины смертности, образованность.

Цель предлагаемой статьи – показать особенности начала развития демографического перехода (ДП) на Северном Кавказе. Концепция ДП используется в исторических исследованиях для описания ретроспективного и современного состояния народонаселения мира, отдельных стран и регионов, причин изменения репродуктивного поведения. Среди ученых нет единого мнения о начале грандиозного процесса модернизации; ее авторство приписывается А. Ландри, Л. Рабиновичу, Ф. Ноутстейну и др. Суть ДП – в пересмотре системы жизненных ценностей человека: изменение принципов жизнеохранительного поведения (результат перехода – утверждение доминирования эндогенных факторов смертности над экзогенными), индивидуальный выбор супруга, продолжение рода и воспитание детей, их количество и сроки рождения.

Демографическая модернизация (ДМ) России – одна из линий всемирного глобального ДП, первыми в процесс в конце XVIII в. вступили страны Европы (Франция и государства Скандинавии, спустя несколько десятилетий – большинство стран Западной Европы). В мировых масштабах ДП не завершился и сегодня: наименее выражены его проявления во внутрен-

них регионах стран Латинской Америки и Африки (южнее Сахары). В первые десятилетия XX в. особенность России – в сильном различии развития уровней ДМ по отдельным территориям страны, что закономерно, учитывая масштабы государства.

В 1920-е гг. население Северного Кавказа не было единой общностью: славянское значительно опережало в модернизационном развитии титульные этносы, особенно выраженной была разница между северо-западом и юго-востоком региона. На Северном Кавказе до недавнего времени существовали преимущественно аграрные общества (титульное население некоторых республик), продвинувшиеся по модернизационному пути (не только демографическому) намного меньше, чем население русских краев и областей.

Каркас социально-демографического (а также исторического и экономического) исследования – данные статистики. Проблема их достоверности более всего выражена в отношении периода Гражданской войны и первых послевоенных лет. Многие исследователи, определяя динамику населения в общероссийских масштабах, оставляют Северный Кавказ за пределами научного анализа, не рассматривая материалы

по региону. Аргументация подобного подхода определена тем, что качество статистического учета в регионе намного ниже, чем в Центре России.

Материалы переписи 1920 г., проходившей на Северном Кавказе фактически в условиях военного времени (более всего недостоверна статистика на севере и в центре региона – в полосе особенно напряженных военных действий), уступают в точности материалам переписи 1926 г., признанной венцом отечественной статистики. Анализ (даже с полным учетом административно-территориальных изменений, интенсивно проходивших в регионе в начале 1920-х гг.) данных первых послеоктябрьских переписей не позволяет воссоздать абсолютно объективную картину перемен в численности и составе населения.

Достоинство исследований 1920-х гг. (позволяющих использовать их в качестве источника) – опубликованный в них фактический материал. Это многочисленные статистические сборники и прежде всего фундаментальный труд «Морфология населения». Её автор А.И. Гозулов считает возможным провести не только научный анализ демографической ситуации на Северном Кавказе, но и привести в качестве иллюстрации ситуации статистический материал [1].

Альтернативный не менее информативный источник – эпопея М.А. Шолохова «Тихий Дон». Десятилетие русской истории (май 1912 – март 1922 гг.), запечатленное в романе, – это годы, всколыхнувшие страну, период «вулканической социальной активности», делающей «жизнь обывателя... невыносимой» [2, с. 15]; это – время, когда переходное, изменяющееся (транзитивное) состояние общества выливалось в обострение напряженности между традицией и модернизацией, принимая форму открытого конфликта поколений.

На юге России приблизительно в эти годы (с полувековым отставанием от центра и северо-запада) появляются первые признаки ДП. В начале XX в. смертность в России превышала 30 ‰. Это в два раза выше, чем в странах Скандинавии – Дании, Швеции, Норвегии. Среди причин нередко упоминалась практически забытая в Европе оспа. Средний возраст на Юге страны составлял примерно 26 лет, в Швеции и Швейцарии – около 30; во Франции он достигал максимальных 32, демонстрируя успехи утверждения модернизации жизнеохранительного поведения.

Предпереходное состояние воспроизводства характеризовалось очень высоким уровнем младенческой смертности – треть родившихся не доживала до года. Примерно половина не достигала репродуктивного возраста. За годы нэпа средняя продолжительность жизни увеличилась почти на десять лет. Подобные перемены так быстро не происходили ни в одной европейской стране. К концу нэпа СССР выходит практически на один уровень со странами Запада.

В конце XIX в. разница в продолжительности была ярко выраженной особенно между Россией и Скандинавскими странами. Все же в структуре смертности доминировали экзогенные факторы, хотя значение эндогенных (внутренних) постоянно повышалось.

На рубеже XIX – XX вв. в хуторах Первого Донского округа, по данным Т. Власкиной, практически всех новорожденных крестили в течение первых трех дней жизни, из них 10 % (наиболее слабеньких) – в день рождения; около половины – на второй день [3, с. 207]. Чем объяснялась такая поспешность? Страхом, чтобы ребенок не умер «калмыком» (*калмык, щ'еник, п'ес, татарч'а*) – название некрещеных детей в донских говорах [3, с. 206]). Сложилось множество альтернативных кризисных сценариев ритуала крещения. Приведенные факты (высокая младенческая смертность) свидетельствуют об отсутствии выраженных проявлений ДП. Война, голод, эпидемии тормозили развитие его процесса и многие достижения социально-демографической модернизации, происходившие до Октября, оказывались нивелированными. Прерывистый (интерактивный) характер ДП проявился в том, что после Гражданской войны модернизация демографических процессов набирает обороты.

ДП начинается со снижения смертности (прежде всего детской и перинатальной). На Кубани – наиболее хозяйственно благополучной части региона – процесс проходил интенсивнее, чем на других территориях Северного Кавказа [4, с. 14]. Снижение коэффициента летальных исходов достигалось в основном за счет сокращения перинатальной смертности. Это объяснялось факторами отчасти хозяйственных и социальных в определенной степени мероприятий, медико-профилактическими мерами, становившимися все более популярными [5, л. 16]. Беременные женщины и женщины, которые долгое время, будучи замужем, не рожали, охотнее обращались в медучреждения не только потому,

что помощь там была более действенной, чем методы народной медицины (не исключая осуждаемую сельским социумом травяную терапию), но и потому, что со стороны медперсонала не наблюдалось негативного отношения к бесплодию или предстоящим долгожданым сложным родам. Методы народной медицины отражены на страницах «Тихого Дона», где упоминается искусственное (не всегда удачное, и даже трагичное) прерывание беременности.

В преддверии Первой мировой войны губернии и области Северного Кавказа отличались более высоким коэффициентом брачности, чем большинство территорий Российской империи. Мировая война привела к падению рождаемости – на фронт уходили мужчины репродуктивных возрастных групп; имела место латентная полигамия, происходила маргинализация рождаемости, поскольку в сельской местности искусственное прерывание беременности не было еще распространено. Новое законодательство, упростившее и ускорившее процесс развода, становится причиной его бурного роста. Около 80 % расторгнутых браков, оформленных в 1925 г., приходится на союзы, заключенные после разрешенных государством мер [5, л. 14]. Возможно, одна из причин – узаконенное с 1920 г. искусственное прерывание беременности, что снизило ответственность брачных пар по отношению к потомству. Законодательно признанное искусственное прерывание беременности в 1920 г. поразило мировое сообщество: такого не знала еще ни одна страна мира. Количество разводов (и в целом по стране, и среди титульного населения Северного Кавказа) превышало официальные данные – загсы фиксировали разводы по взаимному соглашению мужа и жены, но таких случаев было немного, сказывалось социальное положение женщины, занимавшейся преимущественно домашним хозяйством и уходом за детьми; развод оставлял жену и детей практически без средств к существованию. На суды (в ситуациях, когда кто-то из супругов возражал) возлагалась обязанность предоставлять в органы справки о разводах, хотя это решение местные власти зачастую не выполняли.

В середине 1920-х гг. рождаемость, поднимавшаяся в сельских местностях Северного Кавказа, в крупных городах региона (Ростове, Краснодаре, Таганроге) оставалась ниже. Одна из причин – искусственное прерывание беременности [5, л. 10]. Количество таких случаев на протяжении первой половины нэпа сокраща-

лось: в 1920 г. в столице Кубани число легальных прерываний беременности составило 1218, в 1925 г. – только 50 % рождаемости [6, л. 15]. Показатель подтверждается данными Окргздравотдела [5, л. 11]. Это официальная статистика, а на самом деле, вероятно, искусственных прерываний беременности было гораздо больше. Примерно такие же показатели в Ростове, Таганроге и Ставрополе.

Снижение уровня смертности, охватившее весь Северный Кавказ, привело к тому, что максимальный (за счет компенсаторности) показатель 1925 г. не достигал довоенного уровня, хотя это должно было произойти. Как и в 1940-х гг., в России практически не было «беби-бума», исключая середину 1920-х гг., когда снижение рождаемости проходило медленнее сокращения смертности. В начале 1930-х гг. начавшееся понижение рождаемости в сочетании с подъемом смертности свели на нет намечавшийся на Северном Кавказе демографический взрыв.

Активно росло население курортных приморских городов, где сельское хозяйство уже не являлось доминирующей градообразующей отраслью, речь идет не только о количественном росте населенных пунктов, но и об изменении стереотипов поведения их жителей.

Отсутствие выраженной модернизации некурортных городов проявлялось в том, что менталитет и характер труда, типичные для жителей сельской местности, увеличивали только численность. Хозяйственно-бытовые и религиозные факторы (связи с земледелием, исполнением супружеских обязанностей в запрещенные периоды) определили периодичность брачности: даже в крупнейших городах Северного Кавказа – Ростове, Краснодаре, Владикавказе, Грозном, Ставрополе – выросло количество браков, заключаемых в феврале и сентябре – октябре – периоды наименее интенсивных сельскохозяйственных работ.

Обычный результат начала ДП – повышение числа молодежи в составе населения – зафиксирован на Северном Кавказе в общем-то неожиданно, поскольку возрастные группы от 20 до 29 лет в полной мере ощутили влияние кризисных факторов, отраженных в материалах переписей 1926 и 1939 гг. Причина – механическое пополнение населения региона, активно проходившее в основном за счет центральных регионов России.

Особенности развития ДП проявились в сельских местностях Северного Кавказа, что во

многим обусловлено долгим сохранением там неевропейского типа брачности (термин введен в научный оборот Дж. Хаджналом), традиционно присущего региону. Отсутствие мужчин в годы Гражданской войны, отложившее потенциальные браки (Шолоховский пример – судьбы Михаила Кошевого и Дуняшки Мелеховой), сыграло свою роль.

В числе прочих демографических и этносоциальных характеристик перепись 1926 г. зафиксировала принадлежность к казачеству, которое оставалось многочисленной категорией населения (преимущественно сельского) Северо-Кавказского края: 27,5 %, его жителей определили свою этническую принадлежность к казачеству [7]. В казачьей среде ДП проходил менее интенсивно, чем у иногородних, о чем свидетельствуют особенности половозрастного строения казачьего населения региона, зафиксированные переписью [7, 8]. Интенсивнее ДМ развивалась в городской среде. Репродуктивное и матримониальное поведение жителей Ростова, Краснодара, Таганрога, Новороссийска уже не было тотально традиционным: изменялось отношение к жизни и смерти, продолжению рода, любви.

Исследование половозрастной структуры населения Северного Кавказа, представленное в материалах переписи 1926 г., подтверждает вступление городов региона в начальную стадию ДП, чего нельзя сказать о большинстве сельских населенных пунктов. Поколение, рожденное в разгар нэпа, было многочисленным, особенно по сравнению с тем, что родилось в первые годы Гражданской войны.

Накануне свертывания нэпа уровень социально-демографической модернизации городов русского Кавказа становится практически иден-

тичным степени развития ДМ в Центре и на Северо-Западе России. Титульное население Северного Кавказа, горские субобщества, отставали от темпов модернизации славянского населения Юга России: развитие процесса ДП сильнее проявлялось с северо-запада на юго-восток – от равнин в сторону предгорий и гор. Среди титульного населения Северного Кавказа присутствовала разница между населением гор, предгорий и равнин. В этом же направлении (северо-запад – юго-восток) понижался уровень грамотности, сокращался относительный вес славян в составе населения, что являлось косвенной причиной более низкого уровня демографической модернизации.

Литература

1. *Гозулов А.И.* Морфология населения. Опыт изучения строения основных свойств населения Северо-Кавказского края по данным трех народных переписей – 1926, 1920 и 1897 гг. Ростов н/Д. : Сев.-Кавк. краев. статуправление, 1929. 442 с.
2. *Слепухин Ю.* Не подводя итогов // Звезда. 2001. № 9. С. 7–56.
3. *Власкина Т.Ю.* Родильно-крестильный комплекс // Очерки традиционной культуры казачеств России. Москва; Краснодар, 2005.
4. Население и хозяйство Кубанского округа : стат. сб. за 1924–1926 гг. : в 2 т. Краснодар : Изд-во гл. тип. Кубполиграфа, 1928. Т. 2. 928 с.
5. ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 23.
6. ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 114.
7. Казачество Северо-Кавказского края. Итоги переписи населения 1926 г. Ростов н/Д., 1928.
8. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. 5.

УДК 94

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-63-69

РОЛЬ ПРОПАГАНДЫ В СТАНОВЛЕНИИ И УКРЕПЛЕНИИ НАЦИСТСКОГО РЕЖИМА

© 2019 г. Е.А. Паламарчук^а

^а Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Ростов-на-Дону, Россия

*Паламарчук Евгений Александрович –
доктор исторических наук, профессор,
Ростовский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России),
пер. Соборный, 26, г. Ростов-на-Дону, 344002, Россия.
E-mail: epalamar@mail.ru*

Анализируются значение, которое национал-социалистические лидеры придавали пропагандистскому воздействию на массы, роль, которую были призваны сыграть в указанном отношении основные пропагандистские ведомства нацистской Германии – рейхсминистерство народного просвещения и пропаганды и имперская палата культуры, возглавлявшиеся Геббельсом и установившие тотальный контроль за духовной сферой в Третьем рейхе. Особое внимание уделяется антиеврейской пропаганде довоенных лет и периода Второй мировой войны, радиопропаганде и кинопропаганде, которые Геббельс рассматривал как приоритетные.

В итоге созданная Геббельсом пропагандистская система способствовала консолидации вокруг режима большинства немцев, которые сохраняли ему лояльность вплоть до его краха.

Ключевые слова: пропаганда, нацизм, пресса, кино, радиовещание, нация, масса, антисемитизм, евреи, раса, тотальная война, эффективность, Третий рейх, толпа, цензура.

Несмотря на прошедшие с момента окончания Второй мировой войны десятилетия, в течение которых проблемы изучения различных аспектов нацизма (от истоков национал-социалистического движения до основных направлений внутренней и внешней политики гитлеровского режима) неизменно находились в центре внимания представителей научного сообщества, они по-прежнему сохраняют свою актуальность. Более того, их рейтинг (как научный, так и политический) в связи с резким обострением миграционной ситуации в современном мире, в первую очередь в странах Европейского Союза, и ставшего следствием этого усиления в них праворадикальных настроений, лишь неуклонно возрастает.

Новые реалии благоприятствуют рождению многочисленных прогнозов, касающихся будущего развития Европы, в том числе носящих «апокалиптический» характер. Среди последних – возможность появления в более или менее отдаленной перспективе «четвертого рейха», в том числе на межгосударственной основе. Как бы то ни было, если сложившаяся ситуация сохранится и неспособность европейской демократии к кардинальному решению миграционной про-

блемы станет окончательным диагнозом, то это, несомненно, приведет к нарастанию авторитарных тенденций на европейском континенте.

В связи с вышеуказанными обстоятельствами представляется актуальным обратиться к анализу одного из важнейших факторов, способствовавших консолидации немецкого общества в период нацизма. Несмотря на то что отдельные аспекты проблемы, рассматриваемой в статье, исследовались, в том числе автором, списывать ее в архив преждевременно. Поскольку формат данной публикации не позволяет подробно остановиться на всех направлениях нацистской пропаганды, мы больше внимания уделяем анализу тех из них, которые в глазах самих нацистов носили приоритетный характер.

13 марта 1933 г., спустя менее чем два месяца после назначения Гитлера рейхсканцлером Германии, было учреждено новое ведомство – имперское министерство народного просвещения и пропаганды во главе с амбициозным Паулем Йозефом Геббельсом, который к тому моменту уже руководил партийной пропагандой.

Этот шаг был логически обусловлен тем огромным значением, которое национал-социалисты придавали пропагандистскому воз-

действию на массы. В «Mein Kampf» Гитлер много рассуждает о значении пропаганды, подчеркивая, что к ней следует относиться как к инструменту, оружию, «правильное применение» которого сродни подлинному искусству. Последнее «должно заключаться в том, чтобы заставить массу поверить: такой-то факт действительно существует, такая-то необходимость действительно неизбежна, такой-то вывод действительно правилен...». Говоря о необходимости сделать пропаганду доступной для массы, он подчеркивает: «...Ее уровень должен исходить из меры понимания, свойственной самым отсталым индивидуумам из числа тех, на кого она хочет воздействовать. Чем к большему количеству людей обращается пропаганда, тем элементарнее должен быть ее идейный уровень... Чем меньше так называемого научного балласта в нашей пропаганде, чем больше обращается она к чувству толпы, тем больше будет успех...» [1, с. 147, 150]. Геббельс в одной из более ранних бесед с Гитлером, отстаивая целесообразность учреждения подобного министерства, заявил о необходимости после того как это произойдет передачи в его ведение всего комплекса вопросов, касающихся «пропаганды, новостей и культуры в пределах рейха», а в военное время – и на оккупированных территориях [2, р. 424]. С той же целью помимо министерства Геббельс возглавил образованную 15 ноября 1933 г. имперскую палату культуры. Она состояла из семи подразделений, также именованных имперскими палатами – литературы, прессы, радиовещания, театра, музыки, изобразительного искусства, кинематографии. Членство в них было обязательным для всех деятелей культуры, пользовавшихся доверием властей. Те же, кому в кредите доверия было отказано (по причинам недостаточной лояльности или расового происхождения), подлежали профессиональной и творческой дисквалификации со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Уже через два дня после своего назначения Геббельс выступил с программным заявлением, касающимся задач министерства. Он заявил, что его учреждение представляло собой «революционный акт», свидетельствующий о том, что новое правительство («народное в полном смысле этого слова») было намерено покончить с положением, при котором люди были представлены сами себе. «Я предусматриваю, – подчеркнул Геббельс, – что новое министерство обеспечит живой контакт между режимом и

народом... У нас нет иной цели, кроме сплочения нации вокруг идеала национальной революции...» [3, р. 408]. На состоявшейся же 16 марта 1933 г. правительственной пресс-конференции Геббельс еще более конкретизировал задачу министерства как состоявшую в том, чтобы люди начали «думать единообразно, действовать единодушно и предоставлять себя душой и телом в распоряжение правительства [4, р. 14]. Выступая на съезде Национал-социалистической германской рабочей партии (НСДАП) 1934 г. и развивая тезис о безграничных возможностях пропаганды, Геббельс провозгласил: «Пусть яркое пламя энтузиазма никогда не погаснет! Оно одно дарит свет и тепло созидательному искусству современной политической пропаганды. Оно исходит из самого сердца людей... Возможно, хорошо иметь власть, основанную на силе оружия, но лучше и приятнее завоевать и удержать сердце народа» [3, р. 407].

В кратчайшие сроки «маленький доктор» (так за глаза называли его современники) обеспечил беспрецедентное расширение полномочий своего ведомства, добившись передачи ему целого ряда функций, ранее относившихся к прерогативам других министерств – иностранных дел, внутренних дел, экономики, транспорта и др. [5, р. 68], и превратив его в авторитарный орган изучения и формирования общественного мнения в стране. Ежедневно из всех регионов рейха в министерство стекалась разнообразная информация, исходившая из многочисленных источников, включавших и отделения службы безопасности (СД). Регулярно пользуясь отчетами последних, Геббельс одновременно критиковал методы, которыми сотрудники СД пользовались при изучении общественного мнения, сравнивая их с теми, которые были взяты на вооружение Институтом Гэллага [2, р. 422].

Начиная с 1933 г. все СМИ подлежали нацификации. Особенно стремительными темпами этот процесс происходил в сфере печати. Если в первые месяцы существования нацистского режима НСДАП контролировала менее трех процентов всех выходивших в Германии периодических изданий, то к 1944 г. этот показатель составлял 82 %. При этом количество последних подвергалось перманентному сокращению. Только за период с 1933 по 1938 г. оно уменьшилось вдвое – с десяти до пяти тысяч. В 1944 г. на плаву оставалось лишь 977 газет [6, р. 47].

Ежедневно в Министерстве Геббельсом проводились планерки («конференции доктора Геббельса»), которые фактически представляли собой высокочувствительный камертон, позволявший улавливать малейшие колебания настроений различных слоев и групп германского населения и мгновенно реагировать на них в необходимом гитлеровском режиме направлении. Здесь средства массовой информации получали четкие директивы по поводу того, какая информация и под каким углом зрения должна была доводиться до сведения немцев, а какую следовало адресовать лишь зарубежной аудитории (подробнее см.: [7, с. 223 – 230]). Последнее обстоятельство приобрело особое значение в годы войны. В качестве примера можно привести введение запрета на распространение в Германии слухов о мнимом каннибализме граждан СССР, чтобы не сеять панику среди немцев, чьи близкие воевали на Восточном фронте [2, р. 431–432].

К числу основных направлений деятельности пропагандистских структур рейха, призванных оказать консолидирующее воздействие на общество (последнее, по мысли нацистских идеологов, должно было представлять собой расово однородное немецкое «народное сообщество»), следует отнести антиеврейскую пропаганду. Одним из трагикомических проявлений нагнетаемой в стране антисемитской истерии стало распространение в народе слухов о еврейском происхождении самого фюрера, основанием для которых послужило «неарийское» звучание фамилии Шикльгрубер и отсутствие полной ясности в вопросе о том, кто был дедом рейхсканцлера по отцовской линии. Узнав об этом, «я была очень возмущена, – записала 15 августа 1934 г. в дневнике известная германская журналистка, еврейка Белла Фромм. – Если бы это было правдой, то это стало бы самым унижающим ударом из всех обрушившихся на евреев! Неужели мы недостаточно выстрадали, чтобы добавить к нашему бремени еще и еврейского Гитлера!» [8, р. 178]. Именно Геббельс, который даже среди нацистских лидеров выделялся своей воинствующей юдофобией, являлся главным вдохновителем и организатором общеимперского еврейского погрома 1938 г., вошедшего в историю как «хрустальная ночь».

Поскольку среди немцев было немало сочувствовавших евреям, считавших предпринимавшиеся по отношению к ним меры ограничительного характера неоправданно суровыми, то

в многочисленных пропагандистских материалах, распространявшихся ведомством Геббельса, содержалась едкая критика в их адрес. В одном из таких, имевшем характерное название: «Что говорит друг евреев», разъяснялось: «Друзья евреев утверждают: “Еврей говорит на немецком языке и, следовательно, является немцем”. Мы отвечаем: “В таком случае негр или монгол, выучивший язык (немецкий. – Е.П.), также стал бы немцем! Но нельзя учиться быть немцем, это можно только пережить!”, что возможно лишь при наличии немецкой крови» [9, л. 57 об. – 58].

Особое значение антиеврейская пропаганда приобрела в годы Второй мировой войны. Нацистские лидеры трактовали ее как «великую расовую войну», от исхода которой зависело, будут ли в послевоенном мире «доминировать немцы и арийцы» или же он «окажется во власти евреев» [10, р. 6].

Для того чтобы мишень, в которую были превращены евреи в Третьем рейхе, сделать более уязвимой, власти сочли необходимым отметить их своего рода «каиновой печатью». 1 сентября 1941 г. шеф Главного управления имперской безопасности (РСХА) Р. Гейдрих издал приказ об обязательной идентификации евреев. В соответствии с ним всем евреям старше шести лет запрещалось появляться в общественных местах без «иудейской звезды» под угрозой уплаты штрафа в сумме до 150 рейхсмарок или тюремного заключения на срок до шести недель [11, р. 488].

В связи с намеченным введением указанной меры, о чем Геббельс известил руководящий состав своего министерства еще 21 августа 1941 г., он поставил перед своими подчиненными задачу создать к указанному сроку «психологические предпосылки», которые бы позволили избежать «жалоб некоторых сентиментальных интеллигентов о “достойных сожалениях евреев”» [12, л. 186]. Позднее, 9 мая 1943 г., в опубликованном в «Das Reich» очерке с броским заголовком «Война и евреи», Геббельс гневно обрушился на тех немцев, которые все еще в силу своей «наивности» не прониклись пониманием истинного характера войны и той судьбоносной роли, которую в ней играл «еврейский вопрос», в очередной раз возложив на мировое еврейство вину за развязывание глобального военного конфликта [13, S. 263–264].

Важнейшая роль отводилась Геббельсом радиопропаганде. 15 марта 1933 г. он заявил, что

именно на ней лежит ответственность за установление более тесной связи между народом и национал-социалистическим государством. «Наша радиопропаганда, – подчеркнул он, – производится не в вакууме, не на радиостанциях, но в атмосфере переполненных залов во время массовых собраний. Я представляю себе новое, актуальное радиовещание, радиовещание, которое в реальности отвечает духу нашего времени... радиовещание, которое осознает свою великую ответственность перед нацией» [6, р. 38]. Именно в радиопропаганде Геббельс видел один из главных инструментов, позволявших оперативно воздействовать на общественное мнение. Поскольку министр делал ставку на охват ею всего населения, то уже в мае немецкие промышленники, уступив нажиму властей, приступили к производству дешевого радиоприемника, рассчитанного на массового потребителя. Он получил в народе прозвище «народного радиоприемника» (по аналогии с «народным автомобилем» – фольксвагеном), или «бластера Геббельса». На протяжении нескольких месяцев было произведено сто тысяч подобных приемников, а к началу Второй мировой войны их число возросло до трех с половиной миллионов. К этому времени они имелись в 70 % домовладений. Помимо пропагандистского эффекта это имело и огромное финансовое значение для министерства: в период с 1933 по 1943 г. 90 % текущих расходов последнего покрывалось за счет продажи радиолицензий [4, р. 17–18].

Наряду с радиопропагандой нацисты огромное внимание уделяли использованию пропагандистских возможностей кинематографа. По мнению Гитлера, кино, в силу присущих ему зрительных и эмоциональных (но не интеллектуальных!) эффектов, как средство пропаганды было призвано выступать мощным инструментом воздействия на психологию масс [14, р. 206]. Вторя своему шефу, Геббельс заявил: «Мы убеждены, что кино представляет собой самое современное и научно обоснованное средство воздействия на массы, которым не следует пренебрегать» [15, с. 328]. При этом Геббельс считал возможным учиться у врага, если это могло послужить упрочению нацистского режима. В одном из своих выступлений перед немецкими кинематографистами он заявил о необходимости создания фильма, сравнимого по силе воздействия на зрительскую массу с «Броненосцем Потемкиным» Сергея

Эйзенштейна. Если сегодня националист смотрит этот фильм, пояснил министр, то «он подвергается риску стать коммунистом» [4, р. 19].

Принятый 16 февраля 1934 г. имперский закон о кино вводил предварительную цензуру художественных фильмов. Ведомство цензуры возглавлялось рейхсфильмдраматургом [14, р. 207]. Поправки, внесенные в Закон в 1935 г., наделяли министра правом запрещать любой фильм, если это отвечало «интересам народного блага» [4, р. 42].

Хорошо известно, что в нацистской Германии снималось множество развлекательных фильмов. По некоторым данным, к таковым относилось 1200 из 1350 кинолент, созданных за весь период существования Третьего рейха. Эта тенденция сохранилась и даже усилилась в период войны. В октябре 1941 г. Геббельс так объяснил этот феномен: «В то время как вся нация несет на себе тяжкий груз забот и лишений, развлечения представляют собой особую ценность для национальной политики» [14, р. 209–210]. Наибольший общественно-политический резонанс имели художественные фильмы, обладавшие ярко выраженным пропагандистским содержанием. В первую очередь это относится к фильму «Еврей Зюсс» (режиссер Файт Харлан), премьера которого состоялась 24 сентября 1940 г. Еще в 1938 г. в связи с событиями «хрустальной ночи» Министерством пропаганды была издана директива, согласно которой каждая немецкая кинокомпания должна была снять антиеврейский фильм, а Гитлер в одной из своих речей 1939 г. выступил с угрозой начать производство антисемитских фильмов в ответ на планы американских киноконцернов, касавшиеся создания кинокартин антигерманского содержания [4, р. 129]. Одним из следствий всего этого и стало появление снятого на киностудии «Терра» кинофильма, сюжетную основу которого составила судьба Зюсса Оппенгеймера, бывшего в XVIII в. финансовым советником герцога Вюртембергского. Зюсс и сохранявшие с ним связь евреи представлены средоточием всех мыслимых пороков [15, с. 375]. По распоряжению рейхсфюрера СС Г. Гимmlера этот фильм должен был в обязательном порядке демонстрироваться в военных частях, эсэсовских и полицейских подразделениях. Данная кинолента стала одной из самых кассовых: к 1943 г. ее посмотрели около 20,3 млн человек [14, р. 214 – 215]. Фактически она явилась одним из средств психологической подготовки немецкого населе-

ния к политике «окончательного решения еврейского вопроса», проведение которой было начато нацистами в годы войны.

Как справедливо отметил кинокритик из США Э. Рентшлер, «Геббельс понял, что стандартизированная массовая культура представляла собой секретную формулу для успешного манипулирования массами» и «явилась важной предпосылкой массового убийства» [16, р. 323]. Не меньшим пропагандистским успехом «Еврей Зюсс» пользовался и в странах-сателлитах нацистской Германии. Так, после показа фильма в марте 1941 г. в Будапеште находившаяся в кинозале публика во время сцены казни Зюсса пришла в возбуждение и кричала, что так же следует поступить с будапештскими евреями. Геббельс отнесся к данному сообщению с чувством глубокого удовлетворения и постарался, чтобы об этом событии узнал Гитлер [4, р. 146].

Наряду с художественными кинолентами важная пропагандистская роль отводилось документальному кино. В довоенный период самыми знаменитыми фильмами, относившимися к указанной категории, стали киноленты «Триумф воли» и «Олимпия», снятые выдающимся кинорежиссером Лени Рифеншталь. Первый, посвященный съезду НСДАП 1934 г., по определению С. Тегель, которое мы в полной мере разделяем, представлял собой «пропагандистский фильм, замаскированный под документальный» [4, р. 76]. Что касается второго, ставшего гимном Олимпиаде 1936 г., то, по словам некоего критика, он способствовал созданию «позитивного... имиджа Германии» в мире [17, р. 250].

В январе 1942 г. по инициативе Геббельса была образована гигантская холдинговая кинокомпания «УФА фильм ГМБХ», главная цель которой заключалась в осуществлении тотального контроля не только над германской киноиндустрией, но и над ее отраслями в оккупированных странах [14, р. 207]. 19 мая того же года Геббельс провозгласил задачу превратить Германию в ведущую кинодержаву Европы. Ранее, в 1940 г., он развивал идею об использовании постоянно наращиваемого потенциала немецкого кинематографа для завоевания мира [16, р. 318–319].

По мнению Р. Э. Герцштейна, среди средств, которыми располагала геббельсовская пропаганда периода войны, наибольший эффект имело «Германское еженедельное кинообозрение» («Die Deutsche Wochenschau»), выпуски которого, как он считает, значительно превосходили «ана-

логичные киножурналы союзников по способности слить воедино музыку и зрительный ряд, действие и комментарии к нему» [15, с. 276–277]. В то же время в декабре 1941 г. на обеде у фюрера последний в присутствии ряда соратников, включая самого Геббельса, подверг «Вохеншау» критике за неспособность оказывать мобилизующий эффект на нацию и на немецкий кинематограф в целом, за отсутствие нацистского духа [15, с. 90]. Один из ведущих идеологов Третьего рейха Альфред Розенберг, ненавидевший Геббельса, с нескрываемым удовлетворением описывая этот случай в своем Политическом дневнике, приводит слова фюрера: «Вохеншау» – серый киножурнал, делающийся без интереса. Мобилизация народа в Германии принимает невероятный размах, однако в кинофильмах об этом нет ни слова... В художественном кинематографе он не увидел ни одного фильма, свидетельствующего бы о том, что у нас произошла национал-социалистическая революция. Ни малейшего следа этой тематики». И в ответ на осторожное возражение Геббельса («Но ведь у нас есть хорошие национальные фильмы»), – «Да, несколько общепатриотических фильмов, но национал-социалистических нет» [18, с. 218].

18 февраля 1943 г., вскоре после сокрушительного поражения германских войск под Сталинградом, Геббельс произнес в берлинском Дворце спорта одну из своих самых известных речей, посвященную тотальной войне (о необходимости перехода к ведению последней министр упоминал и в ежегодном радиообращении к нации, с которым он обратился к немцам 30 января того же года от имени и по поручению Гитлера) [19, р. 105]. Среди присутствовавших речь имела оглушительный успех. Сам же Геббельс прокомментировал это событие в свойственной ему циничной и не лишенной самодовольства манере: «Час идиотизма! Если бы я потребовал от этих людей выброститься с третьего этажа, они бы выбросились» [15, с. 33].

Подводя итог, следует признать тот факт, что пропаганда, приобретая в Германии тотальный характер задолго до провозглашения перехода к тотальной войне, доказала свою эффективность в решении задачи сплочения подавляющей части немецкого населения вокруг нацистского режима (разумеется, свой вклад внесли проводившаяся нацистами активная социальная политика и террористические методы подавления малейшего проявления нелояльно-

сти к властям). Ведущая роль в этом достижении, безусловно, принадлежит Геббельсу, чей ораторский и организаторский талант признавали многие современники из лагеря противников нацизма. В частности, посол США в Германии Уильям Додд в дневниковой записи от 7 марта 1934 г., относя Геббельса наряду с Гитлером и Герингом к числу «трех совершенно невежественных и тупых фанатиков», тут же отдает дань его способностям: «Если Гитлер – неплохой оратор, принимая во внимание общий уровень этого искусства в Германии, то Геббельс – просто непревзойденный мастер красноречия... Он подчинил себе прессу, радио, издательства, творческие организации и, создав единую пропагандистскую машину огромных размеров, стремится с ее помощью объединить всех немцев в сплоченную нацистскую фалангу» [20, с. 138 – 140]. Интересна и оценка Геббельс-оратора, данная советским журналистом И.Ф. Филипповым, находившимся в Берлине с мая 1939 г. до начала агрессии Германии против СССР: говорил Геббельс «свободно и своим “бархатным” голосом как бы стремился глубже проникнуть в источники человеческих чувств, вкрапывая туда яд своей пропаганды» [21, с. 127]. Более того, Уинстон Черчилль ставил рейхсминистерству пропаганды в «заслугу» снижение эффективности последствий бомбардировок английской авиацией германских городов. «Благодаря железной дисциплине, введенной Геббельсом, – отмечал он, – гражданское население держалось стойко и местные катастрофы не приобретали размеров общенационального бедствия» [22, с. 286–287]. Сам же Геббельс еще в 1941 г. признал своим самым выдающимся пропагандистским достижением создание мифа Гитлера [23, р. 47]. На наш взгляд, это в полной мере соответствует действительности. Именно мифологизированный образ вождя сыграл важнейшую интегративную роль в немецком обществе [24].

В целом следует признать, что даже сокрушительные поражения на Восточном и неудачи на Западном фронтах на заключительном этапе войны не смогли вбить клин между нацистами и основной массой немцев. Несмотря на широко распространенное недовольство тяготами, выпавшими на их долю в этот период, большинство немцев сохраняло лояльность режиму вплоть до его последних дней. Этим нацистский режим был в значительной степени обязан Геббельсу и созданной им пропагандистской системе.

Литература

1. *Гитлер А.* Моя борьба. Ашхабад: Т-Око, 1992. 598 с.
2. *Doob L. W.* Goebbels's Principles of Propaganda // *The Public Opinion Quarterly*. 1950. Vol. 14, № 3. P. 419–442.
3. *Welch D.* Propaganda and Indoctrination in the Third Reich // *European History Quarterly*. 1987. Vol. 17, № 4. P. 403–422.
4. *Tegel S.* Nazis and the Cinema. L.: Hambledon Continuum, 2007. 324 p.
5. *Bramstedt E. K.* Goebbels and National Socialist Propaganda 1925–1945. London, 1965, 488 p.
6. *Welch D.* The Third Reich. Politics and Propaganda. L.; N. Y.: Routledge, 2002. 246 p.
7. *Паламарчук Е. А.* Портрет рейхсминистра в рабочей обстановке: ежедневные конференции доктора Геббельса (первые годы войны) // Актуальные проблемы всеобщей истории : межвуз. сб. науч. ст. Вып. 5 : Личность в истории. Ростов н/Д. : Изд-во РГПУ, 2006. С. 223–230.
8. *Fromm B.* Blood and Banquets. A Berlin Social Diary. N.Y.; L., 1942. 332 p.
9. РГВА. Ф. 1372. Оп. 6. Д. 80.
10. *Baird J.W.* The Mythical World of Nazi War Propaganda, 1939–1945. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1974, 329 p.
11. *Noakes J., Pridham G.* Documents on Nazism, 1919-1945. N. Y. : The Viking Press, 1975. 704 p.
12. РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 23.
13. *Goebbels J.* Der Krieg und die Juden // *Der Steile Aufstieg: Reden und Aufsätze aus den Jahren 1942/43.* München, 1944. S. 263–264.
14. *Shoeps K.-H.* Literature and Film in the Third Reich. N. Y. : Camden House, 2003. 371 p.
15. *Герцштейн П.Э.* Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск : Русич, 1996. 608 с.
16. *Rentschler E.* The Testament of Dr. Goebbels // *Film History. Cinema and Nation II*. 1996. Vol. 8, № 3. P. 316–326.
17. *Petropoulos J.* Artists Under Hitler. Collaboration and survival in Nazi Germany. New Haven; L. : Yale University Press, 2014. 407p.
18. *Розенберг А.* Политический дневник. 1934–1944. М. : Историческая память; Русская книга, 2015. 448 с.
19. Goebbel's Speech of January 30, 1943 // *Bulletin of International News*. 1943. Vol. 20, № 3. P. 104–105.

20. Дневник посла Додда. 1933–1938. М. : Соцэкгиз, 1961. 568 с.
21. Филиппов И. Ф. Записки о Третьем рейхе. М. : Международные отношения, 1966. 258 с.
22. Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. Т. 5–6. М. : Воениздат, 1991. 702 с.
23. Kershaw I. Hitler and the Germans // Life in the Third Reich / ed. by R. Bessel. L. : Oxford University Press, 2001. P. 41–55.
24. Паламарчук Е.А. Пропагандистский образ фюрера в восприятии немецкого общества (1933–1945) // Научная мысль Кавказа. 2017. № 3. С. 65–74.

Поступила в редакцию

16 сентября 2019 г.

УДК 94 (47)

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-70-74

ЛОКАЛИЗАЦИЯ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗЕМЛИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ В 60-Х ГОДАХ XVIII ВЕКА*

© 2019 г. А.В. Шадрина^а

^а Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия

Шадрина Алла Валерьевна –
кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Южный научный центр Российской академии наук,
пр. Чехова, 41, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия.
E-mail: shadrina@ssc-ras.ru

Рассматривается локализация старообрядческого населения в Земле донских казаков. В силу особенностей организации церковной жизни казаки индифферентно отнеслись к постановлениям Большого Московского собора 1866–1867 гг., положившего начало расколу. Первое столкновение со сторонниками «старой веры», безжавшими на Дон от преследований московского правительства, характеризовалось настороженным отношением к ним донцов. Однако после 1682 г. влияние старообрядцев усилилось. К середине XVIII в. епископы Воронежской епархии, в состав которой в 1718 г. была отнесена Земля донских казаков, констатировали, что значительное число населения «заражено расколом». Ряд мер, принятых епископом Воронежским и Елецким Тихоном (Соколовым), не достигнув результатов, позволил тем не менее выявить станицы с большим процентом старообрядческого населения. Так, ревизия донских церквей и духовенства, проведенная в 1763–1764 гг. по его указанию, показала, что из 114 донских станиц, в которых были церкви, в 39 проживали старообрядцы, что выразилось в том, что на иконах этих храмов были изображены святые с дуперстием. Поскольку в XVIII в. церкви были собственностью Войска, иконы могли быть переписаны только с разрешения станицы, которая, вероятнее всего, не позволила привести иконы в соответствие с требованиями московского правительства, как это было в станицах, не отмеченных ревизорами как имевшие иконы старообрядческого письма. При этом в Черкасском и Медведицком заказах под влиянием старообрядцев оказалось больше половины церквей. Исключение составлял Хоперский заказ, где явное присутствие старообрядцев не было обнаружено. Ревизия 1763–1764 гг. также показала, что к середине XVIII в. старообрядческий раскол был распространен по всей территории Земли донских казаков с незначительным преимуществом станиц Медведицкого заказа.

Ключевые слова: Земля донских казаков, старообрядческий раскол, ревизия донских церквей и духовенства 1763–1764 гг., епископ Воронежский и Елецкий Тихон (Соколов).

Старообрядческий раскол в донском регионе – самом крупном в Российской империи по численности проживавших здесь приверженцев старой веры – сегодня остается одной из наименее изученных проблем исторической науки. Одним из ее важнейших аспектов является локализация старообрядческого населения в Земле донских казаков в XVIII в. Поскольку данный вопрос ранее не изучался, тема настоящего исследования представляется актуальной.

Историография проблемы старообрядческого раскола в Земле донских казаков (с 1786 г. – Земле войска Донского, с 1870 г. – Области войска Донского) начала формироваться во второй половине XIX в. Наиболее полное освещение она получила в работах петербургского историка В.Г. Дружинина [1] и представителей педагогической корпорации Донской духовной семи-

нарии (1868–1920) Н.П. Снесарева [2] и Е.П. Овсянникова [3].

В советский период старообрядческий раскол не выступал в качестве предмета исследования по идеологическим причинам.

Современная историография проблемы не может быть названа обширной, однако ряд проведенных исследований дает представление о ее отдельных аспектах. Так, Н.А. Мининков [4, 5] рассматривает старообрядческий раскол в контексте выступления донских казаков против подчинения Московскому государству. Протест донцов во главе с С. Лаврентьевым анализируется в статье Д.В. Сеня [6]. Ряд работ этого автора посвящен казакам-некрасовцам, ушедшим на Северный Кавказ [7, 8]. Данный вопрос также затрагивается Е.А. Агеевой [9]. О.Ю. Редькина впервые рассмотрела проблему локализации старообрядческих общин в донском реги-

* Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта 01201354248.

оне. Однако автор ограничивает область своего исследования территорией современной Волгоградской области [10].

Источниковую базу настоящего исследования составляют публикации в дореволюционных региональных периодических изданиях, посвященные проблеме старообрядчества на Дону [11–16]. Это обусловлено тем, что авторы данных публикаций изучали документы утраченного в годы Великой Отечественной войны архива Воронежской духовной консистории. Основным источником, изучение которого позволило сделать выводы о локализации старообрядческого населения в Земле донских казаков во второй половине XVIII в., является документ Воронежской духовной консистории «Ведомость состоящим в крепости святого Димитрия Ростовскаго в городе Черкасске и Черкасском заказе церквей и приходских дворовому числу и священно и церковнослужителям, а в которой церкви и какие именно явились неисправности по сему», опубликованная в 1900 г. А.А. Кирилловым [17] и получившая в историографии название «ревизия свт. Тихона» [18].

Хронологические рамки настоящего исследования – 1760-е гг. – обусловлены анализом опубликованных данных ревизии донских церквей и духовенства, проведенной по указу воронежского епископа Тихона (Соколова). Цель – определить основные центры локализации старообрядческого населения в Земле донских казаков во второй половине XVIII в.

Старообрядческий раскол, потрясший Московское государство и уже в последней трети XVII в. ставший лозунгом ряда протестных выступлений донского казачества против сближения с Москвой, начался с Большого Московского собора 1666–1667 гг. Донские казаки, до 1650-х годов не входившие ни в одну из епархиальных структур Русской церкви [19, с. 192], к изменениям обрядов отнеслись индифферентно. Одной из причин этого было отсутствие в Земле донских казаков церквей, за исключением Черкаска, где только в 1652 г. был построен и освящен Воскресенский собор [20, с. 700]. В его строительстве принимал активное участие московский царь Алексей Михайлович, по инициативе которого Земля донских казаков в эти годы вошла в состав Патриаршей области, впервые обрела церковно-административную принадлежность [20, с. 483] и легитимное с церковной точки зрения духовенство [20, с. 475–476, 478].

Развитие старообрядческого раскола в Земле донских казаков связано с поселением в донских землях бежавших от преследований на Дон приверженцев старой веры. При этом первое столкновение со старообрядцами характеризовалось как отсутствием прозелитической деятельности со стороны последних, так и настроенным отношением к ним донцов [21, с. 89].

Ситуация изменилась в 1680-х гг., когда на Дон устремился большой поток старообрядцев. Причиной стала череда событий: стрелецкий мятеж, Московский собор 1682 г. и усиление правительственных преследований сторонников старой веры. Как следствие на Дону начались процессы, во-первых, вовлечения казаков в преследование сторонников «старой веры», во-вторых, обустройство на Дону пришлых старообрядцев, строительство ими церквей и активная проповедь старообрядчества среди местного населения. В-третьих, росло движение среди казачьей «верхушки» против усиления власти Москвы [22], так же как и стрельцы выдвигавшей лозунг борьбы за «старую веру». Все эти процессы инициировали широкое распространение старообрядчества среди казаков. Московское государство, несмотря на заинтересованность в ограничении распространения раскола [1, с. 220], не могло им противостоять. И хотя послушные Москве казаки сначала исполняли царскую волю, «разоряли» старообрядческие скиты [23, с. 718; 21, с. 155–157] и даже выдали Москве старообрядца атамана Самойлу Лаврентьева [5], основная масса донцов достаточно быстро начала переходить на сторону раскольников. Среди причин можно назвать недостаток «официальных» храмов на фоне существования в отдаленных уголках Земли войска Донского старообрядческих церквей; наличие у старообрядцев легитимного духовенства, имевшего ставленнические грамоты дониконовского времени, проповедь старообрядчества и осознание раскола как протестного движения, в основе которого лежало противостояние Москве, особенно в вопросах веры.

На протяжении XVIII в. вопрос о ведении статистики старообрядческого населения в Земле войска Донского и его локализации не стоял. Во-первых, войсковая канцелярия не вела такого рода документов, во-вторых, войсковое начальство относилось к расколу покровительственно, предпочитая не допускать чьих бы то ни было вмешательств во внутренние дела [12, с. 50; 13, с. 89]. Первые сведения о локализации

старообрядцев в Земле донских казаков, помимо указаний о месте нахождения их скитов, становятся известными благодаря деятельности епископа Воронежского и Елецкого Тихона (Соколова), назначенного на воронежскую кафедру 14 мая 1763 г. [12, с. 40] Обнаружив при знакомстве с епархией, что в станицах Земли войска Донского «не только простые казаки, но и чиновные, даже многие священнослужители, поставленные непосредственно из казаков, не чужды были некоторых раскольнических симпатий» [12, с. 39], он предпринял ряд мер, которые должны были выявить раскольников и прекратить их деятельность. Так, в 1764 г. он запретил избирать на священнослужительские должности простых казаков (что не было исполнено), в 1765 г. [13, с. 83] учредил следственную комиссию о раскольниках и комиссию увещателей раскольников в Земле войска Донского [12, с. 40].

Деятельность комиссий, еще не успев начаться, стала причиной выявления старообрядцев в ст. Камышевской, Терновской, Цымлянской, Траилинской, Нижне-Каргальской, Кепенской, Зимовейской [13, с. 84] и Ведерниковской [13, с. 88]. О старообрядцах ст. Камышевской, в 1768 г. отобравших у священника ключ от церкви, епископу Тихону сообщил священник этой станицы Григорий Макаров. Он характеризовал станичников как «удалившихся в крайний раскол» [11, с. 8]. Отбирали у священника ключи от храма и казаки-старообрядцы ст. Терновской [2, с. 23]. Священник ст. Траилинской сообщил, что в 1759 и 1760 гг. казаки просили его «и уговаривали, дабы он раскольническую прелесть исполнял и по воли их хотению крестил и венчал по солнцу, а лестнаго де их душепагубнаго двуперстнаго сложения им чинить не запрещал» [12, с. 47]. О старообрядческом населении ст. Каргальской донес десятиначальник, сообщив, что «жители ея по вся годы на исповеди и причастии не бывают и других простых народов к той раскольнической прелести приводят... и крестное знамение на себе изображать учат по раскольническому преданию двуперстным сложением» [12, с. 48]. Священник церкви ст. Ведерниковской показал, что из его прихожан «удаляющихся от святаго причастия и непочитающих святаго Димитрия, митрополита Ростовскаго и образу ево не поклоняющихся более 200 человек» [13, с. 89].

Скорее всего сообщения воронежскому епископу о казаках-старообрядцах были неожидан-

ностью для войскового правительства, которое не допустило «производить следствие» над раскольниками за исключением атамана ст. Терновской А. Февралева и казака А. Кузнецова [12, с. 50]. Следственная комиссия о раскольниках также была вынуждена прервать свою работу после начала проведения следствия в ст. Ведерниковской по указанию войсковой канцелярии, аргументировавшей свое распоряжение тем, что «в некоторых станицах казаки, будучи объяты страхом, пришли в немалое колебание» [13, с. 89]. Такими образом, работа учрежденных епископом Тихоном комиссий, благодаря активному противостоянию войска, не принесла плодов, но дала возможность выявить локальные центры старообрядчества в Земле донских казаков.

Документом, позволяющим определить локализацию старообрядческого населения в Земле донских казаков, является «Ведомость состоящим в крепости святаго Димитрия Ростовскаго в городе Черкасске и Черкасском заказе церковей и приходских дворовому числу и священно и церковнослужителям, а в которой церкви и какие именно явились неисправности по сему» [17]. По сути это отчет воронежских священников В. Алимпиева и И. Баженова, посланных в 1763–1764 гг. епископом Тихоном для ревизии церковей и духовенства Земли донских казаков. Поскольку перед ревизорами не стояла задача выявления раскольников, сведения о старообрядческом населении становятся очевидными из указаний священников на двуперстие на иконах, что свидетельствовало о значительном количестве старообрядческого населения в приходах. Данный критерий представляется правомочным, поскольку принадлежность населения станиц, в которых не были «исправлены» изображения на иконах к старообрядческому расколу, подтверждается рядом более поздних архивных и опубликованных источников.

Итак, на момент ревизии (1763–1764 гг.) в Земле донских казаков было 114 церковей: в Черкасске – 6, в Черкасском заказе – 26, по реке Донцу – 9, в Медведицком заказе – 25, по реке Медведица – 11, в Хоперском заказе – 37 [17].

В Черкасске, где уже в 1687 г. казаками во главе с атаманом Самойлой Лаврентьевым был вынесен приговор, по которому было решено служить в донских церквах и часовнях по «старым книгам», иконы с двуперстием были только в Преображенской церкви (1 церковь из 6) [5]. Это свидетельствует об особом внимании Чер-

касского духовного правления к уничтожению внешних признаков принадлежности некоторых черкасцев к старообрядческому расколу.

В Черкасском заказе старообрядцы локализовались в 17 из 25 станиц, имевших церкви: Маноцкой, Багаевской, Бабской, Ведерниковской, Кагальницкой, Траилинской, Нижне-Михалевской, Верхне-Михалевской, Быстрянской, Камышевской, Верхне-Каргальской, Романовской, Кумшацкой, Терновской, Филипповской, Нижне-Курмоярской, Нагавской, Верхне-Курмоярской [5].

По р. Донцу центром старообрядчества, причем беспоповского поморского согласия [24], что нехарактерно для Дона, была ст. Усть-Белокалитвенская, что составило 1 из 9 церквей, имевших иконы с двуперстием [5].

В Медведицком заказе большой процент старообрядческого населения был в ст. Вешенской, Усть-Хоперской, Усть-Медведицкой, Клецкой, Перекопской, Кременской, Старогригорьевской, Сиротинской, Иловлинской, Качалинской, Трех-Островянской, Голубинской, Пятиизбянской, Верхне-Чирской, Нижне-Чирской, Кобылянской, Есауловской, Зимовейской (18 из 25 церквей) [5].

По р. Медведице старообрядческое население локализовалось в ст. Островской, Скуришенской, Етеревской (3 из 11 церквей) [5].

В Хоперском заказе иконы с двуперстием ревизорами обнаружены не были [5], что соответствует сообщениям клировых ведомостей 1800 г. о том, что церкви Хоперского заказа, которые выражено тяготели к Воронежу, были самыми образцовыми относительно церковного порядка [25].

Как видим, из 114 станиц Земли донских казаков, в которых в 1760-х гг. имелись церкви, старообрядческое население присутствовало в 39 (34,2 %). Этот показатель, однако, не исключает значительного количества приверженцев «старой веры» в станицах и хуторах, не имевших храмов. Влияние их было значительным, что обусловило наличие в приходских церквях икон с двуперстием, которое по постановлению церковного начальства должно было быть переписано. При этом в Черкасске, Черкасском заказе и по р. Донцу, станицы которых в конце XVIII в. были объединены в Черкасский заказ, было 19 церквей с двуперстием на иконах, что составляло 16,6 % от всего количества храмов Земли донских казаков. В Медведицком заказе и по р. Медведице (в конце XVIII в. объединены в Хоперский заказ) – 21 церковь, т.е. 18,4 %. Та-

ким образом, старообрядцы были расселены как по Верхнему, так и по Нижнему Дону примерно одинаково, с небольшим перевесом в пользу Медведицкого заказа, несмотря на то, что распространение раскола началось именно с Верхнего Дона. Поскольку старообрядческий раскол на Верхнем Дону исследован в гораздо большей степени, невольно создается впечатление, что на Нижнем Дону старообрядцы не присутствовали, данные ревизии епископа Тихона представляют значительный интерес, свидетельствуя о том, что расколом было «заражено» казачество на всей территории проживания.

Итак, старообрядческий раскол, начавшийся в Земле донских казаков в 1670–1680-х гг. и воспринятый местным населением настороженно, к 1760-м гг. получил на Дону широкое распространение. Локализация старообрядческого населения была относительно равномерной по всей территории Донского войска с незначительным преимуществом станиц Медведицкого заказа.

Литература

1. Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII века. Ростов н/Д. : Антей, 2015. 344 с.
2. Снесарев Н.П. Донская епархия и десятилетнее управление ею архиепископа Платона. Вып. 1. Новочеркасск, 1877. 239 с.
3. Овсянников Е., свящ. Причины широкого распространения старообрядческого раскола на Дону // Донские епархиальные ведомости. 1902. № 29. С. 652–657; № 30. С. 666–671; № 31. С. 697–700; № 32. С. 714–717, 779–783; № 33. С. 735–741; № 35. С. 794–800; № 36. С. 831–837.
4. Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1998. 512 с.
5. Мининков Н.А. «Не место красит человека...». Войсковой атаман Самойло Лаврентьев // Человек второго плана в истории. Ростов н/Д., 2007. С. 281–291.
6. Сень Д.В. Старообрядчество на Дону в конце XVII века. К 325-летию казни лидеров донских старообрядцев в Москве // Донской временник : краеведческий альманах. Вып. 21. Ростов н/Д., 2012. С. 111–114.
7. Сень Д.В. Биографии лидеров донских и кубанских казаков-старообрядцев конца XVII в. – начала XVIII в. // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VI Токаревские чтения) : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ростов н/Д. : Альтаир, 2017. С. 111–120.

8. Сень Д.В. Православие на территории Северо-западного Кавказа и место Кубани в системе старообрядческих центров (XVIII в.) // Magna Ad-surgit: Historia Studiorum. 2018. № 1. С. 7–34.
9. Агеева Е.А. Старообрядчество Юга России: церковно-бытовые традиции и книжность // Бого-служебные практики и культовые искусства в полиэтническом регионе : материалы Междунар. науч. конф. / ред.-сост. С.И. Хватова. Майкоп : Магарин О.Г., 2016. С. 34–59.
10. Редькина О.Ю. Староверы Нижней Волги и Дона в конце XIX–XX веке // Российская история. 2012. № 4. С. 15а–27.
11. Материалы для истории раскола в Донской Области // Донские епархиальные ведомости. 1874. № 1. С. 8–20.
12. Материалы для истории раскола в Донской Области // Донские епархиальные ведомости. 1874. № 2. С. 39–55.
13. Материалы для истории раскола в Донской Области // Донские епархиальные ведомости. 1874. № 3. С. 82–92.
14. Записка об архиве, находящемся при старочеркасском Воскресенском соборе // Донские епархиальные ведомости. 1877. № 15. С. 477–478.
15. Верхнечирская станица и старообрядческий раскол ея в XVIII веке // Донские епархиальные ведомости. 1878. № 4. С. 107–115; № 5. С. 135–143; № 6. С. 169–180; № 7. С. 203–216..
16. Пятиизбянская станица. Материалы для истории раскола старообрядчества на Дону во второй половине XVIII – начале XIX столетия // Донские епархиальные ведомости. 1882. № 1. С. 10–15.
17. Кириллов А.А. Материалы, относящиеся к церковной жизни донского казачества в XVIII веке // Памятная книжка Области войска Донского на 1900 год. Новочеркасск : Областная войска Донского типография, 1900. С. 192–234.
18. Донецкий Т., прот. Донское духовенство 150 лет тому назад по данным ревизии святителя Тихона. 1763–1764 года // Донская церковная старина. Вып. II. Новочеркасск : Частная донская типография, 1909. С. 131–145.
19. Донские дела. Кн. 2. СПб. : Типография Главного управления уделов, 1906. 1112 с.
20. Донские дела. Кн. 4. СПб. : Типография Главного управления уделов, 1913. 1013 с.
21. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Новочеркасск : Типография А.А. Карасева, 1891. Т. I. 321 с.
22. Мининков Н.А. Укрепление московской власти на Дону в последней четверти XVII века // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2013. № 5. С. 67–74.
23. Материалы для истории раскола в Донской области // Донские епархиальные ведомости. 1873. № 23. С. 717–733.
24. Крылов А. Церковная летопись Усть-Белокалитвенской станицы // Донские епархиальные ведомости. 1883. № 17. С. 619–622; № 18. С. 659–663.
25. Государственный архив Ростовской области. Ф. 226. Оп. 1. Д. 89.

УДК 94(470.67)"1941/1945"-055.2

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-75-79

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ И СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ЖЕНЩИНЫ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ДАГЕСТАНСКОЙ АВТНОМНОЙ РЕСПУБЛИКИ)

© 2019 г. И.А. Эмирханов ^а

^а Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия

Эмирханов Исмаил Асланович –
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра всеобщей истории,
Дагестанский государственный университет,
ул. Коркмасова, 8, г. Махачкала,
Республика Дагестан, 367000, Россия.
E-mail: historik2008@yandex.ru

Показаны перемены, произошедшие в социальном статусе женщин Дагестана с первых дней Великой Отечественной войны. Раскрыты особенности их социальной активности в условиях военного времени. Одним из результатов исследования стала демонстрация неоценимой роли женщин в промышленном производстве и аграрном секторе республики в сложных жизненных обстоятельствах.

Приводятся примеры героического труда дагестанок, которые, несмотря на существовавшие материально-бытовые и финансовые затруднения, а также чрезвычайно трудные условия военной повседневности, наглядно продемонстрировали весь свой потенциал и умение оперативно решать проблемы, преодолевая все преграды на пути к достижению конечной цели – победе в войне. Использованный в исследовании разнохарактерный материал свидетельствует, что подавляющая часть женского населения Дагестана осознанно решила отдать все свои силы борьбе с нацизмом, защищать свою Родину, своих родных и близких. Региональный подход, использованный в работе, дает возможность вскрыть и понять особенности, характерные развитию женской активности народов Дагестана в военные годы, осознать важность и уникальный характер процессов гендерной истории в регионе.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Дагестан, тыловая повседневность, женский труд, трудовой героизм, промышленное и сельскохозяйственное производство.

В российской исторической науке изучение различных аспектов истории Великой Отечественной войны является востребованным направлением, вызывающим интерес как со стороны государственных структур, так и отдельных лиц. Популярны исследования таких проблем, как изменения в социальной структуре советского общества, гендерные перемены в трудовых коллективах тыловых предприятий и организаций, взаимоотношения женщины, общества и государства в кризисных условиях. Интерес к ним объясняется переоценкой в современной исторической науке ряда процессов и событий, характерных военным годам, а также роли и места в них простого человека.

По нашему мнению, к пока еще слабоизученным вопросам отечественной историографии относится проблема социального статуса и роли женщины в тылу и в производстве в условиях Великой Отечественной войны. В последние годы написано немало работ о мас-

совом патриотизме женщины-воина, но обобщающих исследований о подвиге тружениц тыла насчитывается единицы. Причем нередко принимаются выпавшие на их долю тяготы и лишения или им уделяется незначительное внимание, несправедливо забывая о том, что именно от поддержки тыла зависят победы на фронте.

С первых дней войны, в условиях острой нехватки людских ресурсов, для Советского Союза проблема использования женского труда в ключевых отраслях народного хозяйства приобретает важное социально-экономическое и военно-стратегическое значение. Женщинам предстояло заменить ушедших на фронт мужчин, обеспечивать нужды армии всем необходимым для быстрого разгрома врага. В этих условиях заметно расширилась социальная роль женщин, когда матерям, женам, хозяйкам пришлось осваивать мужские профессии – рабочего, тракториста, шофера и др.

Для многих женщин основной причиной выхода на работу стало ухудшение материально-бытовых условий проживания. Потери, понесенные в промышленности и сельском хозяйстве страны, сказались на сокращении объемов рыночных фондов для личного потребления населения тыловых регионов, в том числе Дагестана, что обусловило резкое снижение их жизненного уровня. Это самым непосредственным образом отразилось на повседневной жизни всех категорий населения республики. В первую очередь именно женщинам приходилось искать выход из тяжелого положения для того, чтобы прокормить свои семьи. «Пока сестра была совсем маленькой, мама не работала и, чтобы прокормить нас, она ходила вдоль железнодорожных путей с ведром в руках и железной банкой от консервов. Банкой мама зачерпывала мазут из маленьких лужиц, – пишет жительница Махачкалы Галина Филипповна Мудрова, – которые оставались на месте остановки поездов. Ведро мазута на рынке стоило 300 рублей, столько же стоила буханка хлеба. Таким образом, мама обменивала мазут на хлеб» [1, с. 295].

Если до начала войны для значительной части женщин Дагестана основная социальная роль ограничивалась ведением домашнего хозяйства и воспитанием детей, то после призыва большинства мужчин в армию они вынуждены были устроиться на работу и стать единственными кормильцами для своих семей. Из воспоминаний уроженца с. Мехельта Гумбетовского района Мусы Гаджимагомедовича Расулова: «До войны мама нигде не работала. А когда началась война, она поступила на работу уборщицей в школу – ради талонов на хлеб. Ей приходилось очень трудно – воспитывать 5 детей, кормить их, одевать, ухаживать за домашним скотом. Да еще работа в школе...» [1, с. 371].

Однако мотивы прихода женщин в народное хозяйство не исчерпывались исключительно экономическими факторами. С первых дней Великой Отечественной войны стала явно проявляться общность их интересов и государства. Часть женщин заменяла на производстве своих мужей, другая – мстила за смерть близких, самоотверженно трудясь на производстве. В качестве примера можно привести отрывок из отчета секретаря Унцукульского райкома партии от 6 июля 1944 г.: «Жена фронтовика агротехника – Гайдарова Хабибат, которая работает бригадиром колхоза им. Сталина, – заняла первое место

по району по проведению двухмесячника по обработке садов. Бригадир садоводческой бригады колхоза им. Дахадаева Гасанова Хадижат Указом Президиума Верховного Совета СССР за образцовую работу награждена медалью “За трудовое отличие”» [2, с. 68]. Подобных фактов по районам и городам республики можно было насчитать немало.

Аграрный сектор относился к числу отраслей экономики страны, в наибольшей степени испытывавших на себе разрушительное влияние войны. Перед тружениками сельского хозяйства стояла задача бесперебойного снабжения армии и мирного населения продовольствием, а промышленных предприятий – сырьем. Причем делать это приходилось при существенном сокращении работников из-за мобилизации большинства колхозных кадров на фронт. В результате в аграрном секторе республики ведущую роль стали играть женщины, которые управляли тракторами, встали за токарные и слесарные станки, работали в мастерских МТС, зачастую пахали землю плугом, запряженным волами, и т.д. Как отмечает британский историк А. Верт, в колхозно-совхозном производстве «еще больше, чем на заводах, женщины глубоко сознавали, что они работают для своих сыновей, мужей и братьев, ушедших сражаться с немцами» [3, с. 449].

Чтобы обеспечить кадрами аграрный сектор, игравший ключевую роль в снабжении фронта и тыла продуктами питания, освоение женщинами новых профессий происходило в кратчайшие сроки. Так, 28 июня 1941 г. было принято совместное постановление СНК ДАССР и Дагобкома ВКП(б) «О подготовке трактористов и комбайнеров», которое предусматривало широкое развертывание сети краткосрочных курсов и школ по подготовке механизаторов из числа женщин. Многие из них, освоив чисто «мужские» профессии, не только выполняли, но и перевыполняли производственные нормы, демонстрируя образцы труда. Так, трактористка Сергокалинского МТС Курбангиз Османова ежедневно вспахивала 4 га и более при норме в 3,2 га, не имея простоев и экономя горючее [4, с. 186]. Такие факты в республике, как, впрочем, в целом по всей стране, не являлись уникальными, а превратились в повседневную реальность. В результате, если в СССР накануне войны женщины составляли всего 9 % от общего числа механизаторов, то в 1944 г. их доля возросла до 60 % [5, с. 72].

В военные годы значительное число женщин оказались выдвинутыми на руководящие посты в партийных и советских организациях Дагестана. Если до войны они были представлены в основном в административно-управленческом аппарате, то в последующем произошло заметное увеличение их числа практически по всем учреждениям и организациям республики. Так, с начала 1943 г. в Дахадаевском районе на руководящую работу в колхозах были выдвинуты бригадирами 43, зав. фермами – 3, зав. складами – 10, счетоводами – 2 женщины [6, с. 197]. В 1944 г. в Рутульском районе на партийной работе было задействовано 35 горянок, в Кулинском районе – 20 [7, с. 147].

Однако зачастую роль женщины в качестве руководителя оказывалась недооценённой, причиной чего служили консервативные представления и установки, присущие горской психологии, что роль руководителя больше всего подходит мужчине, а назначение на эту должность горянки является своеобразным вызовом традиционному обществу. В результате женщины особенно в сельской местности назначались на руководящие посты лишь в случае отсутствия альтернативы.

В сложной военной обстановке женщинам приходилось заменять мужчин и в промышленности. В условиях войны вопрос об обеспечении заводов и фабрик рабочей силой, обострившийся в связи с мобилизацией значительного числа кадровых рабочих на фронт, стал одним из самых проблемных. Центральными и местными властными структурами предпринимались различные меры для увеличения притока женщин, составлявших большую часть населения Дагестана, в производство. Так, 10 июля 1941 г. было принято постановление республиканского бюро обкома ВКП(б), в котором директорам предприятий и руководителям учреждений было предложено «смелее вовлекать на производство женщин, обратив особое внимание на освоение ими мужских профессий» [8, с. 17]. 14 октября 1941 г. Народный комиссариат путей сообщения СССР издал приказ «О повышении квалификации и подготовке работников массовых профессий железнодорожного транспорта из женщин», где также было рекомендовано чаще привлекать и использовать труд женщин в железнодорожной сфере [9, с. 163].

Массовый приход женщин в промышленность привел к заметному изменению их удельного веса в производстве. В 1941 г. на промыш-

ленных предприятиях ДАССР трудилось более 19 тыс. горянок, причем около 5 тыс. из них пришлось освоить новые сложные специальности [10, с. 71]. В некоторых случаях контингент отдельных предприятий республики, где до войны трудились исключительно мужчины, оказывался сформированным преимущественно из женщин. Так, в 1942 г. на рыбоконсервном заводе Махачкалы более 90 % от общего числа рабочих составляли женщины, а на 10 крупных предприятиях и 8 артелях Буйнакса – около 70 % [11, с. 259].

Практически не было такого сектора в народном хозяйстве и общественной жизни Дагестана, где бы не проявилась активность женщин, заменявших мужчин на тех участках, на каких их до войны трудно было представить. К примеру, женская бригада грузчиков Е. Примуровой, трудившаяся в Махачкалинском морском порту, выполняла норму на 140–150 % [9, с. 163]. В шахтах селения Архит Хивского района 70 % рабочих были горянками [7, с. 142]. Вовлечение женщин в промышленность достигло наивысшего уровня в 1943 – начале 1944 г., когда они составляли больше половины от общего числа работающих.

Современники военной поры в своих воспоминаниях отмечают трудовой подвиг женщин, которые преодолевали все трудности, не щадя собственных сил и делая все для обеспечения победы. «Фронту старались помочь всем чем могли, женщины шили для бойцов Красной Армии шерстяные теплые вещи», – вспоминает уроженец селения Сиух Хунзахского района Саадулаев Садик Бигишович¹. Из воспоминаний Насият Серкероной Минхаджевой: «Когда началась война, всю работу выполняли женщины: пахали, сеяли ... Целыми днями работали, а ночью собирались в артели, вязали носки для фронта» [1, с. 287].

Кроме работы на производстве женщины принимали самое деятельное участие в безвозмездных трудовых акциях, проходили подготовку по системе всеобщего военного обучения. Например, 5 июля 1941 г. было принято постановление СНК ДАССР, в соответствии с которым их стали чаще привлекать к мероприятиям по противоздушной и противохимической обороне [8, с. 306]. В апреле 1942 г. Дагобком ВЛКСМ обязал городские и районные комсомольские организации обеспечить набор деву-

¹ Личный архив автора. Информатор – Саадулаев Садик Бигишович, 10. 09. 1930 г.р.

шек в учебные санитарные дружины и на курсы медсестер, организованные комитетами Красного Креста и Красного Полумесяца [8, с. 403]. В другом случае, в соответствии с приказом НКО СССР от 21 ноября 1942 г. и постановлением Военного Совета Закавказского фронта в городах ДАССР были сформированы женские комсомольско-молодежные подразделения снайперов, пулеметчиков, минометчиков и автоматчиков в возрасте от 18 до 26 лет [8, с. 422–423].

Для большинства женщин республики в сложных военных реалиях обычной стала четко осознанная мысль – «кто, если не я». В справке инструктора военного отдела Дагестанского обкома ВКП(б) от 29 июля 1941 г. было отмечено: «В связи с Отечественной войной советского народа против фашистских банд в последнее время от патриотов нашей Родины поступило массовое количество заявлений в военкоматы о добровольном зачислении их в ряды Красной Армии. Таких заявлений по республике насчитывается до 3763 человек, из них 1491 – женщин» [8, с. 379].

Женщины Дагестана принимали активное участие и в строительстве масштабных оборонительных линий. Только в первый период войны на этих работах участвовало более 7 тыс. женщин республики [8, с. 122], результатом чего стало создание мощных заградительных полос по берегам Терека, Сулака, в районе Махачкалы, Каякента и Дербента.

Колхозницам, фабричным и заводским работницам, домохозяйкам и служащим, задействованным в оборонно-массовых работах, киркой, лопатой или ломом осенью и зимой, в ветер и дождь, по колено в воде и грязи приходилось долбить мерзлую землю и каменистый грунт. За участие и самоотверженный труд при строительстве оборонительных рубежей в 1942 г. более 100 горянок получили правительственные награды, 8 – ордена Трудового Красного Знамени и Знаки Почета [11, с. 260]. Кроме того, женщины работали в госпиталях и больницах, где они мыли, убирали, стирали, помогали писать письма родным и близким раненых бойцов.

Изменения в положении женщин произошли и в культурно-образовательной сфере республики. Из-за мобилизации большинства мужчин-педагогов на фронт учительницы вынуждены были выполнять двойную нагрузку и преподавать даже специфические школьные предметы. Так, в постановлении бюро Дагестанского обкома ВКП(б) от 28 июля 1942 г. для обеспечения учеб-

ных заведений республики военруками наркомуч просвещения и военкому ДАССР было предписано организовать для девушек полуторамесячные курсы подготовки в г. Буйнакске [8, с. 377].

Таким образом, в условиях войны в женском массовом поведении произошли многосторонние изменения. Женщины по-прежнему демонстрировали качества, характерные традиционным представлениям – материнский долг, милосердие, занятость преимущественно в социальной и духовных сферах, но также параллельно овладевали мужскими производственными и военными профессиями.

Война кардинальным образом опровергла бытовавшее мнение о слабости женщин, о невозможности ими выносить на своих хрупких плечах все тяготы сурового времени. Для многих из них работа за двоих или троих в сельском хозяйстве и промышленности в условиях военной повседневности стала обычной нормой. У всех у них был личный мотив для самоотверженной работы без выходных и отпусков, однако в качестве основной причины выступало стремление трудиться во благо своей Родины, для окончательного разгрома нацизма.

Литература

1. Детство, опаленное войной. Дагестан, 1941–1945 гг. Воспоминания / сост. М. М. Амирханова, Л. Г. Каймаразова, Ю. М. Лысенко. Махачкала : МавраевЪ, 2015. 463 с.
2. Трудовой подвиг народов Дагестана в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Т. 2. (Документы и материалы). Махачкала : Алеф, 2018. 284 с.
3. *Верт А.* Россия в войне 1941–1945 гг. М. : Прогресс, 1967. 776 с.
4. *Кадырова П.А.* Вклад жителей Сергокалинского района в Победу в Великой Отечественной войне // Народы Северного Кавказа в событиях Великой Отечественной войны: новые документы и материалы : материалы Всерос. науч. конф., посвященной 70-й годовщине Победы СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Махачкала : Алеф, 2015. С. 182–188.
5. *Еськина И. В.* Социальные роли женщин в годы Великой Отечественной войны // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : материалы VIII Всерос. науч. конф. (г. Екатеринбург, 27–28 апреля 2007 г.). Екатеринбург : АМБ, 2007. Т. 2. С. 71–74.
6. Трудовой подвиг народов Дагестана в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Т. 2. (Документы и материалы). Махачкала : Алеф, 2015. 368 с.

7. Алиев Б.Г. Вклад женщин Дагестана в Победу в Великой Отечественной войне // Великий подвиг Советского народа : материалы республ. науч. конф., посвященной 66-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Махачкала : Алеф, 2011. С. 140–147.

8. Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Документы и материалы). Махачкала : Тип. ДНЦ РАН, 2005. 776 с.

9. Вагабов М.М. Изменение в структуре работников железной дороги и Махачкалинского торгового порта в годы Великой Отечественной войны // Народы Северного Кавказа в событиях Великой Отечественной войны: новые документы и материалы : материалы Всерос. науч. конф., посвященной 70-й

годовщине Победы СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Махачкала : Алеф, 2015. С. 160–164.

10. Юнаева В.Д. Рабочий класс Дагестана в годы войны // 65-летие Победы в Великой Отечественной войне: дагестанцы на фронте и в тылу : материалы республ. науч. конф. Махачкала : Наука ДНЦ, 2010. С. 69–80.

11. Амирханова М.М. Трудовой подвиг женщин Дагестана в годы войны // Народы Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : материалы Всерос. науч. конф., посвященной 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Махачкала : ИИАЭ ДНЦ РАН, 2005. С. 258–260.

Поступила в редакцию

24 июля 2019 г.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 657.4

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-80-85

МОДЕЛИРОВАНИЕ УЧЕТНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ КОММЕРЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА В КРЕДИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2019 г. И.А. Кислая ^а

^а Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия

Кислая Ирина Александровна –
кандидат экономических наук, доцент,
кафедра бухгалтерского учета,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
ул. Б. Садовая, 69, г. Ростов-на-Дону, 344002, Россия.
E-mail: kislaya_irina@mail.ru

Обоснована необходимость особой организации учетно-аналитического сопровождения кредитных операций, раскрывающей рискованные зоны невозврата кредитных средств. В этой связи выделены принципы банковского менеджмента и предложена трехуровневая группировка информационных сегментов для целей минимизации кредитного риска. Дана характеристика уровней учетных сегментов в кредитной деятельности, отличных от подходов к сегментированию в иной предпринимательской деятельности. На примере первого уровня предложены составляющие модели бухгалтерского (управленческого) учета в кредитной деятельности: объекты управленческого учета для каждого информационного сегмента, а также возможности банковского менеджмента при их использовании. Учетно-аналитические приемы представлены с позиций организации эффективного банковского менеджмента в любой сфере кредитной деятельности.

Ключевые слова: *банковский менеджмент, информационные сегменты, управленческий учет, контроль, доходы, расходы.*

Кредитный сектор экономики современной России захватывает все больше и больше предпринимательских видов деятельности. Развитие технологии производства товаров и услуг требует большего вложения финансовых средств и, соответственно, привлечения кредитных ресурсов. В свою очередь, увеличение спроса на кредиты и займы сопровождается увеличением риска невозврата этих ресурсов со стороны экономических субъектов, что подтверждено сегодня статистикой роста задолженности по кредитным ресурсам (рис. 1).

Одной из ключевых причин сложившейся ситуации в российской экономике является отсутствие единой теории в отношении приемов и способов организации банковского менеджмента, позволяющего своевременно определять появление точки невозврата заемных средств. Это объясняет возросший научный и практический интерес к такой теории в начале XXI в. Харак-

терные черты взаимодействия банковской сферы, государства и коммерческого сектора экономики исследованы такими учеными, как И.Т. Балабанов, Е.С. Казакевич, О.В. Курныкина, В.В. Семенихин, Н.В. Тимофеева, В.Г. Широкобоков [1–6] и др.

В результате исследования инфраструктуры управления в кредитных учреждениях появился термин «банковский менеджмент» и были выделены его основные принципы, а именно: принцип экономической безопасности в отношении кредитных ресурсов; принцип обратной связи между банковской сферой и сектором реальной экономики; принцип рентабельности кредитного капитала для заемщика; постоянная ориентация банковского сектора на положительный финансовый результат, формируемый на разности исходящих и входящих денежных потоках; принцип готовности к определенной доле риска в связи с

возможностью невозврата кредитных средств. Последний принцип предъявляет особые требования к системе и подсистемам банковского менеджмента: учету и контролю, с помощью

которых можно найти оптимальное соотношение между затратами, доходами и полученной добавленной стоимостью конкретным банковским субъектом.

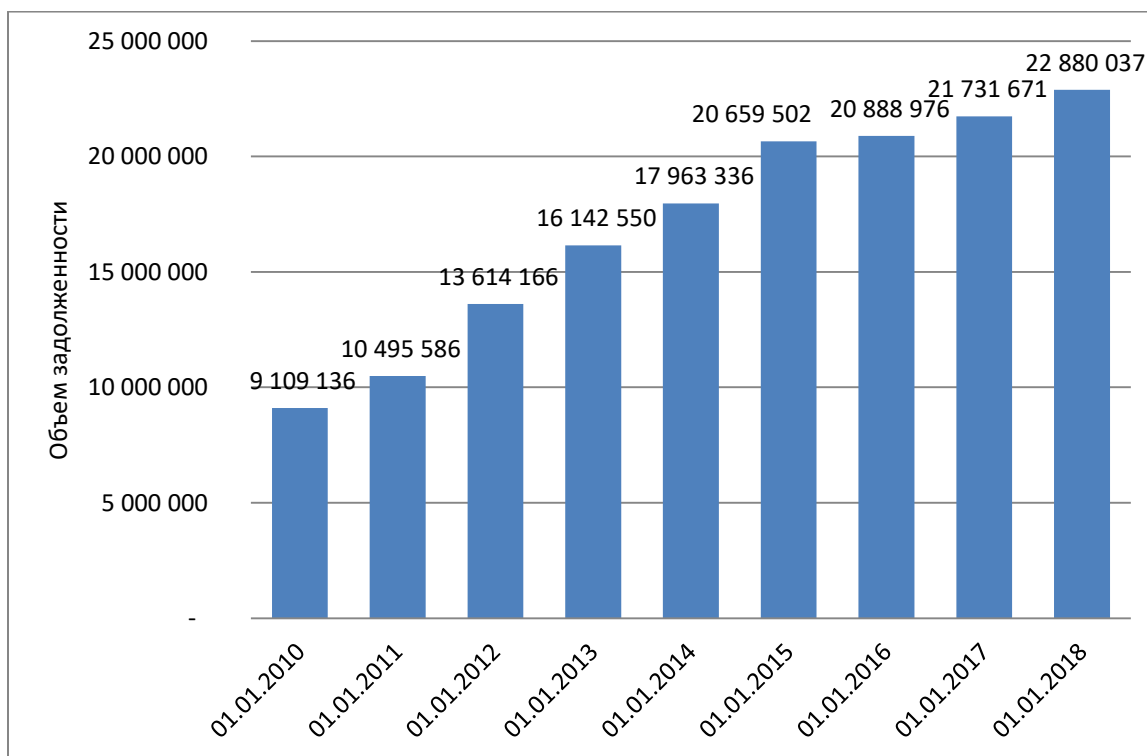


Рис. 1. Задолженность по кредитам, предоставленным юридическим лицам – резидентам и индивидуальным предпринимателям, млн руб. (по данным ЦБ РФ. Статистика)

Несмотря на типичность приемов и способов ведения учета в банковской сфере (а это – счета и двойная запись, оценка и калькуляция, документация и инвентаризация, баланс и балансовое обобщение), бухгалтерский учет имеет свои специфические особенности, которые в большей степени проявляются в подсистеме управленческого учета. Это связано со спецификой самой деятельности, поскольку рынок банковских услуг опирается на финансово-экономическое пространство, на котором постоянно балансирует спрос и предложение услуг кредитования участников рынка. Наличие множественности банковских услуг обязывает по-особому подходить к организации их бухгалтерского (управленческого) учета с целью выделения наиболее рискованных продуктов. При этом сами банковские продукты имеют разнородные характеристики, технологию формирования, себестоимость, различие в клиентских группах и сферу применения. В целях более тщательного изучения и полного удовлетворения потребностей реальных и потенциальных клиентов, а также снижения риска, возникающего в связи с неоднозначным

поведением потребителей, применяется метод особого учетного сегментирования информации в банковской сфере.

Каждый учетный сегмент в кредитной сфере практически становится объектом учета и контроля, в связи с чем требует отдельных аналитических кодов на всех первичных документах, соответствующих тому или иному сегменту. Выделение в бухгалтерском аналитическом учете информации об активах, обязательствах, доходах и расходах по каждому сегменту будет способствовать принятию решений о присвоении статуса доходности в отношении банковских сегментов, о расширении рынка сбыта доходных операций, усилении рекламы по доходным видам банковских услуг. Ниже нами предложены основные сегменты услуг в кредитной деятельности, которые могут быть взяты за основу построения сегментарного бухгалтерского (управленческого) учета. В качестве *первого учетного сегмента* можно выделить виды кредитных продуктов:

– кредитные услуги для юридических и физических лиц;

- депозитные услуги для юридических и физических лиц;
- различного рода платежные услуги юридическим и физическим лицам;
- инвестиционные услуги юридическим лицам;
- доверительные услуги юридическим и физическим лицам;
- консалтинговые услуги юридическим и физическим лицам;

Указанное выше сегментирование может стать предпочтительным в силу различий при формировании соотношения между доходностью каждого сегмента и стоимостью его обслуживания. Те же самые виды кредитных продуктов можно смоделировать в учете в разрезе иных сегментов:

- по уровню процентных ставок;
- по группам вкладчиков;
- по направлениям кредитования;
- по экономическим рискам вкладов;
- по временным ограничениям вкладов;
- по причинам отказа от вкладов;
- по рентабельности вкладов и пр.

Набор учетных сегментов зависит от управленческих компетенций менеджеров и не может быть закрытым.

В качестве *второго учетного сегмента* может выступить географический признак в зависимости от территориальной деятельности кредитного учреждения:

- территория, ограниченная пределами конкретного города или области;
- территория, ограниченная пределами национального банковского сектора в рамках одной страны;
- территория, выходящая за пределы России на международный рынок банковских услуг.

В качестве *третьего учетного сегмента* могут быть группы клиентов, формирующих клиентскую структуру рынка. Здесь можно выделить:

- сегмент оптового рынка потребителей;
- сегмент розничного рынка потребителей;
- сегмент потребителей, включающий правительственных клиентов (государственные и муниципальные учреждения, бюджетные организации);
- сегмент потребителей, включающий финансово-кредитных посредников (страховые компании, паевые инвестиционные фонды, коммерческие банки, пенсионные фонды, кредитные кооперативы и др.).

Каждый из выделенных сегментов можно подразделить на более мелкие учетные сегменты в

зависимости от поставленных банком целей и задач. Схематично многоуровневая структура учетного сегментирования представлена на рис. 2.

Очевидно, что клиенты каждой из указанных групп имеют как схожие, так и специфические потребности в банковских услугах, что и определяет возможность их деления на однородные группы. При формировании учетных сегментов в качестве объектов целесообразно придерживаться требований к их индивидуализации, что желательно предусмотреть в учетной политике в составе ее организационного раздела.

Ниже нами выделены такие требования для целей учетного сегментирования:

- сегменты должны иметь индивидуальные характерные черты, которые отличают один сегмент от другого;
- каждый учетный сегмент должен быть ориентирован на однородные группы клиентов;
- экономические характеристики вкладчиков-организаций должны быть количественно измеримы;
- по каждому сегменту должен быть избран вариант формирования в учете доходов (продаж) и расходов, что позволит рассчитать добавленную стоимость в рамках каждого учетного сегмента;
- субъекты в рамках каждого сегмента должны быть доступны для информационного контакта с ними;
- для каждого сегмента должны быть разработаны форматы внутренней управленческой отчетности.

Таким образом, структурируя по предложенному образцу систему сегментирования в кредитной деятельности можно претендовать на максимальную информативность доходных сегментов через приемы бухгалтерского (управленческого) учета. Усиливая приемы менеджмента на самых прибыльных банковских продуктах, можно получить уверенность в достижении избранной стратегии развития банковского бизнеса в целом.

Модель учетной системы в кредитном учреждении относится к базовым составляющим модели контроля данного субъекта. И та и другая модель наполнена профессиональными приемами и способами ведения учета и организации контроля в банковской сфере, что существенно отличает учет и контроль в иных коммерческих организациях. В профессиональной терминологии даже появился термин «банковский учет». При этом сходными остаются характеристики предмета, объектов, основные задачи бухгал-

терского учета, наличие элементов метода бухгалтерского учета. Однако в кредитном учреждении проявление указанных приемов учета в отношении информационных сегментов имеет свои особенности, что характеризуется в учетной политике коммерческого банка. При этом, несмотря на полную стандартизацию банковского финансового учета в кредитном учреждении, установленную Центральным банком России, свобода в выборе приемов бухгалтерского

(управленческого) учета остается преимущественной в отечественной кредитной деятельности. Данная подсистема в настоящее время не регламентируется государством и является корпоративной прерогативой самого кредитного учреждения. Для такого учреждения управленческий учет представляет собой систему сбора необходимых для управленческого анализа показателей, прямо или косвенно влияющих на его прибыль.



Рис. 2. Структура многоуровневого сегментирования для целей бухгалтерского учета в кредитном учреждении

Главная цель постановки управленческого учета в любом коммерческом субъекте – это оптимизация издержек банка и усиление эффективности кредитной деятельности. При ориентации на информационные сегменты и типовые приемы ведения учета может быть выстроена учетная модель в системе банковского менедж-

мента. Однако ключевой позицией в этом процессе является объект управленческого учета в виде центра финансовой ответственности. Принятие управленческих решений в данном центре ответственности является основной функцией центра. Эти решения могут быть связаны с процессом разработки структуры лицевых карточек

или разработкой формата управленческой отчетности и иное. Сам процесс постановки проблемы и пути ее решения могут быть различны и неповторимы. Например, руководитель центра финансовой ответственности может на основе анализа отдельного кредитного договора оценить его влияние на совокупную прибыль кредитного учреждения. Если же результат кредитования конкретного заемщика принес банку отрицательный результат, менеджер анализирует и диагностирует причину и проецирует ее на остальные договоры с целью предупреждения отрицательных значений. Данный подход к выявлению «узких мест» является ключевой задачей для центров финансовой ответственности, что позволяет контролировать участников кредитования и принимать соответствующие решения об ограничении при выдаче кредитов. Все усилия руководителей центров финансовой ответственности направлены на оценку показателей, характеризующих тот или иной информационный сегмент кредитной деятельности. В таблице представлены возможные учетно-аналитические сегменты первого уровня, объекты управленческого учета для каждого из них, а также возможности банковского менеджмента при таком подходе к организации учета.

Предложенное сочетание сегментов и объектов управленческого учета позволяет по вертикали и горизонтали системы менеджмента избрать наиболее востребованные банковские продукты, что, по сути, предоставляет возможность моделировать будущие доходы и расходы кредитного учреждения. Управленческий учет по указанным в таблице объектам управления представляет собой матрицу бизнеса, в которой по результатам любого периода можно выделить набор преимущественных продуктов и сосредоточить на нем работу с вкладчиками. Кроме того, появляется возможность выделить группы рисков в сфере направлений кредитного бизнеса, а также выделить причины отказа от банковских продуктов. Наконец, такая структура матрицы позволит контролировать оборачиваемость кредитных средств в разрезе объектов управленческого учета и даже осуществлять контроль по каждому вкладчику за различные временные периоды. Для этих целей достаточно производить наполнение и оперативную обработку данных лицевых карточек заемщиков. Именно своевременная загрузка информации о вкладчиках позволит осуществлять ее обработку в любом направлении управленческого учета.

Уровни аналитического управленческого учета в кредитной сфере

№ п/п	Учетно-аналитические сегменты первого уровня	Объект управленческого учета	Возможности банковского менеджмента
1	Кредитные продукты	Вид кредитного продукта	Позволяет структурировать бизнес по видам кредитных продуктов
2	Уровни процентных ставок	Процентные ставки	Позволяет выделить преимущественные ставки для целей кредитования
3	Группы вкладчиков	Группа вкладчиков с равными условиями вкладов	Позволяет оценить наиболее востребованных для целей кредитования групп вкладчиков
4	Направления кредитования	Целевые программы кредитования	Дает возможность сосредоточить рекламные возможности для привлечения вкладчиков с целевой направленностью кредитных средств
5	Вклады в разрезе групп экономических рисков	Вид риска	Позволяет оценить и исключить наиболее рискованные виды вкладов и рискованных вкладчиков
6	Временные ограничения вкладов	Период	Позволяет сосредоточить предложения на наиболее востребованных по времени вкладах
7	Уровни рентабельности вкладов	Уровень рентабельности	Позволяет избирать банковские продукты с максимальной рентабельностью
8	Причины отказа от вкладов со стороны сторонних контрагентов	Конкретная причина	Позволяет оперативно реагировать на каждый вид причины и минимизировать отказы от вкладов

В результате управленческий учет становится экономической базой для проведения различного рода управленческого анализа в кредитной сфере и может стать системной функцией. При этом организация управленческого учета кредитной деятельности для целей оперативного менеджмента начинается с организации детальной информации по каждому отдельному заемщику, что позволит моделировать информацию о кредитных показателях в зависимости от поставленных задач. Только аналитическая информация о вкладчике будет способствовать топ-менеджерам принимать эффективные управленческие решения, ведущие к улучшению состояния кредитного портфеля, снижению различных рисков, а также получению максимального дохода.

Предлагаемый подход к моделированию учетного пространства проецируется на контрольные процедуры, поскольку объекты учета автоматически становятся объектами внутреннего контроля, без которых не состоялся бы весь банковский менеджмент. По нашему мнению, характеристика внутреннего контроля должна отражать взаимосвязь подсистемы управленческого учета и внутреннего контроля, так как последний основан на результатах учета и его детализации: *внутренний контроль кредитной организации представляет собой часть ее системы менеджмента, объединенного с ней единой структурой объектов учета и контроля, единым полем первичных учетных документов, позволяющих в совокупности оценить результативность финансовых операций и подтвердить це-*

лесообразность применения всех инструментов менеджмента: приемов бухгалтерского и управленческого учета, финансового и оперативного анализа, контроля и бюджетирования.

Таким образом, нами предложены составляющие модели бухгалтерского (управленческого) учета в кредитной деятельности на основе систематизации информационных сегментов, что может быть реализовано при организации эффективного банковского менеджмента.

Литература

1. Балабанов И.Т., Гончарук О.В., Савинская Н.А. Деньги и финансовые институты. СПб. : Питер, 2000. 220 с.
2. Казакевич Е.С., Тинкельман С.Б. Аудит кредитных операций // МСФО и МСА в кредитной организации. 2013. № 1. С. 96–110.
3. Курныкина О.В. Управление эффективностью в коммерческом банке: контроль и аудит // Банковское дело. 2015. № 6. С. 68–74.
4. Семенухин В.В. Учет первичных документов // Налогообложение, учет и отчетность в коммерческом банке. 2014. № 7. С. 75–82.
5. Тимофеева Н.В. Подходы к построению концептуальной модели внутреннего аудита в кредитной организации // Экономика и предпринимательство. 2016. № 3-1. С. 1131–1135.
6. Широкобоков В.Г., Литвинов Д.Н. Государственный финансовый контроль и аудит: ретроспективный анализ и вектор развития // Международный бухгалтерский учет. 2015. № 28. С. 40–53.

УДК 330.142.222:330.147

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-86-92

СУЩНОСТЬ, ФОРМЫ И ВИДЫ КОНСОЛИДАЦИИ БАНКОВСКОГО КАПИТАЛА В РОССИИ

© 2019 г. К.А. Койка^а

^а *Российский университет дружбы народов, Москва, Россия*

*Койка Кристиан Анатольевич –
аспирант,
кафедра финансов и кредита, экономический факультет,
Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, г. Москва, 117198, Россия.
E-mail: kris_fesm_97@mail.ru*

Разработан понятийный аппарат, в рамках которого показано соотношение между терминами «консолидация», «интеграция», «реорганизация», «слияние», «присоединение» и «поглощение». Рассмотрено правовое регулирование слияний и поглощений банков в России, возможные виды консолидации и выявлено, что консолидация банковского капитала может осуществляться как на основе реорганизации банков, так и без реорганизации. Теоретически обосновано влияние консолидации банковского капитала на устойчивость банковского сектора.

Ключевые слова: *консолидация, слияние и поглощение, присоединение, реорганизация, Банк России, банковский холдинг, банковская группа.*

Консолидация банковского капитала в Российской Федерации в последние годы приобрела значительные масштабы, в первую очередь за счет роста активности на рынке слияний и поглощений. Процессы консолидации проходят на фоне реформирования банковской системы России. Со стороны регулятора предъявляются более жесткие требования, что закономерно ведет к процессам консолидации в банковской сфере и требует стройного категориального аппарата, выявления логики и взаимосвязи таких экономических и управленческих категорий, как «консолидация», «интеграция», «реорганизация», «слияние», «присоединение», «поглощение», и др.

В наиболее общем смысле консолидация (от лат. consolidatio – вместе + solidare – укреплять) – это сплочение, объединение каких-либо сил для усиления борьбы за общие цели [1]. В отношении к экономическим организационным структурам консолидация (лат. consolidatio – укрепление, сращивание) – это объединение, интеграция, сплочение, слияние двух или нескольких компаний [2]. Родственной «консолидации» является категория «интеграция». В экономическо-организационном аспекте интеграция (от лат. integratio – целый) – это объединение экономических субъектов, углубление их взаимодействия, развитие связей между ними [3].

Для организационных структур необходимо провести четкое разграничение между консоли-

дацией и интеграцией. Суть консолидации сводится к возникновению в консолидируемой группе единого центра сил и полной или частичной передаче управленческих функций остальных элементов консолидируемой группы данному центру. Тогда как интеграция – это прежде всего развитие взаимодействия и сотрудничества, которое может осуществляться и без передачи управленческих функций кому-либо.

Ключевым механизмом консолидации выступает реорганизация, под которой понимается прекращение юридического лица, влекущее возникновение отношений правопреемства юридических лиц. В результате данных трансакций происходят действия, влекущие за собой одновременное создание одного или нескольких новых юридических лиц, и/или прекращение одного либо нескольких прежних юридических лиц.

ГК РФ (ст. 57) предусматривает различные формы реорганизации юридических лиц, включающих слияние, присоединение, разделение, выделение, преобразование, кроме того, в данной статье установлено, что особенности реорганизации кредитных организаций определяются нормативно-правовыми актами, регулирующими деятельность данных организаций.

Важно выявить, как формы реорганизации связаны с процессами консолидации (табл. 1).

Таблица 1

Формы реорганизации и их взаимосвязь с консолидацией

Форма реорганизации	Создание новых или прекращение прежних юридических лиц				Взаимосвязь с консолидацией
	Создание одного	Создание нескольких	Прекращение одного	Прекращение нескольких	
Слияние	•			•	•
Присоединение			•	•	•
Разделение		•	•		
Выделение	•	•			
Преобразование	•		•		

Как видим, с консолидацией ассоциируются такие формы реорганизации, как слияния и присоединения. Следует различать категории «присоединение» и «поглощение». Поглощение в широком смысле означает как реорганизацию в форме присоединения поглощаемого банка, так и закрепление контроля иными способами, не подразумевающими ликвидацию поглощаемого банка, например, путём покупки его акций или долей. Какая минимальная доля участия в уставном капитале может считаться поглощением, зависит от конкретных обстоятельств, поскольку акционеров или участников банка может быть значительное число и контрольный пакет может быть «размыт», либо находиться у акционеров-партнеров. Также может быть приобретен неконтрольный пакет акций, но вместе с ним назначено подконтрольное руководство банка.

Таким образом, при поглощениях смена корпоративного контроля над банком может происходить и формально – путем присоединения, и неформально – через аффилированные структуры и группы влияния.

Консолидация банковского капитала может осуществляться посредством различных механизмов, как предусматривающих реорганизацию банков, так и без нее. Следовательно, сформулируем авторское определение категории: «консолидация банковского капитала – это процесс объединения банков путем их реорганизации (через процедуры слияния и присоединения) или неформального поглощения с целью получения дополнительных конкурентных преимуществ на банковском рынке, увеличения эффективности бизнеса и достижения иных стратегических целей» (рис. 1).

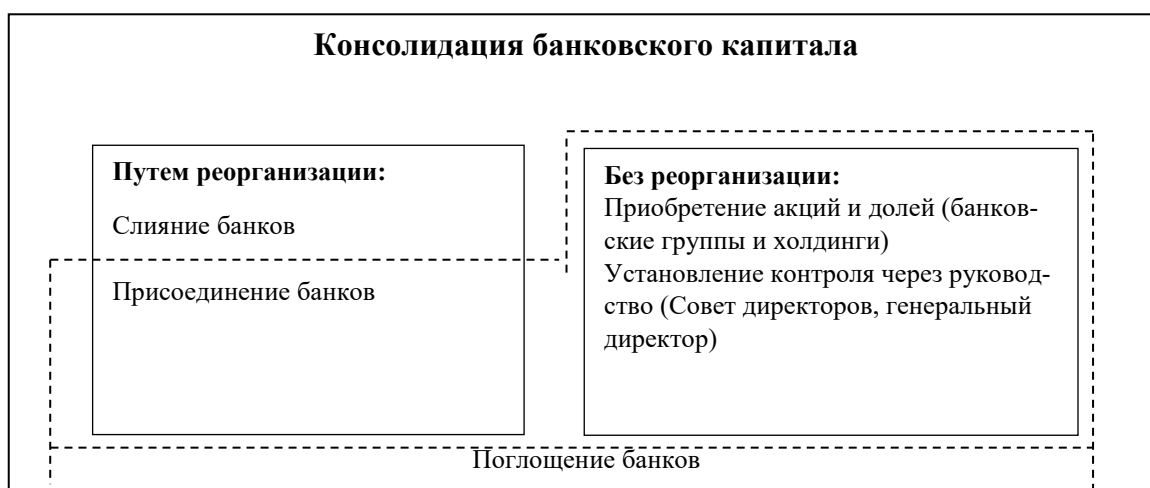


Рис. 1. Соотношение категорий «консолидация банковского капитала», «слияние банков», «присоединение банков», «поглощение банков»

Установление различий между экономическими категориями «присоединение» и «поглощение» банков позволяет сделать вывод, что консолидация на банковском рынке возможна как в открытой форме – путем слияния и присо-

единения банков, так и в латентной – путем создания банковских групп, установления крупными банками контроля над мелкими банками. В случае открытой консолидации количество банков на рынке будет уменьшаться, а в случае

латентной – может увеличиваться. Например, в группе ВТБ создавались такие банки, как ВТБ24, «Лето Банк», преобразованный позднее в «Почта Банк». В текущей ситуации нормальной практикой является разделение бизнеса по нишам и создание для каждой из рыночных ниш самостоятельной бизнес-единицы, в данном случае – отдельного банка.

Из рис. 1 следует, что процессы консолидации на рынке охватываются единым сложившимся термином «слияние и поглощение», или M&A. Поэтому, несмотря на отсутствие законодательного определения понятия «поглощение банков», использование термина «слияние и поглощение» применительно к описанию процессов консолидации рынка является более оправданным, чем, например, «слияние и присоединение».

Консолидация банковского капитала, как указано выше, может осуществляться как на основе реорганизации банков, так и без нее. Рассмотрим подробнее различные виды консолидации.

Поскольку в банковской сфере практика слияний и поглощений не представлялась особенно распространенной, то и правовая база не отражала происходящих процессов. В настоящее время слияния и поглощения в банковской сфере в банковском праве отражены существенно полнее: накоплен отече-

ственный опыт, изучены законодательные акты разных стран. Центральным Банком России разработано множество юридических документов по слияниям и поглощениям коммерческих банков. Данные документы учитывают международный опыт банковского надзора, бизнеса, рекомендации специалистов международных финансовых организаций и отечественную банковскую практику.

Таким образом, процессы слияния и поглощения банков регулируются в России целым рядом юридических документов (табл. 2).

Наиболее проработанным нормативным документом, регулирующим процедуры слияний и присоединений банков, выступает Положение Банка России № 386-П от 29 августа 2012 г. «О реорганизации кредитных организаций в форме слияния и присоединения». В ст. 1.7 Положения указывается, что требования по минимальному размеру уставного капитала для вновь создаваемых кредитных организаций не предъявляются к реорганизуемой кредитной организации. Таким образом, в процессе реорганизации банков для вновь созданной структуры не возникает новых обязательств, связанных с увеличением уставного капитала, даже в том случае, когда он не соответствует величине, законодательно установленной для вновь открываемых банков.

Таблица 2

Правовое регулирование слияний и поглощений банков в России

№	Документ	Дата, номер	Ключевые статьи
1	Гражданский кодекс Российской Федерации	30.11.1994 № 51-ФЗ	Ст. 57
2	Федеральный закон «Об акционерных обществах»	26.12.1995 № 208-ФЗ	Ст. 16, 17
3	Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью»	08.02.1998 № 14-ФЗ	Ст. 52, 53
4	Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»	10.07.2002 № 86-ФЗ	Ст. 74
5	Федеральный закон «О банках и банковской деятельности»	02.12.1990 № 395-1-ФЗ	Ст. 23.5
6	Федеральный закон «О защите конкуренции»	26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 03.07.2016)	Ст. 27
7	Положение Банка России «О реорганизации кредитных организаций в форме слияния и присоединения»	№ 386-П от 29.08.2012	

* Разработано автором.

В целом отметим, что нормы, регулирующие процессы слияний и присоединений, в российском законодательстве представлены достаточно широко. Однако консолидация банков не ограничивается только реорганизационными процедурами. Она может осуществляться на основе создания *банковских объединений*.

Существует большое разнообразие форм объединений юридических лиц, хотя применительно к банкам используются только некоторые, причем они должны соответствовать банковскому законодательству России. В табл. 3 представлены используемые в зарубежной практике объединения, в которых могут участвовать банки.

Таблица 3

Возможные формы объединений, в которых могут участвовать банки

Форма объединения	Определение
Трест	Форма монополистического объединения, в которой участники теряют производственную, коммерческую, а иногда на практике и юридическую самостоятельность. Реальная власть в данной форме объединения сосредоточивается в руках правления или головной организации
Концерн	Финансово-промышленная группа компаний разных отраслей промышленности, что и отличает её от других форм объединений
Картель	Форма монополистического объединения или соглашения. Каждая организация – участник картеля, сохраняет финансовую и производственную самостоятельность; этим картель отличается от других, более устойчивых форм монополистических объединений (синдикаты, тресты, концерны)
Синдикат	Термин, которым ранее обозначали объединения ремесленников. В настоящее время – одна из форм объединения компаний, целью которой выступает устранение конкуренции, совершенствование условий коммерческой деятельности при установлении цен, закупки сырья, сбыта продукции; при этом члены синдиката сохраняют производственную и юридическую самостоятельность
Финансово-промышленная группа (ФПГ)	Объединение промышленных организаций и финансовых учреждений путем установления между членами группы экономического и финансового взаимодействия. ФПГ может функционировать также и в форме коммерческой организации
Холдинг	Форма предпринимательского объединения (промышленно-хозяйственный или финансовый комплекс). Холдинговая компания (основное общество, головная компания) вправе управлять деятельностью других участников холдинговых отношений, основанием для этого может выступать преобладающее участие в уставном капитале, положения договора, либо иным образом. Решения принимаются в целях выполнения общих задач, а также обеспечения эффективного функционирования холдинга в целом
Финансовый конгломерат	Крупная многопрофильная группа или подгруппа во главе с регулирующим юридическим лицом и (как минимум) минимум одной из дочерних компаний. Указанная группа или подгруппа соответствует критериям и сферам деятельности: – регулирующее юридическое лицо возглавляет (либо не возглавляет) группу или подгруппу – материнская компания юридического лица функционирует в финансовом секторе; в составе группы присутствует компания страхового сектора, а также банковского или инвестиционного секторов; совокупная деятельность данных юридических лиц в указанных секторах является значимой [4]
Консорциум	Группа банков, которые временно объединяются под брендом одного из крупных банков для совместного осуществления кредитных, гарантийных или других банковских операций, когда потенциал одного банка по тем или иным причинам не может позволить провести данные операции

Следует отметить, что в российской практике законодательством предусмотрены следующие формы объединений банков:

- банковский союз;
- ассоциация банков;
- банковский холдинг;
- банковская группа.

В ст. 3 Федерального закона № 395-1-ФЗ от 02.12.1990 «О банках и банковской деятельности» указано, что «кредитные организации могут создавать союзы и ассоциации, не преследующие цели извлечения прибыли, для защиты и пред-

ставления интересов своих членов, координации их деятельности, развития межрегиональных и международных связей, удовлетворения научных, информационных и профессиональных интересов, выработки рекомендаций по осуществлению банковской деятельности и решению иных совместных задач кредитных организаций. Союзам и ассоциациям кредитных организаций запрещается осуществление банковских операций».

Таким образом, возможно охарактеризовать объединение банков в ассоциации и союзы в качестве относительно «мягкой» формы их со-

трудничества. Кроме того, нормативно-правовыми законодательными нормами определена обязанность ассоциаций и союзов уведомлять о своем создании Банк России путем регистрации. Однако подобные объединения не связаны с консолидацией банковского рынка.

В российском законодательстве предусмотрены более «сильные» формы объединений – *банковская группа и банковский холдинг*. В ст. 4 упомянутого выше Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1-ФЗ указано, что «банковской группой признается не являющееся юридическим лицом объединение юридических лиц, в котором одно юридическое лицо или несколько юридических лиц (участники банковской группы) находятся под контролем либо значительным влиянием одной кредитной организации (головная кредитная организация банковской группы)».

В ст. 4 того же Закона *банковский холдинг* определяется следующим образом: «Банковским холдингом признается не являющееся юридическим лицом объединение юридических лиц (участники банковского холдинга), включающее хотя бы одну кредитную организацию, находящуюся под контролем одного юридического лица, не являющегося кредитной организацией (головная организация банковского холдинга), а также (при их наличии) иные (не являющиеся кредитными организациями) юридические лица, находящиеся под контролем либо значительным влиянием головной организации банковского холдинга или входящие в банковские группы кредитных организаций – участников банковского холдинга, при условии, что доля банковской деятельности, определенная на основе методики Центрального Банка, в деятельности банковского холдинга составляет не менее 40 процентов».

Таким образом, банковский холдинг отличается от банковской группы тем, что в холдинге кредитная организация и другие юридические лица находятся под контролем либо значительным влиянием головной организации банковского холдинга – юридического лица, которое при этом не является кредитной организацией.

По признанию Банка России, согласно положениям Закона о банках, банковский холдинг по сути представляется подвидом финансового конгломерата [5, с. 5].

В то же время возникает вопрос, что же такое «контроль и значительное влияние»? В законе «О банках и банковской деятельности» указано, что

«контроль и значительное влияние для определения участников банковской группы (банковского холдинга) и составления отчетности определяются в соответствии с Международными стандартами финансовой отчетности, признанными на территории Российской Федерации».

Согласно положениям «Международного стандарта финансовой отчетности (IAS) 28 «Инвестиции в ассоциированные организации и совместные предприятия», который введен в действие на территории Российской Федерации приказом Минфина России от 28.12.2015 № 217н, «если организации прямо или косвенно (например, через дочерние организации) принадлежит 20 или более процентов прав голоса в отношении объекта инвестиций, то считается, что организация имеет значительное влияние, за исключением случаев, когда существуют убедительные доказательства обратного. Однако если организации прямо или косвенно (например, через дочерние организации) принадлежит менее 20 процентов прав голоса в отношении объекта инвестиций, то считается, что организация не имеет значительного влияния, за исключением случаев, когда существуют убедительные доказательства обратного. Наличие крупного или контрольного пакета акций, принадлежащего другому инвестору, не обязательно исключает наличие у организации значительного влияния». Также в стандарте указано, что наличие у организации значительного влияния обычно подтверждается одним или несколькими из следующих фактов:

- представительство в совете директоров или аналогичном органе управления объектом инвестиций;
- участие в процессе выработки политики, в том числе участие в принятии решений о выплате дивидендов или ином распределении прибыли;
- наличие существенных операций между организацией и ее объектом инвестиций;
- обмен руководящим персоналом;
- предоставление важной технической информации.

Что касается критериев контроля, то они содержатся в п. 5–18 Международного стандарта финансовой отчетности (IFRS) 10 «Консолидированная финансовая отчетность», введенного Приказом Минфина России от 28.12.2015 № 217н. Например, в соответствии с п. 7 данного стандарта инвестор контролирует объект инвестиций только в том случае, если одновременно инвестор:

– обладает полномочиями в отношении объекта инвестиций;

– подвержен риску изменения доходов от участия в объекте инвестиций, или имеет право на получение таких доходов;

– имеет возможность использовать свои полномочия в отношении объекта инвестиций для влияния на величину доходов инвестора.

Учитывая, что данные формулировки достаточно расплывчаты, регулятор по сути прибегает к собственной оценке наличия контроля. В то же время стоит отметить, что границы банковских групп и холдингов выходят далеко за общепринятое понятие «контрольный пакет акций». В этой связи важно проанализировать статистику формирования банковских групп и холдингов в России.

В Российской Федерации (по данным Банка России на 01.06.2016) функционировали 2300 юридических лиц в составе *111 банковских групп*, включая 160 российских кредитных организаций, активы которых размещены в РФ и иностранных государствах [5, с. 3]. Кроме того, в РФ в этом же периоде действовали *30 банковских холдингов*, в состав которых входили 36 российских кредитных организаций, при этом головными организациями банковских холдингов выступают финансовые и нефинансовые российские и иностранные организации [5, с. 4].

Следует отметить, что в настоящее время в РФ функционируют так называемые «параллельные» банки – кредитные организации, которые имеют одних собственников. Данные структуры следует относить к одной из форм банковских объединений.

Как правило, функционирование «параллельных» банков тесно связано в силу наличия общих собственников. При этом финансовые трудности или потеря деловой репутации одной кредитной организации может привести к снижению финансовой устойчивости других кредитных организаций – участников указанных объединений, а совокупные риски могут оказаться весьма существенными [5, с. 8].

Банк России предлагает в будущем квалифицировать данные объединения в качестве банковских холдингов. К ним он предлагает относить объединения кредитных и некредитных финансовых организаций:

– если их акционерами (участниками) являются одни и те же физические и (или) юридические лица, в том числе нерезиденты (далее – учредители банковского холдинга), и владеющие прямо или косвенно (через третьих лиц) в совокупности более 50 % голосующих акций (долей) в каждой из организаций (с учетом акций (долей), принадлежащих связанным с ними лицам);

– или если учредители банковского холдинга владеют прямо или косвенно (через третьих лиц) в совокупности более 20 % голосующих акций (долей) в каждой из организаций и при этом ни один другой акционер (участник) кредитных и некредитных финансовых организаций не владеет большим пакетом их голосующих акций (долей) и (или) не менее трети состава органов управления данных организаций представлено одними и теми же физическими лицами и связанными с ними лицами [5, с. 9].

Таким образом, нами рассмотрены применяемые в российской практике возможные виды консолидации (рис. 2).

Виды консолидации банков	
На основе реорганизации	
Абсолютная форма взаимодействия	Слияние банков
	Присоединение банков
Без реорганизации	
Сильная форма взаимодействия	Банковская группа
	Банковский холдинг (включая параллельные банки)
Слабая форма взаимодействия	Банковский союз
	Банковская ассоциация

Рис. 2. Виды консолидации банков на основе и без реорганизации

В заключение отметим, что консолидация банковского рынка России – важный процесс, который неизбежен после периода бурного роста количественных и объемных показателей банковского рынка. Четкая классификация видов консолидации необходима для дальнейшей разработки механизмов регулирования процесса консолидации со стороны Центрального Банка РФ, направленной на сохранение устойчивости и эффективности национальной банковской системы.

Литература

1. *Комлев Н.Г.* Словарь иностранных слов. М. : Эксмо, 2006. 669 с.
2. Словари, энциклопедии и справочники. URL: <https://slovar.cc/pravo/slovar/2465999.html> (дата обращения: 10.05.2019).
3. Экономический словарь URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/econ_dict/ (дата обращения: 10.05.2019).
4. Директива Европейского Союза от 16.12.2002 № 2002 / 87 / ЕС «О дополнительном надзоре за кредитными организациями, страховыми компаниями и инвестиционными фирмами в составе финансового конгломерата и о внесении изменений в Директивы 73 / 239 / ЕЭС, 79 / 267 / ЕЭС, 92 / 49 / ЕЭС, 92 / 96 / ЕЭС, 93 / 6 / ЕЭС, 93 / 22 / ЕЭС Совета ЕС и в Директивы 98 / 78 / ЕС, 2000 / 12 / ЕС Европейского Парламента и Совета ЕС». URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32002L0087&from=EN> (дата обращения: 10.05.2019).
5. О совершенствовании регулирования деятельности банковских групп, банковских холдингов и иных объединений юридических лиц с участием финансовых организаций. Доклад для общественных консультаций // Банк России. 2016. 60 с.

Поступила в редакцию

22 августа 2019 г.

УДК 336.012.23

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-93-98

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТРАНСФЕРТНОГО ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ С ЦЕЛЮ МИНИМИЗАЦИИ НАЛОГОВЫХ И ФИНАНСОВЫХ РИСКОВ ПРЕДПРИЯТИЙ

© 2019 г. Е.Г. Шеина^а, О.Т. Астанакулов^б

^а Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия,

^б Ташкентский финансовый институт, Ташкент, Узбекистан

Шеина Екатерина Георгиевна –
кандидат экономических наук, доцент,
кафедра финансового менеджмента,
Уральский государственный экономический университет,
ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45, г. Екатеринбург, 620144, Россия.
E-mail: shekat@mail.ru

Астанакулов Олим Таштемирович –
кандидат экономических наук, доцент, начальник заочного отделения,
Ташкентский финансовый институт,
ул. А. Темура, 60а, г. Ташкент, 100000, Узбекистан.
E-mail: astanakulov@gmail.com

Важным вызовом XXI в. стало быстрое развитие информационных технологий, без которых невозможно представить повседневную жизнь во всех ее сферах проявления. Скорость возникновения инноваций является главной движущей силой экономического прогресса общества, а множество вызовов и угроз, и вместе с ними возрастающая роль финансовых и налоговых рисков, возникающих как перед отдельным предприятием, так и перед группой взаимосвязанных предприятий, также обусловлены технологическим и научным характером происходящих в обществе и экономике изменений. Выбор авторами темы исследования опосредован следующим фактом: в настоящий момент, среди предприятий, объединенных в группы на основе единого финансового управления и перераспределения денежных потоков, все большее распространение получает метод формирования трансфертных цен внутри группы, решающий множество проблем формирования прибыли – как способ минимизировать расходы, как метод снижения налоговой нагрузки и как альтернативный источник финансирования за счет перераспределения собственных ресурсов внутри группы предприятий. Авторами сформулировано понятие «предел налогового бремени», расчет которого позволяет определить минимальное и максимальное допустимые значения показателя налоговой нагрузки при применении трансфертных цен с учетом отраслевой и производственной специфики предприятия, а также спрогнозировать уровень налоговых и финансовых рисков, вероятных к наступлению в процессе его операционной деятельности.

Ключевые слова: трансфертное ценообразование, цепочка создания стоимости, финансовые ресурсы, налоговый риск, финансовый риск, метод сопоставимой неконтролируемой цены, метод цены последующей реализации, затратный метод, метод чистой маржи сделки, метод разделения прибыли.

Преобладающие и прогнозируемые рыночные условия являются важными факторами, которые определяют принятие хозяйствующими субъектами решений независимо оттого, увеличиваются они или уменьшаются, и могут ли новые предприятия выходить на рынок. Начинающие предприятия адаптируются к рыночным условиям с помощью целого ряда стратегий, например, инноваций, конкуренции, сотрудничества или сговора, которые могут повлиять на структуру рынка и распределение рыночной власти, оказывая особое воздействие на экономику. В настоящее время монополии существенно изменили своё первоначальное значение [1, с. 54]. Теперь присутствует необходи-

мость увеличения ассортимента, расширение основного вида деятельности, а также привлечение дополнительных возможностей, приносящих прибыль.

Теоретический аспект. Под корпорацией мы понимаем юридическую организацию, обусловленную определенными финансово-экономическими целями и предусматривающую распределённое участие всех собственников. Как правило, на сегодняшний день в отрасли действует сразу несколько корпораций, конкурирующих между собой. Данный факт позволяет задействовать свои силы одновременно в различных сегментах рынка и тем самым увеличить свой потребительский рынок. В обстоя-

тельствах неравномерности развития отраслей стало не выгодно опираться на одну отрасль или направление [2]. Необходимость входа в различные сегменты рынка одновременно очевидна. Анализируя ситуацию на рынке, можно увидеть, что мелкие сети пропадают с арены рынка, в основном сейчас формируются крупные игроки, которые заходят на рынок с различным ассортиментом, чем и привлекают потребителя.

Многие предприятия объединяются в корпорации, которые в свою очередь стремятся включать несколько отраслей, чтобы в трудное время переключать силы на наиболее перспективные и иметь возможность пережить кризис.

Эффективная сеть и инновационная инфраструктура являются ключевыми столпами бизнес-среды. В условиях усиления международных связей, увеличения объёма импорта и экспорта крупнейшие корпорации все чаще становятся транснациональными. Тем не менее небольшие предприятия, чаще всего – субъекты малого и среднего предпринимательства – находятся в невыгодном положении в доступе к этой инфраструктуре. Они также тяжелее переносят недостатки инфраструктуры, чем крупный бизнес. Крупная корпорация имеет множество филиалов, дочерних предприятий в разных стра-

нах, что позволяет увеличить сбыт продукции за границей и использовать ресурсы и благоприятные возможности, свойственные для той или иной страны.

Начало истории трансфертных цен в мире связано с 1950–1960-ми гг. XX в. (табл. 1). Именно в этот период формируются крупные транснациональные корпорации (ТНК), зарождение которых началось еще в первые десятилетия XX в. Успешный рост и развитие обеспечили их существование и процветание в настоящее время.

Анализируя трансфертное ценообразование в рыночной экономике, полагаем, что данный феномен характерен для децентрализованной структуры управления предприятием, когда отдельным структурным подразделениям предоставляется возможность ведения определенной финансовой самостоятельности. Административно-управленческий персонал предприятия решает, подразделения какого уровня способны сами проводить внешнее и внутреннее ценообразование, самостоятельно делать выбор поставщиков и потребителей. В такой ситуации менеджер централизации прибыли отвечает лишь за расходы и доходы, относящиеся именно к его объему работы.

Таблица 1

Известные мировые корпорации*

Компания	Год основания	Область
Тойота Моторс	1937	Авто
Самсунг	1938	Электроника
Дженерал Моторс	1916	Авто
Вольво	1929	Авто
Пепсико	1919	Пища
Саламандер	1916	Обувь
Юнион Карбайд	1917	Химическая область
Адидас	1948	Промышленность

* Составлено авторами по [3].

Трансфертные цены позволяют перераспределять общую прибыль всей группы предприятий внутри корпорации. Таким образом появляется возможность централизовать прибыль в государствах (территориях) с более низким уровнем налогов, что является несомненным плюсом и наиболее простой и используемой схемой минимизации уплачиваемых налогов [4, с. 50–52].

Трансфертная цена (ТЦ) – это цена, по которой один центр ответственности передаёт свою продукцию или услугу другому центру ответственности, т. е. это выработанный процесс

установления внутренних расчетных цен между всеми сегментами одной организации.

В современной практике встречаются три метода расчёта трансфертной цены:

а) на основе себестоимости, переменной или полной – в соответствии с данным методом внутренняя цена товара рассчитывается как сумма его себестоимости и экономии затрат на единицу товара;

б) на основе договорных трансфертных цен – ТЦ рассматривается как договорная и устанавливается в результате соглашения (договора,

контракта) подразделения-поставщика и принимающего подразделения;

в) на основе рыночных цен – данный метод используют в том случае, когда эту цену можно рассматривать как верхний предел цены товара. При передаче товара от одного центра ответственности к другому учитывается реальный вклад подразделения-поставщика в общий доход предприятия, а также то, что рыночные цены, которые берутся в расчет, снижаются на полную величину расходов, связанных с продажей схожего товара на рынке.

Особую популярность в странах с рыночной экономикой получил метод расчета трансфертной цены на основе рыночных цен, главным преимуществом которых является их объективный характер.

В настоящее время в Российской Федерации действуют более 200 промышленных корпораций всех видов собственности и типов организации – финансовые группы, союзы, концерны,

корпорации и холдинги, охватывающие все отрасли промышленности и функционирующие во всех регионах страны.

Процесс внедрения промышленных хозяйственных субъектов в корпорации позволяет решать многие задачи развития экономики страны, в том числе улучшение и укрепление существующих позиций на мировом рынке. Сложившиеся корпорации в конечном результате включают в себя инновационное развитие за счет перемещения собственного капитала в перспективные сферы деятельности, которые в дальнейшем приносят прибыль.

Показатели индекса промышленного производства позволяют в динамике оценить объёмы промышленного производства различных стран (табл. 2). Рассматривая данные за 8 лет, можно сказать, что прослеживается динамичный прирост промышленного производства не только в России, но и в ряде других стран Европы, Азии и Америки.

Таблица 2

Индексы промышленного производства, % к предыдущему году*

Страна	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Россия	107,3	105,0	103,4	100,4	102,5	99,2	102,2	102,1
Италия (Европа)	107	101	94	97	99	101	102	104
Казахстан (Азия)	109,6	103,8	100,7	102,5	100,3	98,4	98,9	107,3
Алжир (Африка)	98	100,4	102	101	105	–	–	–
США (Америка)	105	103	103	102	103	99	98	102

* Составлено авторами по [5, 6].

А.В. Гумеров отмечает, что российская модель корпорации, очевидно, находится в стадии разработки [7, с. 460] и в настоящий момент формируется на основе крупных постсоветских предприятий в потенциально выгодных экономических сферах, среди которых добыча полезных ископаемых, нефтеперерабатывающая и химическая промышленности, машиностроение.

Проблемы развития промышленных корпораций в Российской Федерации. *Правовые проблемы* в основном связаны с реализацией концепции развития корпоративного законодательства. Новые законодательные меры зачастую направлены на предотвращение корпоративных конфликтов, наименьшее внимание отводится проблемам, касающимся организационно-правовых форм юридических лиц.

Экономические проблемы – слабость национальной финансовой системы, неконкурентоспособность значительной части перерабатыва-

ющих производств, низкий уровень расширения ассортимента.

Валовой внутренний продукт (ВВП) – это стандартная мера стоимости конечных товаров и услуг, произведенных в стране в течение определенного периода времени, за вычетом стоимости импорта. ВВП на душу населения является основным экономическим показателем и обычно используется в качестве широкой меры среднего уровня жизни или экономического благосостояния (табл. 3).

Кадровые проблемы – низкая доступность персонала требуемого уровня квалификации на рынке труда (табл. 4).

Экологические проблемы. Промышленные корпорации все чаще сталкиваются с тем, что поддержание экологического баланса превращается в сдерживающее условие их развития. Предприятия должны заблаговременно заботиться об экологичности их продукции.

Таблица 3

ВВП в текущих ценах, млрд ед. национальной валюты*

Страна	Национальная валюта	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Россия	Рос. руб.	60282,5	68163,9	73133,9	79199,7	83387,2	86148,6
Германия	Евро	2703,1	2758,3	2826,2	2932,5	3043,7	3144,1
Казахстан	Тенге	28243,1	31015,2	35999,0	39675,8	40884,1	46971,2
США	Долл. США	15517,9	16155,3	16691,5	17427,6	18120,7	18624,5
Австралия	Австр. долл.	1464,3	1512,4	1565,2	1611,8	1638,2	1700,4

* Составлено авторами по [5, 6].

Таблица 4

Распределение численности занятых по видам экономической деятельности (отраслям), %, 2017 г.*

Страна	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и т.д.	Промышленность	Строительство	Торговля	Финансовая и страховая деятельность, операции с недвижимым имуществом, научная деятельность и т.д.	Государственное управление	Прочие виды деятельности
Россия	5,8	19,7	7,3	28,9	9,4	24,6	4,3
Германия	1,3	20,6	6,8	25,8	14,4	26,4	4,8
Казахстан	15,4	12,7	7,1	26,7	10,0	23,5	4,6
США	1,4	12,4	7,3	29,3	17,4	26,3	5,7
Австралия	2,6	11,2	8,9	30,2	15,7	27,1	4,2

* Составлено авторами по [5, 6].

Актуальность экологического фактора в вопросе развития промышленной сферы проявляется по мере роста числа обращений за инвестициями на мировые финансовые рынки. Кредитные институты в первую очередь интересуются об экологических и социальных последствиях осуществления инвестиционных проектов. Оценка экологических рисков на рынке равна учету финансовых и репутационных рисков. Поэтому российский бизнес нуждается в формировании адекватной системы экологической информации (табл. 5).

Таблица 5

Выбросы в атмосферу загрязняющих веществ на душу населения, кг, 2015–2017 гг.*

Страна	Оксиды серы	Оксиды азота	Оксиды углерода
Россия (2017)	25,2	12,8	33,7
Германия (2015)	4,3	14,6	33,0
Казахстан (2017)	44,2	14,9	27,6
США (2015)	10,5	32,5	143,4
Австралия (2015)	95,2	107,2	112,4

* Составлено авторами по [5, 6].

Итак, среди проблем развития промышленных корпораций наиболее остро выделяются правовые, экономические, кадровые, экологические и проблемы расширения влияния «научных знаний».

Пути решения. Рассматривая риски с точки зрения формирования себестоимости продукции, ценообразования и формирования налоговой базы при производстве и реализации продукции, особое значение для крупного бизнеса приобретает минимизация налоговых рисков с помощью механизма применения трансфертных цен. Трансфертное ценообразование включает в себя процесс установления внутренней цены на продукцию центрами ответственности и позволяет предприятиям осуществлять сделки между своими филиалами и дочерними обществами [8, 9]. Трансфертную цену можно устанавливать до такого предела, пока не будет покрыта себестоимость продукции. Однако наиболее оптимальная трансфертная цена та, которая может принести максимальный маржинальный доход.

Предложения авторов. За основу расчёта коэффициента «Трансфертной ценовой нагрузки» нами взяты себестоимость и прибыль за производство и реализацию готовой продукции

за определенный период времени (день, месяц, квартал, год). Величина трансфертной цены зависит от объема понесенных расходов на ее реализацию и выпуска продукции.

$$C_O = C_T + \frac{\sum_{i=1}^n F_{cost}}{k_i}, \quad (1)$$

где C_O – величина полной себестоимости; C_T – себестоимость 1 единицы продукции; F_{cost} – постоянные затраты центра ответственности; k_i – объем конечной готовой продукции.

$$T_{PN} = C_T + \frac{\sum_{i=1}^n F_{cost}}{k_i} \times r, \quad (2)$$

где T_{PN} – трансфертная цена; r – ставка трансфертной цены, %.

$$V_{TPN} = (C_T + \frac{\sum_{i=1}^n F_{cost}}{k_i} \times r) \times V_n, \quad (3)$$

где V_n – объем конечной готовой продукции; V_{TPN} – прибыль от трансфертной цены за готовую продукцию.

$$Ef_{TP} = \frac{(C_T + \frac{\sum_{i=1}^n F_{cost}}{k_i} \times r)}{c}, \quad (4)$$

где Ef_{TP} – эффект трансфертного ценообразования; c – рыночная цена за 1 единицу готовой продукции [10, с. 462].

Финансовое состояние предприятий на современном этапе развития экономики зачастую не отвечает установленным нормативам, поэтому одним из эффективных способов получения финансовых ресурсов является налоговое планирование, предполагающее баланс низкого уровня налоговой нагрузки и удержания налоговых рисков.

В целях минимизации налоговых рисков хозяйствующих субъектов необходимо разработать такой показатель, как пределы налогового бремени, что означает построение целевой функции оптимизации налоговой системы корпорации, влияющей на величину себестоимости готовой продукции, формирование цены на нее. Существует две границы предела налогового бремени – нижняя и верхняя.

Нижняя граница – минимально допустимое значение показателя налоговой нагрузки, при котором хозяйствующий субъект не входит в группу предприятий с высокими налоговыми рисками и его деятельность благоприятна и выгодна.

$$k_{min} = \frac{\sum N_{ндс} + \frac{ЧП \times k_{н.прибыль}}{1 - k_{н.прибыль}} + ФОТ (k_{соц.н.} + k_{страх.вз.}) + \sum N_{имуш.}}{V}, \quad (5)$$

где k_{min} – нижний предел налогового бремени; $\sum N_{ндс}$ – сумма налога на добавленную стоимость; ЧП – чистая прибыль; $k_{н.прибыль}$ – коэффициент налога на прибыль; ФОТ – фонд оплаты труда; $k_{соц.н.}$ – коэффициент единого соци-

ального налога; $k_{страх.вз.}$ – коэффициент страховых взносов в ФСС; $\sum N_{имуш.}$ – сумма налога на имущество; V – выручка [11, с. 130].

Верхняя граница налогового бремени – значение показателя, при котором предприятие сохраняет стабильное финансовое положение и имеет достаточно ресурсов, необходимых для дальнейшего развития и роста в перспективе.

$$k_{max} = k_{min} \times \overline{rent}, \quad (6)$$

где k_{max} – верхний предел налогового бремени; k_{min} – нижний предел налогового бремени; \overline{rent} – среднеотраслевая рентабельность деятельности [11, с. 131; 12, с. 126].

Представленные показатели позволяют на основе математических данных проанализировать значения налоговой нагрузки с учетом отраслевой и производственной специфики предприятия.

Руководитель на основе имеющихся результатов количественной и качественной оценки определяет уровень финансового риска, его приемлемости в процессе принятия управленческого решения.

Вывод. Ключ к повышению потенциала экономического роста и устойчивости национальной экономики – структурные реформы, направленные на улучшение среды для ведения бизнеса. Теоретический анализ литературы и статистических данных показывает, что проблемы, связанные с трансфертным ценообразованием в промышленных корпорациях, имеют место быть. Но российским предприятиям их не решить, пока система управления будет направлена на устранение последствий и полученных результатов, а не настоящих причин, которые кроются в глубине. Как подтверждает сформировавшаяся текущая практика, в начале любой деятельности по улучшению неэффективных систем управления можно достичь хороших показателей, в результате чего появляется возможность быстрее находить ресурсы для продолжения более затратных вложений в улучшение существующих систем управления. При столь высоких затратах и издержках на российских предприятиях простой контроль некоторых управленческих операций может дать превосходный эффект.

Таким образом, роль трансфертного ценообразования, в частности в промышленных корпорациях, очень велика. Введение трансфертных цен в политику корпораций приносит массу положительных результатов, среди которых перераспределение налоговой нагрузки, совершен-

ствование и структуризация дочерних предприятий. Но, как и во многих сферах, существуют и отрицательные стороны, с которыми необходимо бороться, в частности путём совершенствования налогового законодательства.

Литература

1. Крутин Ю.В. Проблемы финансового менеджмента промышленных предприятий по управлению оборотным капиталом // Вестн. Удмуртского ун-та. Экономика и право. 2011. № 1. С. 52–57. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-finansovogo-menedzhmenta-promyshlennyh-predpriyatiy-po-upravleniyu-oborotnym-kapitalom> (дата обращения: 18.06.2019).
2. Медведева Т.В., Евдокимов А.А. Анализ организационно-правовых форм хозяйствования в регионах РФ и мире // Концепт. 2015. Спецвып. 9. URL: <http://e-koncept.ru/2015/75161.htm> (дата обращения: 18.06.2019).
3. Свиридова Н.В., Туктарова Ф.К. Сравнительный экономический анализ развития промышленных предприятий // Изв. вузов. Поволжский регион. Обществ. науки. 2011. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-ekonomicheskiy-analiz-razvitiya-promyshlennyh-predpriyatiy> (дата обращения: 18.06.2019).
4. Зеленюк А.Н. Сущность и особенности трансфертного ценообразования // Рос. внешнеэкон. вестн. 2013. № 7. С. 49–61.
5. Россия и страны мира. 2018 : стат. сб. / Росстат. М., 2018.
6. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139821848594 (дата обращения: 18.06.2019).
7. Гумеров А.В. Проблемы регулирования корпоративных отношений российских промышленных структур // Казанский педагогический журн. 2015. № 5-2 (112). С. 458–462.
8. Бокова Н.А. Инструменты и способы управления финансовыми рисками // Современный научный вестн. 2016. № 1. С. 40–45.
9. Галсанов Б.Б. Формирование системы риск-менеджмента инвестиционной деятельности предпринимательских структур : автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2014. 45 с.
10. Гуров В.С., Чеглакова С.Г. Структура капитала как индикатор управления финансовыми рисками // Экономика и предпринимательство. 2015. № 8. С. 460–464.
11. Клинова Е.А. Модель управления риском не обнаружения // Наука нового века: знания молодых : сб. 9-й науч. конф. аспирантов и соискателей. Киров : Вятская ГСХА, 2009. С. 129–133.
12. Кузнецова Н.Н., Чузунов В.И. Финансовые риски энергосистемных компаний и способы их минимизации // Новая наука: от идеи к результату. 2016. № 5-1 (84). С. 124–131.

Поступила в редакцию

22 июня 2019 г.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-99-101

«Герой на все времена». Рецензия на книгу: Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А. Александр Невский. Исследования и исследователи. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. 368 с.

Образ Александра Невского относится к числу наиболее ярких национальных символов нашей страны. Достаточно произнести его имя, как перед глазами даже самого неосведомленного в истории россиянина возникнет образ благородного князя, мужественно боровшегося за свободу и независимость нашей Родины. Особый статус древнерусского князя в исторической памяти современного российского общества был увенчан его победой в открытом СМС-голосовании в телепроекте «Имя Россия», реализованном в 2008 г. государственным телеканалом «Россия».

Неудивительно, что литература, посвященная Александру Невскому, огромна. В последние десятилетия возрос интерес не только к его личности и деяниям, но и представлениям о нем, существовавшим в разные эпохи отечественной истории вплоть до наших дней. Серьезный вклад в изучение темы «Александр Невский» в этом направлении внесли финская исследовательница М. Исоха, изучившая трактовки личности князя в письменных источниках XIII – XVI столетий [1], и особенно немецкий историк Ф.Б. Шенк, рассмотревший культурную память об Александре с конца XIII в. и до исхода XX в. Будучи переведенным на русский язык [2], фундаментальный труд Шенка способствовал возрастанию интереса к образам выдающихся героев прошлого в культурной или исторической памяти и среди отечественных исследователей.

Российские историки и культурологи попытались дополнить, уточнить или пересмотреть наблюдения своих зарубежных коллег. В их числе и авторы рассматриваемой монографии. Их перу принадлежит целый ряд статей и несколько книг, посвященных как биографии, политической и военной деятельности Александра Невского, так и месту его образа в отечественной культуре и исторической памяти. Изучению феномена восприятия личности Александра Невского как национального символа Отечества в исторической традиции была посвящена и докторская диссертация Р.А. Соколова, успешно защищенная им в 2014 г. в Санкт-Петербургском государственном университете. Научным консультантом выступил Ю.В. Кривошеев. Новая книга таким образом является продолжением многолетнего исследования ими темы «Александр Невский», своеобразным подведением итогов.

Книга состоит из предисловия, введения и двух разделов. В предисловии авторы очерчивают основные этапы своей работы и ее структуру. Во введении раскрывается процесс установления почитания Александра Невского как святого в допетровскую эпоху. Первый раздел книги наиболее содержательный. Авторы анализируют трансформацию культа князя при Петре I и его преемниках, заключающуюся в придании «этому культу, изначально имевшему религиозный характер, ярко выраженных секулярных черт» (с. 22). Далее последовательно рассматривается образ Александра Невского в творчестве М.В. Ломоносова, в историографии, литературе и искусстве XIX – начала XX в., в первые десятилетия советской власти, когда он оказался «вне историографии и вне истории», и в трудах эмигрантов, для которых образ этого князя, напротив, стал одним из самых притягательных. Дается сопоставление взглядов на него двух эмигрантских историков – Г.В. Вернадского и Н.А. Клепинина. Авторы останавливаются на тех проблемах, которые, по их словам, «до сих пор или ускользали от внимания коллег, обращавшихся к историографии вопроса, или которые возможно трактовать иначе, нежели это предлагалось ранее» (с. 8). Впрочем, неизбежными оказываются и повторы, отсылки к работам других авторов, в которых отдельные сюжеты изложены более подробно. Книга от этого страдает некоторой фрагментарностью. Говоря о причинах того, что после установления Советской власти Александр Невский оказался фигурой «неудобной», авторы не отрицают объяснение немецкого историка Ф.Б. Шенка, но «самым главным» признают «придание в XVIII – начале XX в. почитанию князя черт, проводимых на государственном уровне мероприятий»

(с. 67). Это замечание, однако, мало что добавляет к доводам Шенка, выделившего сразу несколько причин «свержения» Александра в 1917–1937 гг. и убедительно их обосновавшего [2, с. 236–256].

Детально в книге проанализирована советская довоенная историография темы. Учитывая узость хронологии (первая статья об Александре Невском в СССР была опубликована в 1937 г.), авторы постарались охватить все публикации о нем этого периода (исключением стали только статьи о фильме С.М. Эйзенштейна, истории которого ими была посвящена вышедшая ранее отдельная монография). В результате Ю.В. Кривошееву и Р.А. Соколову удалось оспорить уже устоявшиеся в общественном сознании и отчасти в историографии представления о «временном увольнении Александра» (выражение Ф.Б. Шенка) после заключения пакта Молотова – Риббентропа и об использовании образа Александра Невского в идеологическом обеспечении советско-финской войны 1939–1940 гг.

Преимущественно историографическая часть книги сменяется анализом литературного сюжета. На примере известного советского писателя, автора исторических романов Василия Яна (В.Г. Янчевецкого) Ю.В. Кривошеевым и Р.А. Соколовым показано, как исторический Александр превращался в литературного героя.

Из истории послевоенного периода в книге подробно освещается изучение вопроса о локализации места Ледового побоища 1242 г. Авторами рассмотрены труды по этому вопросу эстонского историка Э.К. Паклара и академика М.Н. Тихомирова, а также продолжившей их работу Комплексной экспедиции по уточнению места битвы, организованной по инициативе военного историка и писателя Г.Н. Караева. Ю.В. Кривошеев и Р.А. Соколов постарались изучить все обстоятельства, так или иначе связанные с этой экспедицией.

Завершают первый раздел книги несколько статей, посвященных актуальным проблемам современной историографии: полемике вокруг версии Л.Н. Гумилева о побратимстве Александра Невского и сына Батыя Сартака, спору о датировке организованных по инициативе Александра русско-норвежских переговоров и, наконец, разбору различных точек зрения на биографию и политику Александра Невского, высказанных в последние годы. При всей добротности проделанной авторами работы по систематизации взглядов историков на различные аспекты деятельности князя нельзя не обратить внимания на то, что современная дискуссия об оценке роли Александра Невского в российской истории представлена ими в несколько искаженном свете, а именно как маргинальная и навязанная к тому же извне. «Современные историки, – утверждают авторы, – положительно оценивают политику Александра Невского. Однако особое мнение по этому вопросу имеется у Дж. Феннела». Впрочем, продолжают они, «и среди отечественных историков в последнее время появляются иногда сторонники такой оценки деятельности Александра Ярославича» (с. 245–246).

К числу российских исследователей, скептически оценивающих его деятельность, в книге отнесены И.Н. Данилевский и А.Н. Нестеренко. По существу при этом критикуются (и надо признать большей части справедливо) только рассуждения последнего. Более фундированные построения И.Н. Данилевского практически не рассматриваются. То же самое касается взглядов английского исследователя Дж. Феннела, весьма критически оценивавшего многое из того, что делал князь, особенно его «ордынский выбор». Нескрываемые симпатии авторов к своему герою не позволили таким образом дать объективную оценку трудам ученых, которых условно можно назвать «скептиками».

Второй раздел монографии написан более популярно и посвящен экспедициям 2008 и 2013 гг. кафедры исторического регионоведения СПбГУ, которой заведует Ю.В. Кривошеев и на которой трудится его соавтор, к месту Ледового побоища. Необходимость этих экспедиций объясняется в книге главным образом высказываниями последних лет о неправомочности выводов Г.Н. Караева о локализации места Ледового побоища. Здесь помещены путевые заметки, отчеты, дневник руководителя экспедиций Ю.В. Кривошеева и интервью Р.А. Соколова с участниками экспедиции 1956–1962 гг. Т. Ю. Тюлиной и Г.Н. Складневской. Результатом экспедиций петербургских историков стало доказательство обоснованности основных выводов экспедиции Г.Н. Караева.

В конце книги помещен библиографический список работ Ю.В. Кривошеева и Р.А. Соколова, посвященных Александру Невскому. Будучи достаточно основательной и написанной хорошим литературным языком, книга займет достойное место в ряду исследований о невосском герое. В то же время следует признать, что фундаментальный труд Ф.Б. Шенка, критика которого красной линией проходит через всю книгу, в целом по-прежнему остается непревзойденным.

Десять лет назад А.В. Сиренов в рецензии на монографию М. Исоха заметил, что «история формирования образа Александра Невского в русской культуре до настоящего времени должным образом не изучена» [1, с. 266]. Сегодня мы можем с уверенностью констатировать, что в деле изучения представлений об Александре Невском достигнуты весьма серьезные результаты. В пору говорить даже об «избитости» этой темы, по причине которой наряду с известной ангажированностью ее изучение, по-видимому, нуждается в перерыве.

Литература

1. *Сиренов А.В.* Isoaho M. The image of Aleksandr Nevskiy in Medieval Russia. Warrior and Saint. Leiden; Boston: Brill, 2006. 417 p. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. Петербургские славянские и балканские исследования. 2009. № 1–2. С. 263–266. (Рецензия).
2. *Шенк Ф.Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М.: Новое литературное обозрение, 2007. 592 с.

А.С. Ищенко,

кандидат исторических наук, доцент,

Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт им. А.К. Кортунова

CONTENTS

PHILOSOPHICAL SCIENCES

UDC 115

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-2-7

THE MORAL DIMENSION OF THE HISTORICAL TIME IN THE LIGHT OF THE LE CHATELIER-BRAUN NATURAL PRINCIPLE

L.G. Antipenko^a

^a *Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Leonid G. Antipenko -

*Candidate of Philosophy, Senior Researcher,
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Goncharnaya St., 12/1, Moscow, 109240, Russia*

The article considers the questions if a person can communicate with temporary elements and whether this kind of communication can be assessed from a moral point of view. The basis for positive answers to these questions is the natural principle of Le Chatelier-Braun. Along with the laws of quantum physics, it makes possible to substantiate the factor of dual structure of time, the presence in it two opposite components: the direct and reverse flow of time. They exist on the condition that one of them bares the function of destruction, the other - the function of creation. In the sphere of people's activity, person is given the opportunity of free choice: to coordinate his action with creative or destructive components. The measure of the realization of such a possibility is expressed in term "the moral dimension of time".

Keywords: *time structure, temporal dualism, creation and destruction, moral evaluation.*

References

1. Antipenko L.G. K voprosu o dvuspinornoi interpretatsii resheniya kvantovo-relyativistskogo uravneniya Diraka, opisyyayushchego svobodnoe dvizhenie elektrona [On the Question of a Two-Binor Interpretation of the Solution of the Quantum-relativistic Dirac Equation Describing the Free Motion of an Electron]. *Tribuna UFN*. Available at: <https://ufn.ru/tribune/trib6p.pdf> (accessed 13.03.2019).
2. Heidegger M. *Sein und Zeit*. 1. Tübingen, 1927.
3. Khaidegger M. *Osnovnye ponyatiya metafiziki* [Basic Concepts of Metaphysics]. Tr. from Germ. of V.V. Bibikhin, A.V. Akhutin, A.P. Shurbelev. Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2013, 592 p.
4. Geizenberg V. *Fizika i filosofiya. Chast' i tseloe* [Physics and Philosophy. Part and Whole]. Moscow: Nauka, 1990, 400 p.
5. Florenskii P.A. [Abstract]. *Entsiklopedicheskii slovar' Granat* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 44. Moscow, 1927.
6. [Dalcroze Jacques Emile (1865-1951) - Swiss composer and teacher who developed a system of musical rhythmic education. Dalcroze institutes and schools were common in many countries.
7. Murav'ev V.N. *Ovladenie vremenem* [Mastering Time]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 1998, 320 p.
8. *Mysliteli Otechestva: Podolinskii Sergei Andreevich* [Thinkers of the Fatherland: Podolinsky Sergey Andreevich]. Moscow: Noosfera, 1991. 90 p.
9. Stalin I. *Ekonomicheskie problemy sotsializma v SSSR* [The Economic Problems of Socialism in the USSR]. Leningrad: Nauka, 1997, 90 p.

UDC 316.34

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-8-12

SOCIETAL DIMENSION OF THE LOCAL POPULATION'S LEGAL CULTURE OF SOUTHERN RUSSIA (BASED ON EMPIRICAL STUDIES)

L.V. Klimenko^a, **O.Yu. Posukhova**^a, **P.E. Budaev**^a

^a *Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

Ludmila V. Klimenko -
 Doctor of Philosophy, Professor,
 Higher School of Business, Southern Federal University,
 23-ya Liniya St., 43, Rostov-on-Don, 344019, Russia.
 E-mail: lucl@yandex.ru

Oxana Yu. Posukhova -
 Candidate of Sociology, Associate Professor,
 Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University,
 Pushkinskaya St., 160, Rostov-on-Don, 344006, Russia.
 E-mail: belloks@yandex.ru

Paul E. Budaev -
 Candidate of Sociology, Associate Professor,
 Higher School of Business, Southern Federal University,
 23-ya Liniya St., 43, Rostov-on-Don, 344019, Russia.
 E-mail: pavelbudaev@list.ru

The article focuses on the population's legal culture dynamics on multi-ethnic territories of Southern Russia in the context of ensuring the societal integrity of the local plural society. Based on re-comparative sociological studies from 2001-2019, which were held in the Rostov region, Adygea and Kabardino-Balkaria, we show that integrating legal values and civic activist attitudes are not dominant for residents of Southern Russia. The majority of the south Russia's population justifies the restriction of human rights by a variety of purposes. The country laws and the respondents' own ideas compete as the sources of social and legal behavior. From the first stage of the study to the last one the lagging dynamics of legal civil values in Adygea and the Rostov region is reported. It records the accelerating of this process in Kabardino-Balkaria. Becoming persistent heterogeneity of the right-wing cultural values and attitudes of the population is the factor that impedes the formation of the societal integrity of the multicultural Southern Russia.

Keywords: legal culture, societal integrity, multi-ethnic region, Southern Russia, legal values, knowledge and behavioral attitudes, republics of the North Caucasus, ethnocultural specificity.

References

1. Parsons T. *Sistema sovremennykh obshchestv* [The System of Modern Societies]. Moscow: Aspekt Press, 1998, 270 p.
2. *Problemy sotsiokul'turnoi modernizatsii regionov Rossii* [Problems of Sociocultural Modernization of Russian Regions]. Col. and Ed. N.I. Lapin, L.A. Belyaeva. Moscow: Academia, 2013, 416 p.
3. Klimenko L.V. *Dinamika sotsietal'noi sfery Yuga Rossii: sotsiokul'turnoe izmerenie: avtoref. dis. ... d-ra sotsiol. nauk* [The Dynamics of the Societal Sphere of the South of Russia: Sociocultural Dimension]. Maikop, 2016, 48 p.
4. Arutyunyan M., Zdravomyslova O., Kuril'ski-Ozhven Sh. *Obraz i opyt prava: pravovaya sotsializatsiya v izmenyayushcheysya Rossii* [The Image and Experience of Law: Legal Socialization in Changing Russia]. Moscow: Ves' mir, 2008, 208 p.
5. Almond G., Verba S. *Grazhdanskaya kul'tura i stabil'nost' demokratii* [Civic Culture and the Stability of Democracy]. *Politicheskie issledovaniya*. 1992, No. 4, pp. 122-134.
6. Miletskii V.P. *Pravovaya kul'tura kak faktor konsolidatsii i stabil'nosti sovremennogo rossiiskogo obshchestva* [Legal Culture as a Factor of Consolidation and Stability of Modern Russian Society]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gos. in-ta kul'tury*. 2015, vol. 208, pp. 222-228.
7. Smolenskii M.E. *Pravo i pravovaya kul'tura kak bazovaya tsennost' grazhdanskogo obshchestva* [Law and legal culture as the basic value of civil society]. *Zhurnal rossiiskogo prava*. 2004, No. 11, pp. 79-88.

UDC 316.77

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-13-16

MODERN APPROACHES TO A RESEARCH OF SOCIAL MEDIA

T.M. Kumpilov^a

^a *Adygea State University, Maykop, Russia*

Tagir M. Kumpilov -
 Postgraduate, Department of Philosophy and Sociology,
 Adygea State University,
 Pervomaiskaya St., 208, Maykop, Republic of Adygea, 385000, Russia.
 E-mail: tagir-kumpilov@mail.ru

In article terminological and methodological questions of a research of social media are considered. It is noted that in the modern society social media not only changed character and structure of communications, but also transformed institutional structure of society, having generated such scale phenomenon as mediatization of social life. In research literature institutional and social and constructivist approaches to the analysis of social media are allocated.

Institutional approach considers processes of sociocultural and the sotsiostructural transformations under the influence of social media. In the social and constructivist direction the way new media affect the principles of formation of a picture of the world by the subjects consuming media content, on construction of the identity by them is investigated. In works of Russian and foreign scientists technological, sociocultural and communicative aspects of influence of social media on life of society are analyzed.

Keywords: social media, mediatization, media content, social constructivism, institutional approach, social communications.

References

1. *Statistika interneta i sotssetei 2018–2019 v mire i v Rossii* [Statistics of the Internet and Social Networks 2018–2019 in the World and in Russia]. Available at: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii/> (accessed 11.05.2019).
2. Maklyuen M. *Ponimanie Media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: Human External Extensions]. Tr. from Engl. by V.G. Nikolaev. Moscow: Giperboreya; Kuchkovo pole, 2007, 462 p.
3. Denikin A.A. Kritika podkhodov k issledovaniyu praktik novykh media [Criticism of Approaches to the Study of New Media Practices]. *Nauka televideniya*. 2014, No. 11, pp. 259–277.
4. Lisenkova A.A., Mel'nakova A.Yu. Tsifrovye media kak zerkalo sovremennoi kul'tury [Digital Media as a Mirror of Modern Culture]. *Nauchnoe obozrenie*. 2018, No. 1.
5. Neyaskin G.N. [The Impact of Social Media on Business Communications]. *Dialogicheskie kommunikatsii v biznese* [Dialogue Communication in Business]. Proceedings of the Internet conference. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/text/33378753/> (accessed 11.05.2019).
6. Kaplan A.M., Haenlein M. Users of the World, Unite Challenges and Opportunities of Social Media. *Business Horizons*. 2010, No. 53 (1).
7. Doroshchuk E. S. Sotsial'nye media kak instrument dialoga kul'tur [Social Media as a Tool for Dialogue of Cultures]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. 2017, No. 2 (24). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-media-kak-instrument-dialoga-kultur> (accessed 11.05.2019).
8. Golovleva E.L. *Massovye kommunikatsii i mediaplanirovanie* [Mass Communications and Media Planning]. Rostov-on-Don: Feniks, 2008.
9. Gillin P. *The New Influencers: A Marketer's Guide to the New Social Media*. Fresno: Quill Driver Books, 2007.
10. Gureeva A.N. Teoreticheskoe ponimanie mediatizatsii v usloviyakh tsifrovoi sredy [Theoretical Understanding of Mediatization in a Digital Environment]. *Vestn. Moskovskogo un-ta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 2016, No. 6.
11. Dukin R.A. Fenomen sotsial'nykh media: problema sotsiologicheskogo osmysleniya [The Phenomenon of Social Media: the Problem of Sociological Understanding]. *Vestn. Nizhegorodskogo un-ta im. N.I. Lobachevskogo. Sotsial'nye nauki*. 2015, No. 4 (40).
12. Chumikov A.N. *Mediarileishnz* [Media relations]. Stud. Book for Higher Schools. Moscow: Aspekt-Press, 2014.
13. Safio L., Brake D. K. *The social media bible: tactics, tools, and strategies for business success*. Hoboken, N. J.: John Wiley & Sons, 2009, XVIII.
14. Graham P. *Web 2.0 and Why?* November, 2005. Available at: <http://www.paulgraham.com/web20.html> (accessed 11.12.2013).
15. Stins O., Van Fukht D. Novye media [New Media]. Tr. from Engl. by N. Berger // *Vestn. VolGU. Seriya 8*. 2008, iss. 7.
16. Chen' D. Sotsial'nye setevye media i sotsial'nye seti v kontseptsyakh amerikanskikh i rossiiskikh issledovatelei [Social Network Media and Social Networks in the Concepts of American and Russian Researchers]. *Vestn. SPbGU. Seriya 9*. 2012, iss. 3.
17. Hepp A., Hasebrink U. Human interaction and communicative figurations: The transformation of mediatized cultures and societies. *Mediatization of Communication. Handbooks of Communication Science*. K. Lundby (ed.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2014, vol. 21.
18. Hjarvard S. Doing the Right Thing: Media and Communication Studies in a Mediatized World. *Nordicom Review*. 2012, No. 33.

19. Grishaeva E.I. Vozmozhnosti i granitsy primeneniya teorii mediatizatsii k issledovaniyu religii v publicnom prostranstve: opyt Skandinavskikh stran [Possibilities and Limits of the Application of the Theory of Mediatization to the Study of Religion in Public Space: the Experience of the Scandinavian Countries]. *Vestn. Leningradskogo gos. un-ta im. A.S. Pushkina*. 2018, No. 1.
20. Hepp A., Hjarvard S., Lundby K. Mediatization: Theorizing the Interplay between Media, Culture and Society. *Media, Culture & Society*. 2015, No. 18.
21. Hjarvard S. Mediatization and cultural and social change: an institutional perspective. *Mediatization of Communication. Handbooks of Communication Science*. K. Lundby (ed.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2014, vol. 21.
22. Hepp A. *Cultures of Mediatization*. Cambridge: Polit, 2013.
23. Kim V., Kim H.Y. Growing as Social Beings: How Social Media Use for College Sports Is Associated with College Students' Group Identity and Collective Self-esteem. *Computers in Human Behavior*. 2019, No. 18.
24. Angelo A.L., Bonelli F., Paglieri T., Reggiani F.S. Civility and trust in social media. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2019, No. 160.
25. Kavanaugh A.L., Fox E.A., Sheetz S. D., Yang S., Li T.L., Shoemaker D. J., Natsev A., Xie L. Social media use by government: from the routine to the critical. *Government Information Quarterly*. 2012, No. 29 (4).
26. Leea G. Y., Kwakb H. An Open Government Maturity Model for social media-based public engagement. *Government Information Quarterly*. 2012, No. 29 (4).

UDC 168.3

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-17-21

LEGAL ARGUMENTATION: LOGICAL AND LINGUISTIC ASPECTS***Yu.D. Parunova***^a^a *Crimean Branch, Russian State University of Justice, Simferopol, Russia*

*Yulia D. Parunova -
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines,
Crimean Branch, Russian State University of Justice,
Pavlenko St., 5, Simferopol, 295006,
Republic of Crimea, Russia.
E-mail: mif1974@mail.ru*

In connection with the importance of argumentation as a method of persuasion, designed for rationale of any statement in the legal sphere, in our article we attempted to identify the specifics of the logical and linguistic aspects of the legal argumentation based on the theoretical foundations of the interrelation of language and thinking. For this purpose, the peculiarities of legal argumentation were revealed, the main properties of which are rationality, social and dialogical conditionality, correlation with the discourse of written law, verbal form of expression. In the article linguistic means of expression of thought and legal arguments were listed. They are imperative constructions, syntactic expressions with the meaning of conditionality, including infinitive, lexical means with the semantics of obligation and necessity, and abstract vocabulary. Such features of speech style of legal reasoning as rituality, traditional character, narrow range of vocabulary choices, the use of set phrases and verbal clichés are identified. On the example of the analysis of the thesis, foundation and demonstration the features of the structure of legal reasoning were considered. The main types of persuasive arguments were distinguished: facts, provisions of the current legislation, legal concepts. We suggested some methods of acquisition of argumentation devices by law students, in particular a role-playing game when professional tasks are solved by means of game modeling of a real problem situation.

Keywords: *argumentation, legal argumentation, rationality, legality, thesis, argument, demonstration, persuasion.*

References

1. Baranov V.M. Spetsifika yuridicheskoi argumentatsii v protsesse kritiki zakonodatel'stva [The Specifics of Legal Argumentation in the Process of Criticizing the Law]. *Yuridicheskaya argumentatsiya: teoriya, praktika, tekhnika (Tret'i Babaevskie chteniya)* [Legal Argumentation: Theory, Practice, Technique (Third Babaev Readings)]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 2013, No. 7, ch. 1.
2. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Infra-M, 2006, 570 p.
3. Kondakov N.I. *Logicheskii slovar'-spravochnik* [Logical Reference Dictionary]. Moscow: Nauka, 1975, 721 p.
4. Zaitsev D.V. Logika i argumentatsiya [Logic and Reasoning]. *RATsIO.ru*. 2009, No. 1, pp. 22-42.

5. Makeeva E.A. *Pravovaya argumentatsiya kak ob"ekt gnoseologicheskogo analiza: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Legal Argumentation as an Object of Epistemological Analysis]. Moscow, 2003, 21 p.
6. Kuznetsov A.P. Pravovaya argumentatsiya: ponyatie, sushchnostnaya kharakteristika, znachenie [Legal Argumentation: Concept, Essential Characteristic, Meaning]. *Vestn. Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*. 2013, No. 23, pp. 15-21.
7. Bachaliashvili O.V. Argumentatsiya kak rechevoe deistvie v sudebnom diskurse [Argumentation as a Speech Action in Judicial Discourse]. *Vestn. Leningradskogo un-ta im. A.S. Pushkina*. 2013, No. 4, vol. 1, pp. 169-175.
8. Eemeren Kh.F., van, Grootendorst R. *Argumentatsiya, kommunikatsiya i oshibki* [Argumentation, Communication and Mistakes]. Saint Petersburg: Vasil'evskii ostrov, 1992, 207 p.
9. Palashevskaya I.V. Modelirovanie skriptov yuridicheskogo diskursa [Modeling of the Legal Discourse Scripts]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2010, No. 2 (28), pp. 316-323.
10. Belokon' N.V. Yazykovye osobennosti argumentatsii v resheniyakh Konstitutsionnogo suda Rossiiskoi Federatsii [Linguistic Features of Argumentation in Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 2013, No. 7, vol. 1, pp. 78-82.
11. Demina L.A. Nekotorye aspekty argumentatsii v oblasti prava [Some Aspects of Argumentation in the Field of Law]. *RATsIO.ru*. 2012, No. 7, pp. 54-61.

UDC 160.1

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-22-25

LOGIC AND CRITICAL THINKING: HISTORY AND MODERNITY

N.A. Khodikova^a

^a *Academy of EMERCOM State Fire Service of the Russian Federation, Moscow, Russia*

*Nina A. Khodikova -
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Department of Philosophy,
Academy of EMERCOM State Fire Service of the Russian Federation,
Borisa Galushkina St., 4, Moscow, 129366, Russia.
E-mail: 5856243@mail.ru*

The article deals with the problem of connection between the phenomenon of critical thinking widely discussed today and logic in its traditional and modern understanding. The article justifies importance of critical thinking because of the need to move from the information society to the society of knowledge. The properties of critical thinking are discussed and three aspects of it are distinguished in connection with these properties: logical, informational and psychological. The logical aspect is related to the doctrine of correct deductions. The information aspect involves the ability to deal with information, to assess its quality. The psychological aspect includes reflection, the ability to remain unbiased, to recognize the value of someone else opinion, to change their position depending on new information. The paper analyzes concepts of psychologism and antipsychologism in logic. It makes the conclusion of the insolvency extreme antipsychologism and the need to consider and use the practical ability of logic to critical assessment of actual arguments, and error correction. There are analyzed two classical logical works: "Logic or art of thinking" by Antoine Arnault and Pierre Nicole and "System syllogistical logic and inductive" by John Stuart Mill. The thesis of the direct connection of logic in its traditional understanding with all three aspects of critical thinking is substantiated. The article gives the conclusion about the wide possibilities of logic in further studies of critical thinking and ways of its development.

Keywords: *societies of knowledge, critical thinking, logic, Antoine Arnault and Pierre Nicole, John Stuart Mill.*

References

1. Turchevskaya B.K. Prakticheskii povorot v prepodavanii logiki [Practical Turn in Teaching Logics]. *Problemy vysshego obrazovaniya*. 2018, No. 1, pp. 117-119.
2. *K obshchestvam znaniy* [Towards Knowledge Societies]. UNESCO World Report. Moscow: YuNESKO, 2005, 239 p.
3. Khodikova N.A. Psikhologicheskie problemy modelirovaniya protsessov myshleniya, svyazannye s teoriei poiska vyvoda [Psychological Problems of Modeling the Processes of Thinking Associated with the Theory of Finding a Conclusion]. *Chelovecheskii kapital*. 2017, No. 7 (103), pp. 60-63.
4. Bryushinkin V.N. [Logic and Procedures of Searching Conclusion]. *Logicheskie issledovaniya* [Logical investigation]. A.S. Karpenko (ed.). Moscow; Saint Petersburg: TsGI, 2010, pp. 85-105.

5. Bryushinkin V.N., Khodikova N.A. *Teoriya poiska vyvoda. Proiskhozhdenie i filosofskie prilozheniya* [Theory of Inference Search. Origin and Philosophical Applications]. Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I. Kanta, 2012, 166 p.
6. Griftsova I.N. *Logika kak teoreticheskaya i prakticheskaya distsiplina. K voprosu o sootnoshenii formal'noi i neformal'noi logiki* [Logic as a Theoretical and Practical Discipline. On the Correlation of Formal and Informal Logic]. Moscow: Editorial URSS, 1998, 151 p.
7. Dragalina-Chernaya E.G. *Obrazy logiki i stili rassuzhdeniya: neformal'no o logicheskoi forme* [Logic Images and Reasoning Styles: Informally about Logical Form]. *Prepodavatel' XXI vek*. 2015, No. 2-3, pp. 232-241.
8. Bobrova A.S. *Kriticheskoe myshlenie ili logika?* [Critical Thinking or Logic?]. *Logiko-filosofskie shtudii*. 2018, vol. 16, No. 3, pp. 200-216. Available at: <http://ojs.philosophy.spbu.ru/index.php/lphs/issue/view/65> (accessed 03.09.2019).
9. Arno A., Nikol' P. *Logika, ili Iskusstvo myslit'* [Logic, or the Art of Thinking]. Moscow: Nauka, 1991, 417 p.
10. Subbotin A.L. ["Logic of Por Royal" and its Place in the History of Logic. Introductory article]. Arno A., Nikol' P. *Logika, ili Iskusstvo myslit'* [Logic, or the Art of Thinking]. Moscow: Nauka, 1991, pp. 391-405.
11. Ivanovskii VI. [John Stuart Mill (1806-1873) and his System of Logic. Introductory article]. Mill' Dzh.S. *Sistema logiki sillogisticheskoi i induktivnoi* [Syllogistic and Inductive Logic System]. Moscow: LENAND, 2011, pp. 17-58.
12. Mill' Dzh.S. *Sistema logiki sillogisticheskoi i induktivnoi* [Syllogistic and Inductive Logic System]. Moscow: LENAND, 2011, 832 p.

UDC 101.02.51.25

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-26-33

ANNIHILATION OF THE PATRIARCHY AS A MECHANISM FOR PLANTING FEMALE GENERATION

A.E. Shishkin^a

^a *Samara Medical University "Reaviz", Samara, Russia*

*Alexey E. Shishkin -
Candidate of Pedagogics, Associate Professor,
Department of Humanitarian Disciplines,
Samara Medical University "Reaviz",
Chapaevskaya St., 227, Samara, 443001, Russia.
E-mail: ladomir12345@rambler.ru*

Introduction. *The subject of this article is artificial technologies for the destruction of patriarchy and the planting of female generation. Analysis of the transformation of the gender relations values indicates a connection with the technologies for extracting superprofits. Women in supermarkets feel comfortable, but their consumer potential has been exhausted. Multinationals need extra profit. From here the idea of transcoding a man into a "woman" is born.*

Research methods. *The research methodology reveals the content of key concepts in gender relations, clarifies the content of their transformation; reveals the meaning of the artificial vector of changes in internal relations through the abolition of traditions; provides factual material for the analysis of the reliability of the results and offers a way out to modern humanity through the concept of communitarianism. The dialectical approach is presented in the unity and struggle of opposites.*

The results of the study. *The processes associated with the divergence and convergence of society, we reflected, on the one hand, in technology for lobbying a business woman and promoting a female career to destroy the family. On the other hand, they introduced the technology of separate gender education; mechanism for the education of patriotism through the passage of the initiation of boys; technology to support a three-generational family to revive traditional relations and restore the balance of power in the world.*

Conclusion. *The destruction of traditional communitarian relations in primitive clan and then neighboring or territorial communities entailed the processes of entropy of a person, family, and society. The rejection of the hierarchy in the family in the modern world brings another historical collapse. A holy place does not exist empty: either the traditional patriarchal hierarchy, or the thalassocrats in geopolitical claims will establish a global storyline machinery for managing supervised humanity.*

Keywords: *mondialism, homosexuality, tradition, detocentrism, patriarchy, female generation, investment, fluctuation, monetarism.*

References

1. Fatenkov A.N. *Sotvorenie i porozhdenie v dialektike muzhskogo i zhenskogo* [Creation and Procreation in Dialectic of the Male and Female]. *Filosofiya khozyaistva*. 2018, No. 4, pp. 163-169.

2. Giddens E. *Transformatsiya intimnosti: Seksual'nost', lyubov' i erotizm v sovremennykh obshchestvakh* [Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies]. Tr. from Engl. by V. Anurin. Saint Petersburg: Piter print, 2004.
3. Grednovskaya E.V. *Krizis gendernoi identichnosti: diskursy i praktiki: sotsial'no-filosofskii aspekt analiza* [The Crisis of Gender Identity: Discourses and Practices: Socio-philosophical Aspect of Analysis]. Ekaterinburg, 2007, 209 p.
4. Pul'kinen T. [About Performative Gender Theory. Problematization of Sex Categories of Judith Butler]. *Germenevtika i dekonstruktsiya* [Hermeneutics and Deconstruction]. V. Shtegmaier, H. Frank, B. V. Markov (eds). Saint Petersburg, 1999, pp. 167-181.
5. Ryabov O.V. *Russkaya filosofiya zhenstvennosti (XI–XX veka)* [Russian Philosophy of Femininity (11-20th centuries)]. Ivanovo: Yunona, 1999, 360 p.
6. *Semeinoe vospitanie i shkola v Rossii* [Family Upbringing and School in Russia]. Moscow: Kapital i kul'tura, 1994, 153 p.
7. Pimukova A.Yu. *Polozhenie zhenshchiny v Rossii (IX v. – 1861 g.)* [The Position of Women in Russia (9th Century - 1861)]. Penza: Penz. gos. ped. un-t, 2010.
8. Yakovkina N.I. *Istoriya russkoi kul'tury. XIX vek* [History of Russian Culture. 19th Century]. Saint Petersburg: Lan', 2000, 574 p.
9. Khomyakov A.S. *Soch.* [Works]: in 2 vol. Moscow: Medium, 1994, vol. 1, 591 p.
10. Yung K.G. *Analiticheskaya psikhologiya* [Analytical Psychology]. Saint Petersburg: Piter, 1994, 136 p.
11. Potter V.R. *Global bioethics: building on the Leopold Legacy*. Michigan: Edward brothers, Inc., 1988, 202 p.
12. Sokolov E.V. *Georg Zimmel': filosofiya kul'tury* [Georg Simmel: Philosophy of Culture]. Saint Petersburg: DNK, 2003.
13. Bogdanovich I.F. [On the Education of Youth]. *Antologiya pedagogicheskoi mysli Rossii pervoi poloviny XIX veka* [Anthology of Pedagogical Thought of Russia in the First Half of 20th Century]. Com. by P.A. Lebedev. Moscow: Pedagogika, 1987, 560 p.
14. Khomyakov A.S. *O starom i novom: stat'i i ocherki* [About Old and New: Articles and Essays]. Moscow: Sovremennik, 1988, 461 p.
15. Bezrukova A.A. Problema kategorii pola v otechestvennoi sotsial'no-filosofskoi mysli XIX – XX vekov [The Problem of the Sex Category in Domestic Social and Philosophical Thought of the 19-20th Centuries]. *Vestn. Maikopskogo gos. tekhnologicheskogo un-ta*. 2010, iss. 4.
16. Platonov O. *Svyataya Rus' i okayamaya nerus'* [Holy Russia and 'Cursed Non-Russians]. Moscow: Algoritm, 2005, 704 p.
17. Drach G.V. *Rozhdenie antichnoi filosofii i nachalo antropologicheskoi problematiki* [The Birth of Ancient Philosophy and the Beginning of Anthropological Problems]. Moscow: Gardariki, 2003, 318 p.
18. Mei R. *Problema trevogi* [Problem of Anxiety]. Moscow: EKSMO-Press, 2001, 432 p.
19. Platon. *Sofist* [Sophist]. Saint Petersburg: Platonovskoe filosofskoe obshchestvo, 2019, 261 p.
20. Andreev Yu.V. *Tsena svobody i harmonii. Neskol'ko shtrikhov k portretu grecheskoi tsivilizatsii* [The Price of Freedom and Harmony. A Few Touches to the Portrait of Greek Civilization]. Saint Petersburg: Aleteiya, 1998, 399 p.
21. Drach G.V. [Agonality in culture: history and everyday life]. *Kul'turnoe mnogoobrazie: ot proshlogo k budushchemu* [Cultural Diversity: from Past to Future]. Proceedings of 2th Ros. Cultural Congr. with International Participation. Saint Petersburg, 2008, pp. 169-170.
22. Kalashnikova N.K. *Agonal'nye osnovy kul'tury donsogo kazachestva: dis. ... kand. filos. nauk* [Agonal Foundations of the Culture of the Don Cossacks]. Rostov-on-Don, 2005, 117 p.
23. Yarovoi A.V. *Sotsiokul'turnye proektsii agonal'nosti* [Sociocultural Projections of Agonality]. Rostov-on-Don, 2012, 298 p.
24. Logunova L.Yu. *Semeino-rodovaya pamyat': vremennye ipostasi i sotsial'nye resursy* [Family-Tribal Memory: Temporary Hypostases and Social Resources]. *Vestn. Tomskogo gos. un-ta*. 2014, No. 379, pp. 69-75.
25. Petrov M.K. *Yazyk. Znak. Kul'tura* [Language. Sign. Culture]. Moscow: Nauka, 1991, 328 p.
26. Rebrin V.A. *Metodologicheskie problemy sotsialisticheskogo obshchestvennogo soznaniya* [Methodological Problems of Socialist Social Consciousness]. Novosibirsk, 1974, 154 p.
27. Shteinberg A.G. *K voprosu ob ontologii zhenstvennosti*. K.G. Yung [On the Ontology of Femininity. K.G. Jung]. *Filosofiya khozyaistva*. 2018, No. 4, pp. 186-193.
28. Yung K.G. *Problemy dushi nashego vremeni* [Soul Problems of Our Time] Tr. from Germ. Moscow: Progress; Univers, 1994, 331 p.
29. Shishkov S.S. *Istoricheskie sud'by zhenshchin, detoubiistvo i prostitutsiya* [Women's Historical Fate, Infanticide and Prostitution]. In 2 vol. Saint Petersburg: Izd. Shigina, 1898, vol. 1, 894 p.
30. Pushkareva N.L. *Sem'ya, zhenshchina, seksual'naya etika v pravoslavii i katolitsizme: perspektivy sravnitel'nogo podkhoda* [Family, Woman, Sexual Ethics in Orthodoxy and Catholicism: Prospects for Comparative Approach]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1995, No. 3, pp. 55-70.
31. Chernyshevskii N.G. *Chto delat'? Iz rasskazov o novykh lyudyakh* [What to Do? From Stories about New People]. Moscow: Khudozhestvennaya lit-ra, 1985, 399 p.

32. Klein L. *Drugaya lyubov'. Priroda cheloveka i gomoseksual'nost'* [Another Love. Human Nature and Homosexuality]. Saint Petersburg: Folio-press, 2000, 864 p.
33. Solodnikov V.V. Sem'ya: sotsiologicheskaya i sotsial'no-psikhologicheskaya paradigmy [Family: Sociological and Socio-Psychological Paradigm]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2008, No. 1, pp. 130-138.
34. Golod S.I. Prokreatsiya, plyural'nost' eroticheskogo landshafta. Istoriya i sovremennoe sostoyanie [Procreation, Plurality of Erotic Landscape. History and Current Status]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2008, No. 12, pp. 82-90.
35. Kon I.S. O normalizatsii gomoseksual'nosti [On the Normalization of Homosexuality]. *Seksologiya i seksopatologiya*. 2003, No. 2, pp. 2-12.
36. Nabokov V. [Carnal Crimes on the Draft of Criminal Code]. *Sbornik statei po ugovnomu pravu* [Collection of Articles on Criminal Law]. Saint Petersburg: Obshchestvennaya pol'za, 1904, 316 p.
37. Gel'man I. *Polovaya zhizn' sovremennoi molodezhi: opyt sotsial'no-biologicheskogo issledovaniya* [Sexual Life of Modern Youth: the Experience of Socio-biological Research]. Moscow; Pyatigorsk: Gos. izd-vo, 1925, 152 p.
38. Rubinshtein M. *Yunost'* [Youth]. Moscow, 1928, 276 p.
39. Gannushkin P. *Sladostrastie, zhestokost' i religiya* [Voluptuousness, Cruelty and Religion]. Sel. works. Moscow: Meditsina, 1964, pp. 80-94.
40. Blyumin I. [About Some Functional Signs of Homosexuality]. *Voprosy seksopatologii* [Questions of sexopathology]. Moscow: Moskovskii NII psikiatrii, 1969.
41. Zhukov Yu. [On the Issue of Homosexuality of Patients with Alcoholism]. *Voprosy seksopatologii* [Questions of sexopathology]. Moscow: Moskovskii NII psikiatrii, 1969.
42. Goland Ya. [On the Stepwise Construction of Psychotherapy for Male Homosexuality]. *Voprosy seksopatologii* [Questions of sexopathology]. Moscow: Moskovskii NII psikiatrii, 1972, 509 p.
43. Smelzer N. *Sotsiologiya* [Sociology]. Tr. from Engl. V.A. Yadov (ed.). Moscow: Feniks, 1994, 688 p.
44. Kabyshcha A.V., Tul'chinskii M.R. Paradigma otechestvennoi sotsiologii v zerkale normalizovannoi leksiki INION [The Paradigm of Domestic Sociology in the Mirror of INION Normalized Vocabulary]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1991, No. 9, pp. 22-37.
45. Demina M.G., Kravchenko V.S., Chep'yuk O.R. Ot kreativnoi ekonomiki k esteticheskomu kapitalizmu: k voprosu o roli emotsii v ekonomicheskoi kommunikatsii [From Creative Economics to Aesthetic Capitalism: to the Question of the Role of Emotions in Economic Communication]. *Filosofiya khozyaistva*. 2018, No. 4, pp. 70-79.
46. Zadorozhnyi G.V. Unomika i globalistika kak okonechennyye sud'bonosnyye nauki o lichnosti i khozyaistve [Onomics and Global Studies as the Final Fateful Sciences of the Individual and the Economy]. *Filosofiya khozyaistva*. 2018, No. 4, pp. 61-70.
47. Bauman Z. [Identity in a Globalizing World]. *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized Society]. Available at: <http://www.vtk.interro.ru/book/print/155.htm> (accessed 11.05.2018).
48. Kozlova N. *Gender i vkhozhdenie v modern* [Gender and Entry in the Modern]. Available at: <http://www.ecsocman.edu.ru/ons/msg/154845.html> (accessed 11.05.2018).
49. Dyurkgeim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [On the Division of Social Labor]. Tr. from Fr. by A. B. Gofman; notes by V. V. Sapov. Moscow: Kanon, 1996, 432 p.

HISTORICAL SCIENCES

UDC 947

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-34-38

GIANT OF THE NORTH CAUCASIAN INDUSTRY – PLANT “DVIGATELSTROY” IN THE CASPIAN SEA (1932-1940)

M. S. Guseinov^a, M. M. Idrisov^a

Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Medzhid Sh. Guseinov -

Doctor of History, Professor, Department of Russian History,

Dagestan State University,

Korkmasova St., 8, Makhachkala, Republic of Dagestan, 367000, Russia.

E-mail: medzhidguseynov@mail.ru

Magomed M. Idrisov -
 Candidate of History, Associate Professor, Department of Russian History,
 Dagestan State University,
 Korkmasova St., 8, Makhachkala, Republic of Dagestan, 367000, Russia.
 E-mail: immh7@mail.ru

The article is devoted to an important event of Dagestan in the pre-war years of 1932-1940 of the construction of the plant "Dvigatelstroy". Along with the construction of the plant, the construction of housing and other objects of a social nature was also going on.

Construction was led by the people's Commissariat of heavy industry of the USSR. The Soviet government allocated large funds for the accelerated construction of this facility. By the middle of 1935 the first mechanical, tool, woodworking shops and other objects were put under installation. To create an energy base, the plant built a large thermal power plant. Her whole under-water part was built on the shore in the pit with a capacity of 530 thousand cubic meters. In 1939 the plant reached its design capacity.

Keywords: "Dvigatelstroy", industrial construction, plant, provision of personnel, provision of materials.

References

1. Guseinov M.Sh. *Rossiya i industrial'noe razvitiye Dagestana. Konets XIX – 30-e gg. XX v.: dis. ... d-ra ist. nauk* [Russia and Industrial Development of Dagestan. The End of 19th - 30s of 20th Century]. Makhachkala, 2004, 443 p.
2. *TsGA RD* [Central State Archive of Dagestan Republic]. Fund 1-p. In. 1. File 2010.
3. *TsGA RD* [Central State Archive of Dagestan Republic]. Fund 1-p. In. 1. File 2750.
4. *TsGA RD* [Central State Archive of Dagestan Republic]. Fund 1-p. In. 1. File 2375.
5. *TsGA RD* [Central State Archive of Dagestan Republic]. Fund 1-p. In. 1. File 2380.
6. *TsGA RD* [Central State Archive of Dagestan Republic]. Fund 1-p. In. 1. File 2306.
7. Guseinov M.Sh. *Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' Dagestana nakanune Velikoi Otechestvennoi voiny 1941-1945 gg.* [Factory Industry of Dagestan on the Eve of the Great Patriotic War of 1941-1945]. *Vestn. DGU*. 2019, No. 1.
8. *TsGA RD* [Central State Archive of Dagestan Republic]. Fund 1-p. In. 1. File 2383.
9. *TsGA RD* [Central State Archive of Dagestan Republic]. Fund 1-p. In. 1. File 3841.
10. *TsGA RD* [Central State Archive of Dagestan Republic]. Fund 1-p. In. 1. File 3629.
11. *Daesh' dvigatel'*. 2002, November 29.
12. Gadzhiev R.S. *Deyatel'nost' KPSS po sozdannoi energeticheskoi promyshlennosti Dagestana (1921-1940)* [Activities of the CPSU on the creation of the energy industry of Dagestan (1921-1940)]. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1967, 20 p.
13. Kirilenko G. *O shkole i o sebe. 50 let spustya: v vospominaniyakh uchenikov i uchitelei shkol g. Kaspiiska (1938–1956)* [About School and about Himself. 50 Years Later: in Memoirs of Pupils and Teachers of Schools of Kaspiysk (1938–1956)]. Makhachkala: Tip. Rossel'khozakademii, 2004, 253 p.

UDC 94(470.67)

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-39-43

THE ECONOMIC ACTIVITY OF THE INHABITANTS OF DERBENT OWNERSHIP IN THE 15-17th CENTURIES

A.M. Ibragimov^{a, b}

^a *Derbent Museum-Reserve, Derbent, Russia,*

^b *Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center,
 Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia*

Ali M. Ibragimov -
 Director,
 Derbent Museum-Reserve,
 M. Rzaeva St., 7, Derbent, Republic of Dagestan, 368608, Russia;
 Postgraduate, Institute of History, Archeology and Ethnography,
 Dagestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences,
 M. Yaragskogo St., 75, Makhachkala, Republic of Dagestan, 367030, Russia.
 E-mail: sharafutdin@list.ru

In this article the main types of economic activities of residents of the Derbent region in the 15-17th centuries are considered. On the basis of written sources, it was established that in the region of Derbent the agriculture was developed, they grew different varieties of grain crops - wheat, barley, rye, rice, and artificial irrigation was used. The presence of a significant number of rivers and reservoirs allowed the inhabitants of the region to water arable land, which made it possible to get a good harvest. A significant role was played by horticulture and viticulture, which, along with wine-making, was a traditional branch of the region's economy. Amongst industrial crops, the inhabitants of the region grew marenne, the roots of which were used as a natural dye of bright red color, saffron, flax, and cotton. Particular importance was attached to the production of raw silk, which was in great demand in Moscovia and Europe. Handicraft production was mainly concentrated in city and it was based on the processing of agricultural products, and domestic crafts were developed in the territory of the "okrug" in almost every household. One of the most developed branches of the craft in city was the manufacture of silk fabrics and weaving, paper making and crafts related to fishing and seal hunting. All kinds of domestic animals were known in the Derbent area. Cattle, in particular, buffaloes and horses, were used as a force for riding and for various agricultural and transport works, as well as for the production of meat and dairy products.

Keywords: Middle Ages, Derbent district, economic activity, agriculture, cattle breeding, gardening, viticulture, crafts, weaving.

References

1. *Dagestan v izvestiyakh russkikh i zapadno-evropeiskikh avtorov XIII – XVIII vv.* [Dagestan in the News of Russian and Western European Authors of the 13-18th Centuries]. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1992, 304 p.
2. Gadzhiev M.G., Davudov O.M., Shikhsaidov A.R. *Istoriya Dagestana s drevneishikh vremen do kontsa XV v.* [The History of Dagestan from Ancient Times to the End of the 15th Century]. Makhachkala: Izd-vo DNTS RAN, 1996, 450 p.
3. Kudryavtsev A.A. *Feodal'nyi Derbent: Puti i zakonomernosti razvitiya goroda v VI – seredine XIII v.* [Feudal Derbent: Ways and Patterns of Development of the City in 6th - the Middle of the 13th Century]. Moscow: Nauka, 1993, 320 p.
4. Ali-Zade A.A. *Sotsial'no-ekonomicheskaya i politicheskaya istoriya Azerbaidzhana XIII – XIV vv.* [Socio-Economic and Political History of Azerbaijan 13-14th Centuries]. Baku: Izd-vo AN AzSSR, 1956, 420 p.
5. Petrushevskii I.P. *Zemledelie i agrarnye otnosheniya v Irane XIII – XIV vv.* [Agriculture and Agrarian Relations in Iran 13-14th Centuries]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1960, 492 p.
6. *Puteshestvenniki ob Azerbaidzhane* [Travelers about Azerbaijan]. Vol. 1. Baku: Izd-vo AN AzSSR, 1961, 500 p.
7. Olearii A. *Opisanie puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno* [Description of the Journey to Moscovia and through Moscovia to Persia and Back]. Saint Petersburg: Izd-vo A.S. Suvorina, 1906, 578 p.
8. Streis Ya. Ya. *Tri puteshestviya* [Three Travels]. Moscow: Sotsekgiz, 1935, 415 p.
9. *Khozhenie kuptsa Fedota Kotova v Persiyu* [Merchant Fedot Kotov's Trip to Persia]. Moscow: Vost. lit-ra, 1958, 111 p.
10. Ragimov A.R. O kasidakh, posvyashchennykh Badrom Shirvani pravatelyu Derbenta amiru Isfandiiru i komendantu kreposti amiru Iftikharu [About Kasids Dedicated to Badr Shirvani to the Ruler of Derbent, Amir Isfandiyar and the Commandant of the Fortress, Amir Iftikhar]. *Izv. AN AzSSR.* 1978, iss. 1, pp. 54-62.
11. Magomedov N.A., Magaramov Sh.A. Modernizatsiya ekonomicheskoi deyatel'nosti Derbenta petrovskim pravitel'stvom [Modernization of Economic Activity of Derbent by the Petrine Government]. *Vestn. Kemerovskogo gos. un-ta.* 2016, No. 4, pp. 69-73.
12. Magaramov Sh.A. Anglichane na Kaspiiskom more XVI v. [British on the Caspian Sea 16th Century]. *Vestn. Kemerovskogo gos. un-ta.* 2017, No. 3, pp. 62-66.
13. *Angliiskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI v.* [English Travelers in the Moscow State in 16th Century]. Leningrad: Sotsekgiz, 1937, 310 p.
14. Chelebi E. *Kniga puteshestviya* [The Book of Travel]. Iss. 3. Moscow: Nauka, gl. red. vost. lit-ry, 1983, 225 p.
15. Butkov P.G. [Excerpts from the "Draft Report on the Persian Expedition in the Form of Letters"]. *Istoriya, geografiya i etnografiya Dagestana XVIII – XIX vv.* [History, Geography and Ethnography of Dagestan 18-19th Centuries]. Moscow: Izd-vo vost. lit-ry, 1958, pp. 200-208.
16. Shikhsaidov A.R. *Dagestan v X–XIV vv.: Opyt sotsial'no-ekonomicheskoi kharakteristiki* [Dagestan in the 10-14th Centuries: The Experience of Socio-economic Characteristics.]. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1975, 176 p.

UDC 94:325.11

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-44-53

ADMINISTRATIVE POSITION DARUGA IN MEDIEVAL DAGESTAN

A.D. Kurbanov^a, M.I. Kayayev^a^a Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Akhmed D. Kurbanov -
Doctor of History, Associate Professor, Professor, Department of National History,
Dagestan State University,
Gadzhiyeva St., 43a, Makhachkala, Republic of Dagestan, 367000, Russia.
E-mail: ahmed2005@mail.ru

Mikdad I. Kayayev -
Student, Faculty of History,
Dagestan State University,
Gadzhiyeva St., 43a, Makhachkala, Republic of Dagestan, 367000, Russia

The institution of viceroys *daruga* was used to manage certain areas in the Mongolian state. It existed in many lands and after the collapse of fragments of the once unified state. The duties of these administrative workers included monitoring the census of the sub-indigenous population, laying out the duties, collecting taxes, etc. This administrative position spread in the first half of the 13th century in Dagestan and existed until the 18th century. Evolution of legal status and evolution of authority of the official is traceable based on the messages of Dagestan historical works and other sources. The translation, analysis and interpretation of materials collected by the Dagestan enlightener Ali Kayayev take significant place in the article. They were previously published in Laksky language.

The origin of the term “*daruga*” is a separate component of the study, where the different version in historical science is offered. Based on the authors' assumption, the authoritarian system, was based on the Central Asian traditions of government, which were borrowed, and in the new conditions they reflected the interests of the ruling Mongol elite. At the same time, the influence of Islamic advisers on the creation of this system is indisputable.

Keywords: *daruga*, *baskac*, *viceroys*, *status*, *Ghazi-Kumukh shamkhalate*, *khanate*, *Dagestan*, *North Caucasus*.

References

1. Satybalov A.A. Sotsial'no-politicheskie terminy tyurko-yazychnykh dokumentov epokhi feodalizma v nekotorykh yazykakh severo-vostochnogo Kavkaza [Socio-political Terms of Turkic-Language Documents of the Era of Feudalism in Some Languages of the North-East Caucasus]. *Uchenye zapiski IYyaL*. Makhachkala, 1958, vol. 5, pp. 186-195.
2. Kovalevskii O.M. *Mongol'sko-russko-frantsuzskii slovar'* [Mongolian-Russian-French Dictionary]. Kazan: Tip. Kazanskogo un-ta, 1849, vol. III, pp. 1546-2690.
3. Cleaves F.W. *Daruga and Gerege*. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1953, No. 16, pp. 237-259.
4. Maslova S.A. *Darugi i baskaki: sootnoshenie dolzhnostei* [Darugi and the Basques: the Ratio of Positions]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2014, No. 4 (58), pp. 23-36.
5. Maslova S.A. *Mongol'skaya administratsiya na zavoevannykh zemlyakh: darugi i baskaki* [The Mongol administration in the conquered lands: Darugs and Basques]. *Istoricheskii vestn. Mongol'skoe zavoevanie i Rus'*. 2014, vol. X. (157), pp. 80-110.
6. [“A Complete Description of the Mongolo-Tatars”]. *Faksimile ksilografy* [Facsimile Xylography]. Tr. from Chinese, intr, com., add. by N.Ts. Munkuev. Moscow: GRVL, 1975, 288 p.
7. Maslova S.A. *Instituty ordynskoi vlasti nad Rus'yu (baskaki, darugi, posly): dis. ... kand. ist. nauk* [Institutions of the Horde Power over Russia (Baskaks, Darugs, Ambassadors)]. Moscow, 2015, 154 p.
8. Berezin I.N. [Essay on the Internal Structure of Ulus Dzhuchiev]. *Trudy vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Arkheologicheskogo obshchestva* [Transactions of the Eastern Branch of the Imperial Archaeological Society]. Saint Petersburg, 1864, part 8.
9. Sablukov G.S. *Ocherk vnutrennego ustroystva Kipchakskogo tsarstva* [Essay on the Internal Structure of the Kypchak Kingdom]. Kazan: Tipo-lit. un-ta, 1895, 60 p.
10. Nasonov A.N. *Mongoly i Rus'*. *Istoriya tatarskoi politiki na Rusi* [Mongols and Russia. The History of Tatar Politics in Russia]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1940, 178 p.
11. Grekov B.D., Yakubovskii A.Yu. *Zolotaya Orda i ee padenie* [The Golden Horde and its Fall]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1950, 505 p.

12. Grigor'ev A.P. *Sobranie khanskikh yarlykov russkim mitropolitam* [Collection of Khan Labels to Russian Metropolitans]. Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2004, 276 p.
13. Pochekaev R.Yu., Pochekaeva I.N. *Vlastitel'nitsy Evrazii. Istoriya i mify o pravitel'nitsakh tyurko-mongol'skikh gosudarstv XIII – XIX vv.* [The Rulers of Eurasia. History and Myths of the Rulers of the Turkic-Mongolian States of the 13-19th Centuries]. Saint Petersburg: Evraziya, 2012, 383 p.
14. Kamalov I.Kh. *Zolotaya Orda i russkii ulus (tatarskoe vliyanie na Rossiyu)* [The Golden Horde and the Russian Ulus (Tatar Influence on Russia)]. Tr. from Turkish by I.M. Mirgaleev; A.V. Aksanov (ed.). Kazan: In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2016, 304 p.
15. Endicott-West E. *Mongolian rule in China. Local administration in the Yuan Dynasty*. Cambridge, Massachusetts, 1989.
16. Kozin S.A. *Sokrovennoe skazanie: Mongol'skaya khronika 1240 g. pod nazvaniem Mongol un niruča toběj an. Yuan' chao bi shi* [Secret Legend: The Mongolian Chronicle of 1240 Called Mongol Un Niruča Toběj an. Yuan Chao Bi Shi]. Mongolian Ordinary Compilation. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk, 1941, 620 p.
17. Khrapachevskii R.P. *Zolotaya Orda v istochnikakh. Kitaiskie i mongol'skie istochniki* [Golden Horde in the Sources. Chinese and Mongolian Sources]. Moscow: Nauka, 2009, vol. III, 336 p.
18. Gorskii A.A. Utverzhdenie vlasti mongol'skoi imperii nad Rus'yu: Regional'nye osobennosti [The Establishment of the Power of the Mongol Empire over Russia: Regional Features]. *Istoricheskii vestn. Mongol'skoe zavoevanie i Rus'*. 2014, vol. 10 (157), pp. 60-82.
19. Dzhiovanni del' Plano Karpini. [History of the Mongols]. *Puteshestviya v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Travel to the Eastern Countries of Plano Karpini and Rubruk]. Moscow: Gos. izd-vo geogr. lit-ry, 1957, 272 p.
20. Khrapachevskii R.P. *Voennaya derzhava Chingis-khana* [Military State of Genghis Khan]. Moscow: AST, LYuKS, 2005, 557 p.
21. Sun Tszyzhen'. [Stele on the Path of the Spirit of His Excellency Chung-shu Lina Elyui [Chu-tsay]]. Munkuev N. Ts. *Kitaiskii istochnik o pervykh mongol'skikh khanakh* [Chinese Source about the First Mongol Khans]. Moscow: Nauka, 1965, 224 p.
22. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Leningrad, 1926-1928, vol. I, 379 p.
23. Sartauly (Sart) - the general name of the indigenous population of Central Asia in the 15-19th centuries. Until 1917, the name "sart" was used in relation to settled Uzbeks and partly plain Tajiks. The word "sart" is not found in the sources of the pre-Mongol period. It was first used by the Mongols, who called this name all Muslims without any distinction.
24. Khartog Leo de. *Chingis-khan. Zavoevatel' mira* [Genghis Khan. Conqueror of the World]. Moscow: AST, Olimp, 2007, 286 p.
25. Vashari I. *Mnogoyazychie i kul'turnye vzaimodeistviya v Zolotoi Orde* [Multilingualism and Cultural Interactions in the Golden Horde]. *Zolotoordynskoe obozrenie*. 2017, vol. 5, No. 1, pp. 56-70.
26. Davydov G.A. *Obshchestvennyi stroi Zolotoi Ordy* [Social System of the Golden Horde]. Moscow: Izd-vo MGU, 1973, 181 p.
27. K'ayaev A. *Lakku maz va tarikh* [Lak Language and History]. Moscow: Nauka, 2006, 550 p.
28. Kyura [Lezgin. Courier] - historical and geographical area in South Dagestan. Located on the lands lying between the river Samur in the south and the Tabasaran region in the north. Geographically, in general, it corresponds to the modern Kurakhsky, Suleiman-Stalsky and partially Khiva districts of Dagestan.
29. Lakia (Lax. Lac, Lacral klanu, Lacral bilayat) - the name of the ethno-territory of varnishes in Mountainous Dagestan. Kumukh and Vachi are the two administrative centers of Lakia, which consists of the Lak and Kulinsky districts.
30. Khosrekh - village in the Kulinsky district of the Republic of Dagestan. In addition to the village of Khosrekh, the position of daruga was also fixed in the village Kaya, Laksy district, Republic of Dagestan.
31. The class of lags (slaves) in Lakia was heterogeneous and was divided into two groups: lags of Khan and Uzden. Khan lags were endowed by the rulers with police and administrative functions.
32. Ryanites - taxable estate - residents of the feudal estates of Dagestan. The estate of the paradise in Lakia was formed, on the one hand, due to captive lags (slaves), which the feudal lords planted on the ground, and on the other, through the enslavement of free communes in various ways.
33. Voskanyan G.A. *Russko-persidskii slovar'* [Russian-Persian Dictionary]. Moscow: AST, Vostok-Zapad, 2008, 876 p.
34. Shan Yue. *Ocherki istorii Kitaya. S drevnosti do «opiumnykh vojn»* [Essays on the History of China. From Antiquity to the "Opium Wars"]. Moscow: Vostochnaya lit-ra, 1959, 579 p.
35. Kara D. *Knigi mongol'skikh kochevnikov* [Books of Mongolian Nomads]. Moscow: Nauka, GRVL, 1974, 229 p.
36. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otmosyashchikhsya k istorii Zolotoi Ordy* [Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde]. Saint Petersburg, 1884, vol. 1, 558 p.

37. Orazhev G.M.-R. [Derbent-name. (Rumyantsev list). Introduction to the period, comments]. Shikhsaidov A.R., Aitberov T.M., Orazhev G.M.-R. *Dagestanskije istoricheskie sochineniya* [Dagestan Historical Works]. Moscow: Nauka, 1993, pp. 6-65.
38. Minorskii V. F. *Istoriya Shirvana i Derbenda X – XI vv.* [History of Shirvan and Derbend of 10-11th Centuries]. Moscow: Vostochnaya lit-ra, 1963, 270 p.
39. Bartol'd V.V. *K voprosu o proiskhozhdenii Derbend-name* [To the Question of the Origin of Derbend-name]. Works. Moscow, 1973, vol. 8, pp. 460-480.
40. Bagomedov M.R. *Toponimika Darga: strukturno-sementicheskii aspekt* [Toponymy of Darg: structural-semantic aspect]. Makhachkala: Izd-vo DAGGU, 2013, 347 p.
41. Gan K.F. [Experience in explaining Caucasian geographical names]. *Sb. statei i materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza* [Col. of Articles and Materials to Describe the Localities and Tribes of the Caucasus]. Tiflis, 1909, iss. 40, dpt. 3, pp. 1-164.
42. Dirr A.M. [Modern Names of Caucasian tribes]. *Sb. materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza* [Col. of Articles and Materials to Describe the Localities and Tribes of the Caucasus]. Tiflis, 1909, iss. 40, dpt. 3, pp. 1-28.
43. Guseinov G.-R.A.-K. Mongol'skii termin daruga v postzoloordynskom kontekste politicheskoi istorii Dagestana i Severnogo Kavkaza [The Mongolian term Daruga in the post-Golden Hord context of the Political History of Dagestan and the North Caucasus]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva*. 2017, No. 9, pp. 78-82.
44. *Dagestan v izvestiyakh russkikh i zapadnoevropeiskikh avtorov XIII – XVIII vv.* [Dagestan in the News of Russian and West European Authors of the 13-18th Centuries]. Makhachkala: Dag. kn. izd-vo, 1992, 301 p.
45. K'ayaev A. *Lakku mazral va tarikhal materiallu* [Materials on the Lak language and history]. Makhachkala: Nauka DNTs, 2010, 488 p.
46. Malachikhanov B.G. K voprosu o khazarskom Semendere v Dagestane [To the Question of the Khazar Semender in Dagestan]. *UZ IYal. Dag. FAN SSSR*. Makhachkala, 1965, vol. 14, pp. 175-205.
47. Aglarov M.A., Aitberov T.M. [“The story of Ali-Beg of Andean and his victory over Prince Turulav b. Ali-Khan Baklulalsky” as a source on the history of Dagestan of the 17th century]. *Obshchestvennyi stroi soyuzov sel'skikh obshchin Dagestana v XVIII – nach. XIX v.* [Public System of Unions of Rural Communities of Dagestan in the 18 - Beginning 19th Century]. Makhachkala: Izd-vo IYal Dag. FAN SSSR, 1981, pp. 121-134.
48. Aglarov M.A. *Andiitsy. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Andean peoples. Historical and Ethnographic Research]. Makhachkala: Yupiter, 2002, 304 p.
49. Andeans (exo-ethnonyms Andeans, Andal, Andes, self-designation Gwanna) - people in the west of Dagestan. The Andean villages are located on the southern spurs of the Andean ridge, along the left tributaries of the Andean Koisu.
50. Bakululal (bakul'ulal) in translation from the Avar means - living on the sunny side of the mountain. This is the name of the inhabitants of some villages. Gumbetovskiy district of the Republic of Dagestan.
51. Saidov M. *Avarsko-russkii slovar'* [Avar-Russian Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1967, 806 p.
52. Aitberov T.M. Ob obshchestvennom stroe rutul'tsev (kontsa XVI – nachala XVII v.) [On the Social System of the Rutulians (End of the 16th - Beginning of the 17th century)]. *Sovetskaya etnografiya*. 1981, No. 6, pp. 112-118.
53. Shikhaliev D.-M. *Rasskaz kumyka o kumyках* [Kumyk's Story about Kumyks]. Makhachkala: Dag. kn. izd-vo, 1993, 140 p.
54. Shilling E. M. Ocherki po etnografii andiitsev [Essays on the Ethnography of Andeans]. *AIE*. 1948, File 7629.
55. Khashaev Kh. M. *Obshchestvennyi stroi Dagestana v XIX v.* [The Social System of Dagestan in 19th century]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1961, 263 p.
56. Gadzhieva S. Sh. Sem'ya i brak u narodov Dagestana v XIX – nachale XX v. [Family and Marriage among the Peoples of Dagestan in the 19th - Early 20th Century]. Moscow: Nauka, 1985, 360 p.
57. Daniyalov G. D. *Klassovaya bor'ba v Dagestane vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [The Class Struggle in Dagestan in the Second Half of the 19th - Early 20th Century]. Makhachkala, 1970, 293 p.
58. Aglarov M.A. Sel'skaya obshchina v Nagornom Dagestane v XVII – nach. XIX v. [The Rural Community in High Land Dagestan in 17th - beg. 19th Century]. Moscow: Nauka, 1988, 243 p.
59. The village of Kaya (lak. CHIami) is located in the Kulinsky District of the Republic of Dagestan.
60. [Traditions and customs of Dagestan]. *Tsentr'al'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii* [Central State Historical Archive of Georgia]. Fund 545. File 3288.
61. Abdulmashidov R.S. Zаметki anonimnogo avtora o Dagestane vtoroi poloviny XIX v. [Notes by an Anonymous Author about Dagestan of the Second Half of the 19th century]. *ACTA HISTORICA: trudy po istorii, arkhologii, etnografii i obshchestvoznaniyu*. 2018, vol. I, No. 2, pp. 7-13.
62. Kachchan is a Lak word that is almost out of use. Used in the meaning of “provisions”, “food products”.
63. Dyatlal is a common weight measure in Dagestan for butter, cheese, honey and wool. One dyatlal is 3 kg.

64. KhkhyutI - this word is used in the Lak language in the meanings of “rough homespun carpet of small size” and “carpet”.
65. Cholak-Surkhay Khan (1672-1748) - ruler of the Gazi-Kumukh khanate. One of the main organizers of the resistance of the Dagestan peoples with the aggressive aspiration of the Shah of Iran in the first half of the 18th century.
66. Karat Sharinsky - associate and commander of Surkhay Khan I.
67. Dand Tyukhcharsky - the son of Atabek Abdullah Tyukhcharsky, educator of Surkhay Khan I. Later, Dand led the khan's personal squad.
68. Ssalu - about 6 kg of grain.
69. Bigar is all sorts of work duties imposed by rulers and rulers on peasants for the needs of the state. The construction of fortresses and buildings, the delivery of building materials, the laying of roads, field work on arable land, etc. Shigar - work without a daily fee. The expression of the “bigar-shigar” document is the usual technique of the Persian literary tradition, to convey one concept with the help of two alliterating synonyms.
70. In our opinion, the author of this letter is the last ruler of the Gaza-Kumukh khanate - Agalar. Died in 1858.
71. Dibgashi - a village in the Dakhadaevsky district, Republic of Dagestan.

UDC 94 (47)

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-54-58

**“HE KNEW THAT THE BOLSHEVIKS WERE ANGRY AT HIM...”:
NEW DOCUMENTS ON THE DESTINY OF THE ORTHODOX CLERGY
OF ROSTOV-ON-DON IN 1918**

A.A. Lysikov^a

^a *South Russian Institute of Humanities, Rostov-on-Don, Russia*

Alexey A. Lysikov -

Postgraduate,

South Russian Institute of Humanities,

Krasnoarmeiskaya St., 108, Rostov-on-Don, 344082, Russia.

E-mail: aleksej.lysickov@yandex.ru

This article deals with the introduction into scientific circulation of the reference sources which have never been published before: the protocols, kept in the Federal Archive of Russia, of the Special Commission of Inquiry of the Commander-in-Chief of the Armed Forces of the South of Russia, which investigated the Bolsheviks' atrocities. The submitted documents have been examined in the context of the problem of defining the reasons and motives which guided the Red Guard when they executed, extrajudicially, the priests of the South of Russia in the period of the revolutionary shock and during the Civil War. The investigation has proven that the execution of the first clergy victims of Rostov-on-Don, priests Ioann Talantov and Konstantin Veretsky, was done for political reasons. The former was shot for his disapproval of the Bolsheviks' activities; the latter for reading out loud Patriarch Tikhon's message on “anathematizing those who are committing unlawful deeds and oppressing faith in the Orthodox Church”. Both executions followed the denunciation reports made by local residents.

Keywords: *Orthodox clergy of Rostov-on-Don, Civil War in the South of Russia, priest Ioann Talantov, priest Konstantin Veretsky, publication of reference sources.*

References

1. *Krasnyi terror v gody Grazhdanskoi voiny. Po materialam Osoboi sledstvennoi komissii* [The Red Terror during the Civil War. According to the Materials of the Special Investigation Commission]. Intr. Art. Yu.G. Felshtinsky, G.I. Chernyavsky. *Voprosy istorii*. 2001, No. 7, pp. 3-34; No. 8, pp. 3-35.
2. Reshetova N.A. *Intelligentsiya Dona i revolyutsiya (1917 – pervaya polovina 1920-kh gg.)* [The Intelligentsia of the Don and the Revolution (1917 - First Half of the 1920s)]. Moscow: ROSSPEN, 1998, 240 p.
3. Red'kina O.Yu. [The clergy of the South of Russia during the Socio-Political Crisis (March 1917 - January 1918): in Search of a Civil World]. *Yug Rossii: reformy, revolyutsii, poiski grazhdanskogo mira (pamyati P.A. Stolypina)* [South of Russia: Reforms, Revolutions, Searches for a Civil World (in Memory of P.A. Stolypin)]. Proceedings of Regional Scientific Conference, June, 1-2, 2011, Rostov-on-Don. G.G. Matishov (ed.). Rostov-on-Don: Izd-vo YuNTs RAN, 2011, pp. 155-161.

4. Shadrina A.V. [Regional Parish Clergy of the Don Army during the Period of Revolutionary Events and the Civil War. 1917–1919]. *Filosofskie i istoricheskie issledovaniya* [Philosophical and historical research]. Iss. 2. Col. Scien. Art. S.B. Borisov, N. F. Chipinova (col.); S. B. Borisov (ed.). Shadrinsk: ShGPU, 2017, pp. 105-115.
5. Shadrina A.V. [Russian Orthodox Church and power on the Don in 1917-1919]. *Sotsial'no-politicheskie krizisy v istorii Rossii* [Socio-Political Crises in the History of Russia]. Proceedings of All-Russian Scientific Conference with International Participation (Shadrinsk, November 21, 2017). Shadrinsk: ShGPU, 2018, pp. 228-232.
6. Shadrina A.V. [Features of the Situation of the Don and Novochechensk Diocese in the Don Republic in 1918-1919]. *Sotsial'noe protivostoyanie i ego proyavleniya na Yuge Rossii v XX – nachale XXI v. (k stoletiyu nachala Grazhdanskoj voiny i obrazovaniya Donskoj respubliki)* [Social confrontation and its manifestations in the south of Russia in the 20th - beginning of the 21st century (On the Centenary of the Beginning of the Civil War and the Formation of the Don Republic)]. Proceedings of All-Russian Scientific Conference (Rostov-on-Don, September 19-21, 2018). G.G. Matishov (ed.). Rostov-on-Don: Izd-vo YuNTs RAN, 2018, pp. 49-55.
7. Shadrina A.V. [Features of the Attitude of the Soviet Government to the Parish Clergy of the Don Region in 1920]. *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX – XXI vekov* [State, Society, Church in the History of Russia of the 20-21st Centuries]. Proceedings of the 17th International Scientific Conference (Ivanovo, March 28-29, 2018). Ivanovo: Ivanovskii gos. un-t, 2018, pp. 206-211.
8. Shadrina A.V. [Persecution of the Don Clergy in the 1920s as a Component of the Latent Decossackization]. *Kazachestvo v kontse XIX – nachale XX v.: raskazachivanie i sotsiokul'turnye transformatsii* [Cossacks in the Late 19th - Early 20th Century: Decossackization and Socio-Cultural Transformation: Proceedings of the Scientific Conference, Rostov-on-Don, June 27-28, 2019. Rostov-on-Don: Izd-vo YuNTs RAN, 2019, pp. 147-151.
9. Biryukova Yu.A. Dokumenty Osoboi komissii po rassledovaniyu zlodeyanii bol'shevikov pri glavnokomanduyushchem vooruzhennymi silami na Yuge Rossii kak istochnik po istorii Russkoj pravoslavnoi tserkvi [Documents of the Special Commission to Investigate the Atrocities of the Bolsheviks under the Commander-in-Chief of the Armed Forces in the South of Russia as a Source on the History of the Russian Orthodox Church]. *Vestn. Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo un-ta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoj pravoslavnoi tserkvi*. 2017, No. 79, pp. 55-67.
10. Biryukova Yu.A. [The Russian Orthodox Church in the South of Russia in the Civil War: Problems of Adaptation to New Political Conditions]. *Yug Rossii i sopredel'nye strany v voynakh i vooruzhennykh konfliktakh* [South of Russia and Neighboring Countries in Wars and Armed Conflicts]. Proceedings of All-Russian Scientific Conference with International Participation (Rostov-on-Don, June 22-25, 2016). G.G. Matishov (ed.). Rostov-on-Don: Izd-vo YuNTs RAN, 2016, pp. 434-441.
11. Lokerman A. [74 days of Soviet Power (from the History of the Dictatorship of Bolshevism in Rostov-on-Don)]. *Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Rostovskoi oblasti (TsDNIRO)* [Center for Documentation of the Modern History of the Rostov Region (CDMHRR)]. Fund R-12. In. 2. File 85.
12. Zhukevich-Stosha I. Iz uzhasov proshlogo (pis'mo v redaktsiyu) [From the Horrors of the Past (Letter to the Editors)]. *Priazovskii kraj*. 1918, No. 36, p. 4.
13. Chekhranov P. [Two Easters in Prison. From the Memoirs]. Tabunshchikova L.V., Shadrina A.V. *Tserkovnye raskoly v Donskoj oblasti. 1920–1930-e gody* [Church Split Out in the Don Region. 1920-1930s]. Col. Doc. and Proc. A.V. Venkov, N.V. Kiseleva (eds.). Rostov-on-Don: Antei, 2015, 209 p.
14. GARF [State Archive of the Russian Federation]. Fund R-470. In. 2. File 45.
15. *Akty Svyateishogo Tikhona, patriarkha Moskovskogo i vseya Rossii, pozdneishie dokumenty i perepiska o kanonicheskom preemstve vysshei tserkovnoi vlasti. 1917–1943 gg.* [Acts of His Holiness Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia, Later Documents and Correspondence on the Canonical Succession of the Supreme Church Authority. 1917-1943]. Col. M.E. Gubonin. Moscow: Izd-vo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo Bogoslovskogo in-ta, 1994, 1063 p.

UDC 94

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-59-62

THE BEGINNING OF THE DEVELOPMENT OF THE DEMOGRAPHIC TRANSITION IN THE NORTH CAUCASUS

M.Yu. Makarenko^a

^a *Kuban State University, Krasnodar, Russia*

*Maria Yu. Makarenko -
 Doctor of History, Associate Professor, Professor,
 Kuban State University,
 Stavropolskaya St., 149, Krasnodar, 350040, Russia.
 E-mail: makarenkom@inbox.ru*

The article analyzes the entry of the northwestern regions of the North Caucasus into the initial stage of demographic changes in the first decades of the 20th century. Based on the results of the population census, statistical data, literary and archival sources, the features of demographic processes in the indicated territory on the eve of the First World War and after it are examined in detail, the negative impact of the consequences of the war on them is shown. Legislative acts issued in the country after the revolution and the Civil War are analyzed, which are designed to regulate relations in the sphere of marriage, childbearing and divorce. The processes of demographic modernization in the North Caucasus and in some southern regions of the country during the NEP and after it are compared. The unevenness of demographic and socio-economic transformations in the North Caucasus is noted, due to the difference in ethnographic (cultural-historical) and geographical living conditions of people (in the mountains and on the plain).

Keywords: *demographic transition (DT), modernization of marriage and family behavior, crisis factors of population dynamics, interactive (intermittent) nature of demographic modernization, marriage, fertility, exogenous and endogenous causes of death, education.*

References

1. Gozulov A.I. *Morfologiya naseleniya. Opyt izucheniya stroeniya osnovnykh svoystv naseleniya Severo-Kavkazskogo kraya po dannym trekh narodnykh perepisei – 1926, 1920 i 1897 gg.* [Morphology of the Population. The Experience of Studying the Structure of the Basic Properties of the Population of the North Caucasus Region According to the Data of Three National Censuses - 1926, 1920 and 1897]. Rostov-on-Don: Sev.-Kavk. kraev. statupravlenie, 1929, 442 p.
2. Slepukhin Yu. *Ne podvodya itogov* [Without Summing Up]. *Zvezda*. 2001, No. 9, pp. 7-56.
3. Vlaskina T.Yu. [Maternity and Baptismal Complex]. *Ocherki traditsionnoi kul'tury kazachestv Rossii* [Essays on the Traditional Culture of the Cossacks of Russia]. Moscow; Krasnodar, 2005.
4. *Naselenie i khozyaistvo Kubanskogo okruga* [The Population and Economy of the Kuban District]. Statistical Digest of 1924-1926. In 2 vol. Krasnodar: Izd-vo gl. tip. Kubpoligrafa, 1928, vol. 2, 928 p.
5. GAKK [SAKR]. Fund R-1547. In. 1. File 23.
6. GAKK [SAKR]. Fund R-1547. In. 1. File 114.
7. *Kazachestvo Severo-Kavkazskogo kraya. Itogi perepisi naseleniya 1926 g.* [Cossacks of the North Caucasus Region. Census of 1926]. Rostov-on-Don, 1928.
8. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda* [1926 All-Union Census]. Moscow, 1928, vol. 5.

UDC 94

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-63-69

THE PROPAGANDA ROLE IN THE FORMATION AND STRENGTHENING OF NAZI REGIME

E.A. Palamarchuk^a

^a *Rostov Institute (branch), All-Russian State University of Justice
 (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don, Russia*

*Eugene A. Palamarchuk -
 Doctor of History, Professor,
 Rostov Institute (branch), All-Russian State University of Justice
 (RLA of the Ministry of Justice of Russia),
 Sobornyi Lane, 26, Rostov-on-Don, 344002, Russia.
 E-mail: epalamar@mail.ru*

The article is devoted to the analysis of the significance which Nazi leaders put to the propaganda influence on mass, to the role that the main propaganda agencies of Nazi Germany - the Reichsministerium für Volksaufklärung und Propaganda and the Reich Chamber of Culture had to play in the marked relation. These propaganda structures with Goebbels at the head of them could establish a total control at the spiritual sphere of the Third Reich. The author put a special attention to the anti-Semitic propaganda of the prewar years and of the Second World War period as well as to radio and cinema propaganda which Goebbels regarded to as the main.

As a result, the propaganda system which was created by Goebbels contributed to the consolidation of most Germans around regime those who kept their loyalty to it till its collapse.

Keywords: *propaganda, Nazism, press, cinema, radio, nation, mass, anti-Semitism, jews, race, total war, effectiveness, Third Reich, crowd, censorship.*

References

1. Gitler A. *Moya bor'ba* [My Struggle]. Ashgabat: T-Okko, 1992, 598 p.
2. Doob L. W. Goebbels's Principles of Propaganda. *The Public Opinion Quarterly*. 1950, vol. 14, No. 3, pp. 419-442.
3. Welch D. Propaganda and Indoctrination in the Third Reich. *European History Quarterly*. 1987, vol. 17, No. 4, pp. 403-422.
4. Tegel S. *Nazis and the Cinema*. London: Hambledon Continuum, 2007, 324 p.
5. Bramstedt E.K. *Goebbels and National Socialist Propaganda 1925-1945*. London, 1965, 488 p.
6. Welch D. *The Third Reich. Politics and Propaganda*. London; New York: Routledge, 2002, 246 p.
7. Palamarchuk E.A. [The Portrait of Minister in Business Situation: the Everyday Conferences of Doctor Goebbels (the first war years)]. *Aktualnye problemy vseobschei istorii* [Actual problems of universal history]. Interuniversity Collection of Scientific Articles. Iss. 5. Personality in History. Rostov-on-Don: Izd-vo RGPU, 2006, pp. 223-230.
8. Fromm B. *Blood and Banquets. A Berlin Social Diary*. New York; London: Harper and Brothers Publishers, 1942, 332 p.
9. RGVA. Fund 1372. In. 6. File 80.
10. Baird J.W. *The Mythical World of Nazi War Propaganda, 1939-1945*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1974, 329 p.
11. Noakes J., Pridham G. *Documents on Nazism, 1919-1945*. New York: The Viking Press, 1975, 704 p.
12. RGVA. Fund 1363. In. 3. File 23.
13. Goebbels J. *Der Krieg und die Juden. Der Steile Aufstieg: Reden und Aufsätze aus den Jahren 1942/43*. München, 1944, S. 263-264.
14. Shoeps K.-H. *Literature and Film in the Third Reich*. New York: Camden House, 2003, 371 p.
15. Herzstein R.E. *Voina, kotoruyu vyigral Gitler* [The War That Hitler Won]. Smolensk: Rucich, 1996, 608 p.
16. Rentschler E. The Testament of Dr. Goebbels. *Film History. Cinema and Nation II*. 1996, vol. 8, No. 3, pp. 316-326.
17. Petropoulos J. *Artists Under Hitler. Collaboration and survival in Nazi Germany*. New Haven; London, Yale University Press, 2014, 407 p.
18. Rosenberg A. *Politicheskii dnevnik. 1934 – 1944* [The Political Diary. 1934-1944]. Moscow: Istoricheskaya pamyat; Russkaya kniga, 2015, 448 p.
19. Goebbel's Speech of January 30, 1943. *Bulletin of International News*. 1943, vol. 20, No. 3, pp. 104-105.
20. *Dnevnik posla Dodda. 1933 – 1938* [Diary of Ambassador Dodd. 1933-1938]. Moscow: Sotsekgiz, 1961, 568 p.
21. Filippov I. F. *Zapiski o Tret'em reiche* [The Notes about the Third Reich]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1966, 258 p.
22. Churchill' W. *Vtoraya mirovaya voina* [The Second World War]. Book 3, vol. 5-6. Moscow: Voenizdat, 1991, 702 p.
23. Kershaw I. *Hitler and the Germans. Life in the Third Reich*. R. Bessel (ed.). London: Oxford University Press, 2001, pp. 41-55.
24. Palamarchuk E. A. Propagandistskii obraz fyurera v vospriyatii nemetskogo obshchestva (1933 – 1945) [The Propaganda Image of Fuhrer in Perception of German Society (1933-1945)]. *Nauchnaya misl Kavkaza*. 2017, No. 3, pp. 65-74.

UDC 94 (47)

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-70-74

LOCALIZATION OF THE OLD BELIEVERS IN THE DON COSSACKS' LAND IN THE 1760s

A.V. Shadrina ^a

^a *Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia*

*Alla V. Shadrina -
Candidate of History, Researcher,
Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences,
Chekhova Ave, 41, Rostov-on-Don, 344006, Russia.*

E-mail: shadrina@ssc-ras.ru

The origins and development of the Old Believers' schism in the Don lands represent one of the focal problems of historical science. This article deals with an important aspect of the problem: the localization of the Old Believers in the Don Cossacks' Land. Due to the peculiarities of church life arrangement, the Cossacks were indifferent about the decrees of the Great Synod of Moscow of 1866-1867, which initiated the schism. The first collision with the followers of the Old Belief, who had run away to the Don lands trying to escape from the persecution of the Moscow government was characterized by a reserved attitude towards them from the side of the Don lands locals. However, after 1682, the Old Believers' influence grew stronger. By the middle of the 18th century, the bishops of the Diocese of Voronezh, a part of which the Don Cossacks' Land became in 1718, had stated that a considerable share of the population "had been infected with schism". The measures taken by Tikhon (Sokolov), Bishop of Voronezh and Yelets, having failed, still made it possible to detect the villages with a high percentage of Old Believers living there. For instance, the inspection of the Don churches and priests, which was held under his order in 1763-1764, showed that among the 114 Don villages with churches, there were 39 villages where Old Believers lived, which was proven by the fact that the icons in those temples depicted saints with two-finger crossings. As the churches belonged to the Don Army in the 18th century, those icons could only be repainted with the permission granted by the village authorities that, most likely, did not allow to bring the icons to conformity with the requirements of the Moscow government - the way it had been done in the villages that were not registered by the inspectors as those with the Old Believers' script on their icons. At the same time, more than half of the churches were found under the Old Believers' influence in the blocks of Cherkassk and Medveditsa. The block of Khopior was an exception as no visible presence of the Old Believers had been detected there. The inspection in 1763-1764 also proved that by the middle of the 18th century the Old Believers' schism had spread all over the Don Cossacks' territories, with a small advantage of the villages of the Medveditsa block.

Keywords: Don Cossacks' Land, Old Believers' schism, inspection of the Don churches and priests in 1763-1764, Bishop of Voronezh and Yelets Tikhon (Sokolov).

References

1. Druzhinin V.G. *Raskol na Donu v kontse XVII veka* [The Split on the Don at the End of the 17th Century]. Rostov-on-Don: Antei, 2015, 344 p.
2. Snesev N.P. *Donskaya eparkhiya i desyatiletnee upravlenie eyu arkhiepiskopa Platona* [The Don Diocese and its Ten-year Administration of Archbishop Platon]. Iss. 1. Novocherkassk, 1877, 239 p.
3. Ovsyannikov E., svyashch. Prichiny shirokogo rasprostraneniya staroobryadcheskogo raskola na Donu [The Reasons for the Widespread Old Believer Schism in the Don]. *Donskie eparkhial'nye vedomosti*. 1902, No. 29, pp. 652-657; No. 30, pp. 666-671; No. 31, pp. 697-700; No. 32, pp. 714-717, 779-783; No. 33, pp. 735-741; No. 35, pp. 794-800; No. 36, pp. 831-837.
4. Mininkov N.A. *Donskoe kazachestvo v ehpkoku pozdnego srednevekov'ya (do 1671 g.)* [Don Cossacks in the Late Middle Ages (until 1671)]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rostovskogo un-ta, 1998, 512 p.
5. Mininkov N.A. ["No place paints a man ...". Troop Ataman Samoilo Lavrentiev]. *Chelovek vtorogo plana v istorii* [Second Position Man in the History]. Rostov-on-Don, 2007, pp. 281-291.
6. Sen' D.V. [Old Believers on the Don at the End of the 17th Century. On the 325th Anniversary of the Execution of Leaders of the Don Old Believers in Moscow]. *Donskoi vremennik. Kraevedcheskii al'manakh*. Iss. 21. Rostov-on-Don, 2012, pp. 111-114.
7. Sen' D.V. [Biographies of Leaders of the Don and Kuban Cossacks, Old Believers of the Late 17th Century - Beginning of the 18th Century]. *Voina i voinskie traditsii v kul'turakh narodov Yuga Rossii (VI Tokarevskie chteniya)* [War and Military Traditions in the Cultures of the Peoples of the South of Russia (6th Tokarev Readings)]. Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conference. Rostov-on-Don: Al'tair, 2017, pp. 111-120.
8. Sen' D.V. Pravoslavie na territorii Severo-zapadnogo Kavkaza i mesto Kubani v sisteme staroobryadcheskikh tsentrov (XVIII v.) [Orthodoxy in the Northwest Caucasus and the Kuban Region in the System of Old Believer Centers (18th Century)]. *Magna Adurgit: Historia Studiorum*. 2018, No. 1, pp. 7-34.
9. Ageeva E.A. Staroobryadchestvo Yuga Rossii: tserkovno-bytovye traditsii i knizhnost' [Old Believers in the South of Russia: Church and Domestic Traditions and Book Printing]. *Bogosluzhebnye praktiki i kul'tovye iskusstva v poliehtnicheskom regione* [Liturgical practices and religious arts in a multiethnic region]. Proceedings of Scientific-Practical Conference. S.I. Khvatova (ed.). Maikop: Magarin O.G., 2016, pp. 34-59.
10. Red'kina O.Yu. Starovery nizhnei Volgi i Dona v kontse XIX–XX veke [Old Believers of the Lower Volga and Don at the End of the 19-20th Centuries]. *Rossiiskaya istoriya*. 2012, No. 4, pp. 15a-27.
11. Materialy dlya istorii raskola v Donskoi Oblasti [Materials for the History of the Split in the Don Region]. *Donskie eparkhial'nye vedomosti*. 1874, No. 1, pp. 8-20; 1874, No. 2, pp. 39-55.
12. Materialy dlya istorii raskola v Donskoi Oblasti [Materials for the History of the Split in the Don Region]. *Donskie eparkhial'nye vedomosti*. 1874, No. 2, pp. 39-55.
13. Materialy dlya istorii raskola v Donskoi Oblasti [Materials for the History of the Split in the Don Region]. *Donskie eparkhial'nye vedomosti*. 1874, No. 3, pp. 82-92.

14. Zapiska ob arkhive, nakhodyashchemsya pri staroherkasskom Voskresenskom sobore [A Note on the Archive Located at the Staroherkassk Resurrection Cathedral]. *Donskie eparkhial'nye vedomosti*. 1877, No. 15, pp. 477-478.
15. Verkhnechirskaya stanitsa i starobryadcheskii raskol eya v XVIII veke [Verkhnechirskaya Stanitsa and Old Believer's Schism in the 18th Century]. *Donskie eparkhial'nye vedomosti*. 1878, No. 4, pp. 107-115, No. 5, pp. 135-143, No. 6, pp. 169-180, No. 7, pp. 203-216.
16. Pyatiizbyanskaya stanitsa. Materialy dlya istorii raskola starobryadchestva na Donu vo vtoroi polovine XVIII – nachale XIX stoletiya [Pyatizbyanskaya Village. Materials for the History of the Split of the Old Believers on the Don in the Second Half of the 18th - Beginning of the 19th Century]. *Donskie eparkhial'nye vedomosti*. 1882, No. 1, pp. 10-15.
17. Kirillov A.A. [Materials Relating to the Church Life of the Don Cossacks in the 18th Century]. *Pamyatnaya knizhka Oblasti voiska Donskogo na 1900 god* [Commemorative Book of the Don Army in 1900]. Novoherkassk: Oblastnaya voiska Donskogo tipografiya, 1900, pp. 192-234.
18. Donetskii T., prot. [Don Clergy 150 Years Ago According to the Revision of St. Tikhon. 1763-1764]. *Donskaya tserkovnaya starina* [Don Church Antiquity]. Iss. II. Novoherkassk: Chastnaya donskaya tipografiya, 1909, pp. 131-145.
19. *Donskie dela* [Don Affairs]. Book 2. Saint Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1906, 1112 p.
20. *Donskie dela* [Don Affairs]. Book 4. Saint Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1913, 1013 p.
21. *Akty, otnosyashchiesya k istorii Voiska Donskogo, sobrannye general-maiorom A.A. Lishinym* [Acts Related to the History of the Don Troops Collected by Major General A.A. Lishin]. Novoherkassk: Tipografiya A.A. Karaseva, 1891, 321 p.
22. Mininkov N.A. Ukreplenie moskovskoi vlasti na Donu v poslednei chetverti XVII veka [Strengthening Moscow Power on the Don in the Last Quarter of the 17th Century]. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki*. 2013, No. 5 (177), pp. 67-74.
23. Materialy dlya istorii raskola v Donskoi oblasti [Materials for the History of the Split in the Don Region]. *Donskie eparkhial'nye vedomosti*. 1873, No. 23, pp. 717-733.
24. Krylov A. Tserkovnaya letopis' Ust'-Belokalitvenskoi stanitsy [Church Annals of the Ust'-Belokalitvenskaya Village]. *Donskie eparkhial'nye vedomosti*. 1883, No. 17, pp. 619-622, No. 18, pp. 659-663.
25. *Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti* [State Archive of the Rostov Region]. Fund 226. In. 1. File 89.

UDC 94(470.67)"1941/1945"-055.2

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-75-79

**TRANSFORMATION OF THE SOCIAL ROLE
AND SOCIAL STATUS OF WOMEN DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941-1945
(BASED ON THE MATERIALS OF THE DAGESTAN AUTONOMOUS REPUBLIC)**

I.A. Emirkhanov^a

^a *Dagestan State University, Makhachkala, Russia*

*Ismail A. Emirkhanov -
Candidate of History, Associate Professor,
Department of General History,
Dagestan State University,
Korkmasova St., 8, Makhachkala, Republic of Dagestan, 367000, Russia.
E-mail: historik2008@yandex.ru*

The work shows the changes that have occurred in the social status of women in Dagestan since the first days of the Great Patriotic War. The features of their social activity in wartime are revealed. One of the results of the study was demonstration of the invaluable role of women in industrial production and the agricultural sector of the Republic in difficult life circumstances.

The article shows examples of heroic work of Dagestani women, who, despite the existing material and financial difficulties, as well as extremely difficult conditions of military everyday life, clearly demonstrated their full potential and ability to solve problems quickly, overcoming all obstacles to achieving the ultimate goal - victory in the war. The diverse material used in the study shows that the vast majority of the female population of Dagestan consciously decided to give all their strength to the fight against Nazism, to defend their Homeland, their relatives and friends. The regional approach used in the work makes it possible to reveal and understand the features characteristic of the development of women's activity of the peoples of Dagestan in the war years, to realize the importance and unique nature of the processes of gender history in the region.

Keywords: *Great Patriotic war, Dagestan, rear daily occurrence, female labor, labor heroism, industrial and agricultural production.*

References

1. *Detstvo, opalennoe voinoi. Dagestan, 1941–1945 gg. Vospominaniya* [Childhood Seared by War. Dagestan, 1941-1945. Memories]. Col. M. M. Amirkhanova, L. G. Kaimarazova, Yu. M. Lysenko. Makhachkala: Mavraev, 2015, 463 p.
2. *Trudovoi podvig narodov Dagestana v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. 1941–1945 gg.* [The Labor Heroism of the Peoples of Dagestan during the Great Patriotic war. 1941-1945]. Vol. 2. (Documents and Materials). Makhachkala: Alef, 2018, 284 p.
3. Vert A. *Rossiya v voine 1941–1945 gg.* [Russia in the War of 1941-1945]. Moscow: Progress, 1967, 776 p.
4. Kadyrova P.A. [The contribution of the Inhabitants of Sergokalinsky Region to the Victory in the Great Patriotic war]. *Narody Severnogo Kavkaza v sobyitiyakh Velikoi Otechestvennoi voiny: novye dokumenty i materialy* [Peoples of the North Caucasus in the Events of the Great Patriotic war: New Documents and Materials]. Proceedings of All-Russian Scientific Conference, dedicated to the 70th anniversary of the Victory of the USSR in the Great Patriotic war of 1941-1945. Makhachkala: Alef, 2015, pp. 182-188.
5. Es'kina I. V. [The Social Roles of Women during the Great Patriotic war]. *Ural industrial'nyi. Bakuninskie chteniya* [Industrial Urals. Bakunin Readings]. Proceedings of VIII All-Russian Scientific Conference (Ekaterinburg, April 27-28, 2007). Ekaterinburg: AMB, 2007, vol. 2, pp. 71-74.
6. *Trudovoi podvig narodov Dagestana v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. 1941–1945 gg.* [Labor Feat of the Peoples of Dagestan during the Great Patriotic war. 1941-1945]. Vol. 2. (Documents and materials). Makhachkala: Alef, 2015, 368 p.
7. Aliev B.G. [The Contribution of Women of Dagestan to the Victory in the Great Patriotic War]. *Velikii podvig Sovetskogo naroda* [Great Feat of the Soviet People]. Proceedings of the Republic Scientific Conference, dedicated to the 66th anniversary of the Victory of the USSR in the Great Patriotic war of 1941-1945. Makhachkala: Alef, 2011, pp. 140-147.
8. *Narody Dagestana v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [The Peoples of Dagestan during the Great Patriotic war of 1941-1945]. (Documents and materials). Makhachkala: Tip. DNTs RAN, 2005, 776 p.
9. Vagabov M.M. [Change in the Structure of Workers of the Railway and the Makhachkala commercial port during the Great Patriotic war]. *Narody Severnogo Kavkaza v sobyitiyakh Velikoi Otechestvennoi voiny: novye dokumenty i materialy* [Peoples of the North Caucasus in the Events of the Great Patriotic war: New Documents and Materials]. Proceedings of All-Russian Scientific Conference, dedicated to the 70th anniversary of the Victory of the USSR in the Great Patriotic war of 1941-1945. Makhachkala: Alef, 2015, pp. 160-164.
10. Yunaeva V.D. [The Working Class of Dagestan during the war]. *65-letie Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine: dagestantsy na fronte i v tylu* [65th Anniversary of the Victory in World war II: Dagestanis at the Front and Rear]. Proceedings of the Republic Scientific Conference. Makhachkala: Nauka DNTs, 2010, pp. 69-80.
11. Amirkhanova M.M. [The labor Feat of Women of Dagestan during the war]. *Narody Kavkaza v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg.* [Peoples of the Caucasus in the Great Patriotic war of 1941-1945]. Proceedings of All-Russian Scientific Conference, dedicated to the 60th anniversary of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic war of 1941-1945. Makhachkala: IIAE DNTs RAN, 2005, pp. 258-260.

ECONOMIC SCIENCE

UDC 657.4

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-80-85

**MODELING OF ACCOUNTING AND MANAGEMENT SYSTEM
FOR THE PURPOSES OF COMMERCIAL MANAGEMENT IN CREDIT ACTIVITIES****I.A. Kislaia^a**^a *Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia*

*Irina A. Kislaia -
Candidate of Economics, Associate Professor,
Department of Accounting,
Rostov State University of Economics,
B. Sadovaya St., 69, Rostov-on-Don, 344002, Russia.
E-mail: kislaiya_irina@mail.ru*

The article substantiates the need for a special organization of accounting and analytical support for credit operations, revealing risk areas of credit defaults. In this regard, the principles of banking management are highlighted and a three-level grouping of information segments is proposed to minimize credit risk. The characteristic of the levels of accounting segments in lending, different

from approaches to segmentation in other entrepreneurial activities. On the example of the first level, the components of the model of accounting (managerial) accounting in credit activities are proposed: objects of managerial accounting for each information segment, as well as banking management capabilities when using them. The accounting and analytical techniques presented in the article are presented from the perspective of organizing effective banking management in any area of credit activity.

Keywords: bank management, information segments, management accounting, control, income, expenses.

References

1. Balabanov I.T., Goncharuk O.V., Savinskaya N.A. *Den'gi i finansovye instituty* [Money and Financial Institutions]. Saint Petersburg: Piter, 2000, 220 p.
2. Kazakevich E.S., Tinkel'man S.B. Audit kreditnykh operatsii [Credit Audit]. *MSFO i MSA v kreditnoi organizatsii*. 2013, No. 1, pp. 96-110.
3. Kurnykina O.V. Upravlenie effektivnost'yu v kommercheskom banke: kontrol' i audit [Performance Management in Commercial Bank: Control and Audit]. *Bankovskoe delo*. 2015, No. 6, pp. 68-74.
4. Semenikhin V.V. Uchet pervichnykh dokumentov [Accounting of Primary Documents]. *Nalogooblozhenie, uchet i otchetnost' v kommercheskom banke*. 2014, No. 7, pp. 75-82.
5. Timofeeva N.V. Podkhody k postroeniyu kontseptual'noi modeli vnutrennego audita v kreditnoi organizatsii [Approaches to Building a Conceptual Model of Internal Audit in Credit Institution]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*. 2016, No. 3-1, pp. 1131-1135.
6. Shirokobokov V.G., Litvinov D.N. Gosudarstvennyi finansovyi kontrol' i audit: retrospektivnyi analiz i vektor razvitiya [State Financial Control and Audit: Retrospective Analysis and Development Vector]. *Mezhdunarodnyi bukhgalterskii uchet*. 2015, No. 28, pp. 40-53.

UDC 330.142.222:330.147

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-86-92

ESSENCE, FORMS AND TYPES OF CONSOLIDATION OF BANK CAPITAL IN RUSSIA

K.A. Koyka^a

^a Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Kristian A. Koyka -
Postgraduate,

Department of the Finance and Credit, Economic Faculty,
Peoples' Friendship University of Russia,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia.

E-mail: kris_fesm_97@mail.ru

The article develops a conceptual construct, in terms of which the relationship between the terms “consolidation”, “integration”, “reorganization”, “merger”, “accession” and “acquisition” was shown. Considered the legal regulation of mergers and acquisitions of banks in Russia, possible types of consolidation, and revealed that the consolidation of bank capital can be carried out both on the basis of reorganization of banks and without reorganization. The impact of bank consolidation on banking sector sustainability is theoretically substantiated.

Keywords: consolidation, merger and acquisition, reorganization, Bank of Russia, banking holding, banking group.

References

1. Komlev N.G. *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of Foreign Words]. Moscow: Eksmo, 2006, 669 p.
2. *Slovari, entsiklopedii i spravochniki* [Dictionaries, Encyclopedias and Reference Books]. Available at: <https://slovar.cc/pravo/slovar/2465999.html> (accessed 10.05.2019).
3. *Ekonomicheskii slovar'* [Economic Dictionary]. Available at: [http:// dic.academic.ru/contents.nsf/ econ_dict/](http://dic.academic.ru/contents.nsf/econ_dict/) (accessed 10.05.2019).
4. *Direktiva Evropeiskogo Soyuzha ot 16.12.2002 № 2002 / 87 / ES «O dopolnitel'nom nadzore za kreditnymi organizatsiyami, strakhovymi kompaniyami i investitsionnymi firmami v sostave finansovogo konglomerata i o vnesenii izmenenii v Direktivy 73 / 239*

/ EES, 79 / 267 / EES, 92 / 49 / EES, 92 / 96 / EES, 93 / 6 / EES, 93 / 22 / EES Soveta ES i v Direktivy 98 / 78 / ES, 2000 / 12 / ES Evropeiskogo Parlamenta i Soveta ES» [Directive of the European Union dated December 16, 2002 No. 2002/87 / EC “On additional Supervision of Credit Organizations, Insurance Companies and Investment Firms as Part of a Financial Conglomerate and on Amending Directives 73/239 / EEC, 79/267 / EEC, 92 / 49 / EEC, 92/96 / EEC, 93/6 / EEC, 93/22 / EEC of the Council of the EU and Directive 98/78 / EC, 2000/12 / EC of the European Parliament and the Council of the EU”]. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32002L0087&from=EN> (accessed 10.05.2019).

5. O sovershenstvovanii regulirovaniya deyatelnosti bankovskikh grupp, bankovskikh kholdingov i inykh ob"edinenii yuridicheskikh lits s uchastiem finansovykh organizatsii. Doklad dlya obshchestvennykh konsul'tatsii [On Improving the Regulation of the Activities of Banking Groups, Bank Holdings and Other Associations of Legal Entities with the Participation of Financial Organizations. Report for Public Consultations]. *Bank Rossii*. 2016, 60 p.

UDC 336.012.23

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-93-98

TRANSFER PRICING IMPROVEMENT WITH THE PURPOSE OF MINIMIZING THE TAX AND FINANCIAL RISKS OF ENTERPRISES

E.G. Sheina^a, O.T. Astanakulov^b

^a *Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia,*

^b *Tashkent Institute of Finance, Tashkent, Uzbekistan*

Ekaterina G. Sheina -

Candidate of Economics, Associate Professor, Financial Management Department,

Ural State University of Economics,

8 Marta / Narodnoi Voli, 62/45, Ekaterinburg, 620144, Russia.

E-mail: shekat@mail.ru

Olim T. Astanakulov -

Candidate of Economics, Associate Professor, Head of Correspondence Department,

Tashkent Institute of Finance,

A. Temura St., 60a, Tashkent, 100000, Uzbekistan.

E-mail: astanakulov@gmail.com

An important challenge of the 21st century was the rapid development of information technologies without which it is impossible to imagine everyday life in all its spheres of manifestation. The speed of innovation is the main driving force of the economic progress of society, and the multitude of challenges and threats, and with them the growing role of financial and tax risks that arise both for a single enterprise and for a group of interconnected enterprises are also due to the technological and scientific nature of what is happening in society and economics of change. The authors' choice of the research topic is mediated by the following fact: at the moment, among enterprises grouped together on the basis of a single final National management and the redistribution of cash flows are increasingly gaining a method of forming transfer prices within a group that solves many problems in generating profit - as a way to minimize expenses, as a method of reducing the tax burden, and as an alternative source of financing through the redistribution of own resources within a group of enterprises. The authors formulated the concept of "tax burden limit", the calculation of which allows determining the minimum and maximum allowable value of the tax burden indicator when applying transfer prices taking into account industry and production specifics of an enterprise, as well as predicting the level of tax and financial risks that are likely to occur in the course of its operating activities.

Keywords: *transfer pricing, value chain, financial resources, tax risk, financial risk, comparable uncontrolled price method, subsequent sale price method, cost method, transaction net margin method, profit sharing method.*

References

1. Krutin Yu.V. Problemy finansovogo menedzhmenta promyshlennykh predpriyatii po upravleniyu oborotnym kapitalom [Problems of Financial Management of Industrial Enterprises for Working Capital Management]. *Vestn. Udmurtskogo un-ta. Ekonomika i pravo*. 2011, No. 1, pp. 52-57. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-finansovogo-menedzhmenta-promyshlennykh-predpriyatii-po-upravleniyu-oborotnym-kapitalom> (accessed 18.06.2019).
2. Medvedeva T.V., Evdokimov A.A. Analiz organizatsionno-pravovykh form khozyaistvovaniya v regionakh RF i mire [Analysis of Organizational and Legal Forms of Managing in the Regions of the Russian Federation and the World]. *Kontsept*. 2015, special iss. 9. Available at: <http://e-koncept.ru/2015/75161.htm> (accessed 18.06.2019).

3. Sviridova N.V., Tuktarova F.K. Sravnitel'nyi ekonomicheskii analiz razvitiya promyshlennykh predpriyatii [Comparative Economic Analysis of the Development of Industrial Enterprises]. *Izv. vuzov. Povolzhskii region. Obshchestv. nauki*. 2011, No. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitel-nyy-ekonomicheskii-analiz-razvitiya-promyshlennykh-predpriyatii> (accessed 18.06.2019).
4. Zelenyuk A.N. Sushchnost' i osobennosti transferfnogo tsenoobrazovaniya [The Nature and Characteristics of Transfer Pricing]. *Ros. vneshneekon. vestn.* 2013, No. 7, pp. 49-61.
5. *Rossiya i strany mira. 2018* [Russia and Countries of the World. 2018]. Stat. Col. / Rosstat. Moscow, 2018.
6. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139821848594 (accessed 18.06.2019).
7. Gumerov A.V. Problemy regulirovaniya korporativnykh otnoshenii rossiiskikh promyshlennykh struktur [Problems of Regulation of Corporate Relations of Russian Industrial Structures]. *Kazanskii pedagogicheskii zhurn.* 2015, No. 5-2 (112), pp. 458-462.
8. Bokova N.A. Instrumenty i sposoby upravleniya finansovymi riskami [Tools and Methods of Financial Risk Management]. *Sovremennyi nauchnyi vestn.* 2016, No. 1, pp. 40-45.
9. Galsanov B.B. *Formirovanie sistemy risk-menedzhmenta investitsionnoi deyatel'nosti predprinimatel'skikh struktur: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk* [Formation of a Risk Management System for Investment Activity of Entrepreneurial Structure]. Saint Petersburg, 2014, 45 p.
10. Gurov V.S., Cheglakova S.G. Struktura kapitala kak indikator upravleniya finansovymi riskami [Capital Structure as an Indicator of Financial Risk Management]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*. 2015, No. 8, pp. 460-464.
11. Klinova E.A. [Non-Detection Risk Management Model]. *Nauka novogo veka: znaniya molodykh* [Science of the New Century: Knowledge of Young]. Col. 9th Sc. Conf. of Postgraduates and Competitors. Kirov: Vyatskaya GSKhA, 2009, pp. 129-133.
12. Kuznetsova N.N., Chugunov V.I. Finansovye riski energosistemnykh kompanii i sposoby ikh minimizatsii [Financial Risks of Energy System Companies and Ways to Minimize Them]. *Novaya nauka: ot idei k rezul'tatu*. 2016, No. 5-1(84), pp. 124-131.

BOOKS REVIEW

DOI 10.23683/0321-3056-2019-3-99-101

**“A Hero for All Time”. Book review: Krivosheev Yu.V., Sokolov R.A.
Alexander Nevskiy. Research and Researchers.
Saint Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko, 2018, 368 p.**

A.S. Ischenko -

Candidate of History, Associate Professor,

Department of History, Philosophy and Social Technologies,

Kortunov Novochoerkassk Engineering and Land Reclamation Institute

References

1. Sirenov A.V. Isoaho M. The Image of Aleksandr Nevskiy in Medieval Russia. Warrior and Saint. Leiden; Boston: Brill, 2006. 417 p. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovaniya*. 2009, No. 1-2, pp. 263-266. (Review).
2. Shenk F.B. *Aleksandr Nevskii v russkoi kul'turnoi pamyati: svyatoi, pravitel', natsional'nyi geroi (1263–2000)* [Alexander Nevsky in Russian Cultural Memory: Saint, Ruler, National Hero (1263-2000)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007, 592 p.

Научно-образовательный и прикладной журнал
**«ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»**

Рецензируемый журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», имеющий статус центрального издания, включенного в перечень ВАК, продолжает прием работ по следующим отраслям:

- | | |
|-------------------------|--|
| 1. Философские науки. | Кроме того, публикуются материалы в разделах:
– «Заметки о книгах»;
– «Научная жизнь»;
– «Штрихи к портрету». |
| 2. Исторические науки. | |
| 3. Экономические науки. | |

Журнал издается с периодичностью 4 номера в год. С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=7571. Опубликованные статьи индексируются в российских и международных электронных библиотеках и наукометрических базах данных: РИНЦ, РУКОНТ, «Киберленинка», ЭБС «Университетская библиотека онлайн», Ulrich, EBSCO.

Авторы, сохраняя за собой авторские права на работу и передавая журналу «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» право первой публикации, автоматически принимают на себя обязательство не печатать ее ни полностью, ни частично в каком-либо другом издании без указания ссылки на оригинальную публикацию в этом журнале.

Издательские услуги оплачиваются организацией или автором после утверждения статьи на редколлегии.

Оформление работ осуществляется согласно правилам:

1. Представляется электронный вариант статьи. В начале статьи указать индекс УДК.
2. Текст должен быть набран в редакторе MicroSoft Office 98 Word 2000, 2003, 2007, 2010, 2016 через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman размером 14 пт, страницы пронумерованы. Для записи формул применять только редактор формул Equation 3.0.
3. Сопроводительное или рекомендательное письмо, если статья представляется от организации.
4. Полное название организации и ее адрес **на русском и английском языках**.
5. Сведения об авторах с указанием адреса, по которому будет вестись переписка **на русском и английском языках**.
6. Название статьи и фамилии авторов **на русском и английском языках**.
7. Аннотация **на русском и английском языках** (1000–1500 знаков / 150–200 слов; четко указать предмет, цели, задачи и выводы исследования).
8. Ключевые слова **на русском и английском языках (8–10 слов)**.
9. Транслитерированный список литературы.

Журнал распространяется по подписке – через ОАО «Роспечать» в подписной период. Подписной индекс – 70414 (подписка на полугодие).

В неподписной период отдельные номера журнала за нынешний и прошлые годы можно приобрести в редакции.

Адрес для переписки: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, ЮФУ.

Редакция журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».

Тел.: (863) 218-40-00 доб. 11-093; (863) 218-40-00 доб. 11-094.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru.

Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru.

ISSN 0321-3056. DOI 10.23683/0321-3056-2019-3.

Известия высших учебных заведений.
Северо-Кавказский регион. Общественные науки.
2019. № 3